A sepia-toned portrait of Vladimir Nabokov, smiling and wearing a dark, textured jacket. The background is a light, mottled pattern.

ВЛАДИМИР
НАБОВОКОВ

Л Е К Ц И И
О «ДОН КИХОТЕ»

Книга содержит впервые переведенный на русский язык полный курс лекций о романе Сервантеса, прочитанный В. Набоковым в Гарвардском университете в 1951–1952 годах.

Замечательное свойство литературоведческих работ Набокова — в сочетании его писательского дара с вдумчивостью благодарного читателя. Суровый и нежный, невыносимо пристрастный, но никогда не скучный, Набоков по-новому осмысливает шедевр Сервантеса — он шутит и грустит, сопровождая своих студентов, а ныне и читателей, в странный, хотя и кажущийся таким знакомым мир «Дон Кихота».

Текст дополняют подробные комментарии профессора Фредсона Бауэrsa, американского библиографа, собравшего и отредактировавшего этот том лекций по набоковским рукописям.

- [Владимир Набоков](#)

-
- [ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА\[1\]](#)
- [ПРЕДИСЛОВИЕ\[2\]](#)
- [ЛЕКЦИИ О «ДОН КИХОТЕ»](#)
 - [ВВЕДЕНИЕ](#)
 - [«ЖИЗНЬ» И ЛИТЕРАТУРА](#)
 - [ГДЕ? «ДОН КИХОТА»](#)
 - [«КОГДА?» КНИГИ](#)
 - [ОБОБЩЕНИЕ КРИТИЧЕСКИХ ОТКЛИКОВ](#)
 - [ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ О ФОРМЕ](#)
 - [ДЛИННАЯ ТЕНЬ ДОН КИХОТА](#)
 - [ДВА ПОРТРЕТА: ДОН КИХОТ И САНЧО ПАНСА](#)
 - [ТОТ САМЫЙ ДОН КИХОТ](#)
 - [ТОТ САМЫЙ САНЧО ПАНСА \(СВИНОЕ БРЮХО, НОГИ ЖУРАВЛЯ\)](#)
 - [КОМПОЗИЦИЯ](#)
 -
 - [СТРУКТУРНЫЕ ПРИЕМЫ](#)
 - [ДИАЛОГ И ПЕЙЗАЖ](#)
 - [ВСТАВНЫЕ ПОВЕСТИ](#)
 - [ГРУППИРОВКА ПЕРСОНАЖЕЙ](#)
 - [ТЕМА РЫЦАРСКИХ РОМАНОВ](#)
 - [ЖЕСТОКОСТЬ И МИСТИФИКАЦИЯ](#)
 -
 - [ГЕРЦОГСКИЕ ЧАРЫ](#)
 - [ТЕМА ЛЕТОПИСЦЕВ, ДУЛЬСИНЕЯ И СМЕРТЬ](#)
 - [ТЕМА ЛЕТОПИСЦЕВ](#)
 - [ДУЛЬСИНЕЯ](#)
 - [СМЕРТЬ](#)
 - [ПОБЕДЫ И ПОРАЖЕНИЯ](#)
 -
 - [ЧАСТЬ ПЕРВАЯ](#)
 - [ПЕРВЫЙ ЭПИЗОД: БДЕНИЕ НАД ОРУЖИЕМ \(ГЛ. 3\)](#)
 - [ВТОРОЙ ЭПИЗОД: ИЗБИЕНИЕ МАЛЬЧУГАНА \(ГЛ. 4\)](#)

- [ТРЕТИЙ ЭПИЗОД: ВСТРЕЧА С КУПЦАМИ \(ГЛ. 4\)](#)
- [ЧЕТВЕРТЫЙ ЭПИЗОД: ПЕРВАЯ ВООБРАЖАЕМАЯ БИТВА \(ГЛ. 7\)](#)
- [ПЯТЫЙ ЭПИЗОД: ОБРЕТЕНИЕ ОРУЖЕНОСЦА \(ГЛ. 7\)](#)
- [ШЕСТОЙ ЭПИЗОД: ВЕТРЯНЫЕ МЕЛЬНИЦЫ \(ГЛ. 8\)](#)
- [СЕДЬМОЙ ЭПИЗОД: БЕГСТВО МОНАХОВ \(ГЛ. 8\)](#)
- [ВОСЬМОЙ ЭПИЗОД: ПОЕДИНОК С БИСКАЙЦЕМ \(ГЛ. 8–9\)](#)
- [ДЕВЯТЫЙ ЭПИЗОД: МАРСЕЛА \(ГЛ. 14\)](#)
- [ДЕСЯТЫЙ ЭПИЗОД: ПОГОНЩИКИ \(ГЛ. 15\)](#)
- [ОДИННАДЦАТЫЙ ЭПИЗОД: РЕВНИВЫЙ ПОГОНЩИК \(ГЛ. 16–17\)](#)
- [ДВЕНАДЦАТЫЙ ЭПИЗОД: СТРАЖНИК \(ГЛ. 17\)](#)
- [ТРИНАДЦАТЫЙ ЭПИЗОД: ОВЦЫ \(ГЛ. 18\)](#)
- [ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ ЭПИЗОД: РАЗГРОМ ПОХОРОННОЙ ПРОЦЕССИИ \(ГЛ. 19\)](#)
- [ПЯТНАДЦАТЫЙ ЭПИЗОД: СУКНОВАЛЬНИ \(ГЛ. 20\)](#)
- [ШЕСТНАДЦАТЫЙ ЭПИЗОД: МАМБРИНОВ ШЛЕМ \(ГЛ. 21\)](#)
- [СЕМНАДЦАТЫЙ ЭПИЗОД: ОСВОБОЖДЕНИЕ КАТОРЖНИКОВ \(ГЛ. 22\)](#)
- [ВОСЕМНАДЦАТЫЙ ЭПИЗОД: ОБНОСИВШИЙСЯ РЫЦАРЬ \(ГЛ. 24\)](#)
- [ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ЭПИЗОД: ВТОРАЯ ВООБРАЖАЕМАЯ БИТВА \(ГЛ. 35, 37\)](#)
- [ДВАДЦАТЫЙ ЭПИЗОД: УЖИН \(ГЛ. 37–38\)](#)
- [ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ ЭПИЗОД: ДЫБА \(ГЛ. 43\)](#)
- [ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ ЭПИЗОД: НЕПРОШЕННЫЕ ГОСТИ \(ГЛ. 44\)](#)
- [ДВАДЦАТЬ ТРЕТИЙ ЭПИЗОД: ДРАКА НА ПОСТОЯЛОМ ДВОРЕ \(ГЛ. 45\)](#)
- [ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ ЭПИЗОД: ЗАКЛЮЧЕНИЕ ДОН КИХОТА В КЛЕТКУ \(ГЛ. 46\)](#)
- [ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ ЭПИЗОД: БИТВА С КОЗОПАСОМ \(ГЛ. 52\)](#)
- [ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ ЭПИЗОД: ПРОЦЕССИЯ МОЛЯЩИХСЯ О ДОЖДЕ \(ГЛ. 52\)](#)
- [ЧАСТЬ ВТОРАЯ](#)
 - [ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ ЭПИЗОД: ПЕРВАЯ БИТВА С КАРРАСКО \(ГЛ. 14–15\)](#)
 - [ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ ЭПИЗОД: ЛЬВЫ \(ГЛ. 17\)](#)
 - [ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ ЭПИЗОД: РАСПРИ НА СВАДЬБЕ \(ГЛ. 21\)](#)
 - [ТРИДЦАТЫЙ ЭПИЗОД: КУКОЛЬНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ \(ГЛ. 25–26\)](#)
 - [ТРИДЦАТЬ ПЕРВЫЙ ЭПИЗОД: РЕВУЧИЕ ДЕРЕВНИ \(ГЛ. 27–28\)](#)
 - [ТРИДЦАТЬ ВТОРОЙ ЭПИЗОД: ВОДЯНЫЕ МЕЛЬНИЦЫ \(ГЛ. 29\)](#)
 - [ТРИДЦАТЬ ТРЕТИЙ ЭПИЗОД: ДИКИЙ КАБАН \(ГЛ. 34\)](#)
 - [ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ ЭПИЗОД: ЛЕТАЮЩИЙ КОНЬ \(ГЛ. 41\)](#)
 - [ТРИДЦАТЬ ПЯТЫЙ ЭПИЗОД: КОТЫ \(ГЛ. 46\)](#)
 - [ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЙ ЭПИЗОД: ЩИПКИ \(ГЛ. 48\)](#)
 - [ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЙ ЭПИЗОД: ЛАКЕЙ-ГАСКОНЕЦ \(ГЛ. 54–56\)](#)
 - [ТРИДЦАТЬ ВОСЬМОЙ ЭПИЗОД: БЫКИ \(ГЛ. 58\)](#)
 - [ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ ЭПИЗОД: БИТВА С САНЧО \(ГЛ. 60\)](#)
 - [СОРОКОВОЙ ЭПИЗОД: ВТОРАЯ И ПОСЛЕДНЯЯ БИТВА С КАРРАСКО \(ГЛ. 64–65\)](#)

- [ЗАКЛЮЧЕНИЕ](#)
- [ПОВЕСТВОВАНИЕ И КОММЕНТАРИЙ](#)
 - [ЧАСТЬ ПЕРВАЯ \(1605\)](#)
 - [ГЛАВА 1](#)
 - [ГЛАВА 2](#)
 - [ГЛАВА 3](#)
 - [ГЛАВА 4](#)
 - [ГЛАВА 5](#)
 - [ГЛАВА 6](#)
 - [ГЛАВА 7](#)
 - [ГЛАВА 8](#)
 - [ГЛАВА 9](#)
 - [ГЛАВА 10](#)
 - [ГЛАВА 11](#)
 - [ГЛАВА 12](#)
 - [ГЛАВЫ 13 и 14](#)
 - [ГЛАВА 15](#)
 - [ГЛАВА 16](#)
 - [ГЛАВА 17](#)
 - [ГЛАВА 18](#)
 - [ГЛАВА 19](#)
 - [ГЛАВА 20](#)
 - [ГЛАВА 21](#)
 - [ГЛАВА 22](#)
 - [ГЛАВА 23](#)
 - [ГЛАВА 24](#)
 - [ГЛАВА 25](#)
 - [ГЛАВА 26](#)
 - [ГЛАВА 27](#)
 - [ГЛАВА 28](#)
 - [ГЛАВА 29](#)
 - [ГЛАВА 30](#)
 - [ГЛАВА 31](#)
 - [ГЛАВА 32](#)
 - [ГЛАВЫ 33-35](#)
 - [ГЛАВА 36](#)
 - [ГЛАВА 37](#)
 - [ГЛАВА 38](#)
 - [ГЛАВЫ 39-41](#)
 - [ГЛАВА 42](#)
 - [ГЛАВА 43](#)
 - [ГЛАВА 44](#)
 - [ГЛАВА 45](#)
 - [ГЛАВА 46](#)
 - [ГЛАВА 47](#)
 - [ГЛАВА 48](#)
 - [ГЛАВА 49](#)

- [ГЛАВА 50](#)
- [ГЛАВА 51](#)
- [ГЛАВА 52](#)
- [ЧАСТЬ ВТОРАЯ \(1615\)](#)
 - [555](#)
 - [ГЛАВА 1](#)
 - [ГЛАВА 2](#)
 - [ГЛАВА 3](#)
 - [ГЛАВА 4](#)
 - [ГЛАВА 5](#)
 - [ГЛАВА 6](#)
 - [ГЛАВА 7](#)
 - [ГЛАВА 8](#)
 - [ГЛАВА 9](#)
 - [ГЛАВА 10](#)
 - [ГЛАВА 11](#)
 - [ГЛАВА 12](#)
 - [ГЛАВА 13](#)
 - [ГЛАВА 14](#)
 - [ГЛАВА 15](#)
 - [ГЛАВА 16](#)
 - [ГЛАВА 17](#)
 - [ГЛАВА 18](#)
 - [ГЛАВА 19](#)
 - [ГЛАВА 20](#)
 - [ГЛАВА 21](#)
 - [ГЛАВА 22](#)
 - [ГЛАВА 23](#)
 - [ГЛАВА 24](#)
 - [ГЛАВА 25](#)
 - [ГЛАВА 26](#)
 - [ГЛАВА 27](#)
 - [ГЛАВА 28](#)
 - [ГЛАВА 29](#)
 - [ГЛАВА 30](#)
 - [ГЛАВА 31](#)
 - [ГЛАВА 32](#)
 - [ГЛАВА 33](#)
 - [ГЛАВЫ 34-35](#)
 - [ГЛАВА 36](#)
 - [ГЛАВА 37](#)
 - [ГЛАВА 38](#)
 - [ГЛАВА 39](#)
 - [ГЛАВА 40](#)
 - [ГЛАВА 41](#)
 - [ГЛАВЫ 42-43](#)
 - [ГЛАВА 44](#)

- [ГЛАВА 45](#)
- [ГЛАВА 46](#)
- [ГЛАВА 47](#)
- [ГЛАВА 48](#)
- [ГЛАВА 49](#)
- [ГЛАВА 50](#)
- [ГЛАВА 51](#)
- [ГЛАВА 52](#)
- [ГЛАВА 53](#)
- [ГЛАВА 54](#)
- [ГЛАВА 55](#)
- [ГЛАВА 56](#)
- [ГЛАВА 57](#)
- [ГЛАВА 58](#)
- [ГЛАВА 59](#)
- [ГЛАВА 60](#)
- [ГЛАВА 61](#)
- [ГЛАВА 62](#)
- [ГЛАВА 63](#)
- [ГЛАВЫ 64-65](#)
- [ГЛАВА 66](#)
- [ГЛАВА 67](#)
- [ГЛАВА 68](#)
- [ГЛАВА 69](#)
- [ГЛАВА 70](#)
- [ГЛАВА 71](#)
- [ГЛАВА 72](#)
- [ГЛАВА 73](#)
- [ГЛАВА 74](#)

○ [ПРИЛОЖЕНИЕ](#)

■

■ [Из «СМЕРТИ АРТУРА» \(1469–1470\) Томаса Мэлори](#)

- [ТОМ 1, КНИГА IV, ГЛ. 22](#)
- [ТОМ 1, КНИГА IV, ГЛ. 23](#)
- [ТОМ 1, КНИГА V, ГЛ. 4](#)
- [ТОМ 1, КНИГА V, ГЛ. 5 \(Описание великана\)](#)
- [ТОМ 1, КНИГА V, ГЛ. 5](#)
- [ТОМ 1, КНИГА VI, ГЛ. 3](#)
- [ТОМ 1, КНИГА VI, ГЛ. 10](#)
- [ТОМ 1, КНИГА VIII, ГЛ. 6](#)
- [ТОМ 1, КНИГА VIII, ГЛ. 7](#)

■ [Из «АМАДИСА ГАЛЛЬСКОГО»](#)

■

- [ИЗ ТОМА I, ГЛАВЫ 27:](#)
- [ИЗ ТОМА I, ГЛАВЫ 44:](#)
- [ИЗ ТОМА II, КНИГИ III, ГЛАВЫ 6 \(НЕМАЯ ДЕВИЦА\):](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)

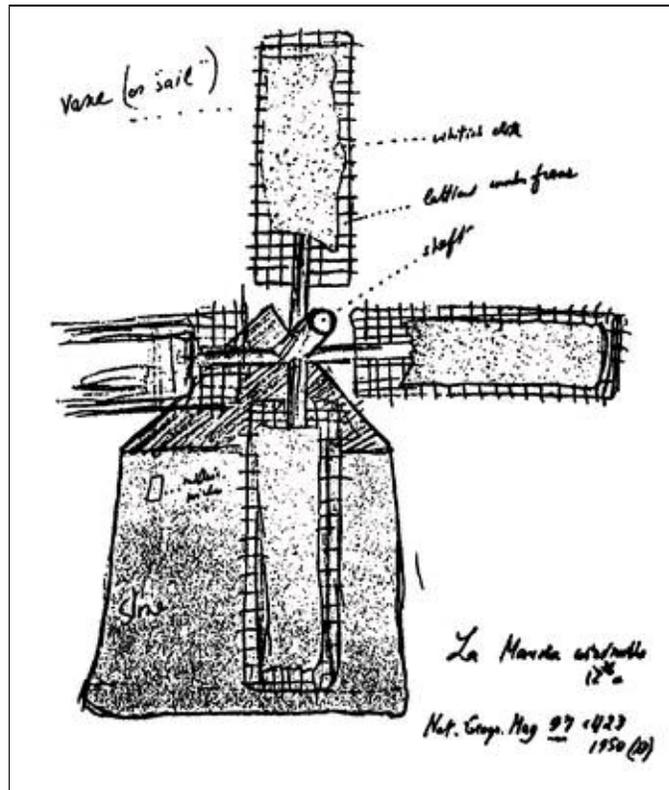
- [comments](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)

- [32](#)
 - [33](#)
 - [34](#)
 - [35](#)
 - [36](#)
 - [37](#)
 - [38](#)
 - [39](#)
 - [40](#)
 - [41](#)
 - [42](#)
 - [43](#)
 - [44](#)
 - [45](#)
 - [46](#)
 - [47](#)
 - [48](#)
 - [49](#)
 - [50](#)
 - [51](#)
 - [52](#)
 - [53](#)
 - [54](#)
 - [55](#)
 - [56](#)
 - [57](#)
 - [58](#)
 - [59](#)
-

Владимир Набоков

ЛЕКЦИИ О "ДОН КИХОТЕ"

Набоковский рисунок ветряной мельницы XVII века

Когда Владимир Набоков прибыл в Соединенные Штаты в 1940 году, чтобы начать в этой стране новую жизнь, он привез с собой, согласно его собственным воспоминаниям, цикл готовых лекций для ожидавшей его академической карьеры. Настоящая серия лекций о «Дон Кихоте» Сервантеса была, однако, написана им специально для прочтения в Гарвардском университете, в весеннем семестре 1951/52 учебного года, где во время отпуска со своей постоянной работы на факультете Корнеллского университета Набоков выступал в качестве приглашенного профессора.

Среди гарвардских общеобразовательных курсов, введенных в программу университета пятью годами ранее, были Гуманитарные науки-1, 2, причем первый семестр был посвящен эпической поэзии, преподававшейся специалистом по классической литературе Джоном Х. Финли младшим, а второй — истории и теории романа (этот курс вел профессор Гарри Левин). Время от времени профессору Левину приходилось читать лекции на других факультетах, и для ведения курса Гуманитарные науки-2 его в нескольких случаях заменяли И.А. Ричардс, Торнтон Уайлдер и Владимир Набоков. Профессор Левин вспоминает, что в беседе с Набоковым о составляющих учебную программу произведениях он высказал мнение, что «Дон Кихот» является логической отправной точкой для обсуждения развития романа. Набоков так энергично поддержал эту идею, что взялся за подготовку цикла лекций о «Дон Кихоте» специально для гарвардского курса, за которыми должны были следовать его уже готовые Корнеллские лекции по Диккенсу, Гоголю, Флоберу и Толстому. Свидетельств о том, что Набоков читал лекции по Сервантесу после своего возвращения в Корнелл, не сохранилось.

Набоков готовился к гарвардскому курсу и новым лекциям о «Дон Кихоте» с особой тщательностью. Представляется вероятным, что его первым шагом было написать обширный поглавный конспект всего романа. Учитывая, что его преподавательские методы в значительной степени опирались на цитирование изучаемого автора, конспект произведения состоял из собственно набоковского текста лекций и переписанных или аннотированных цитат, помеченных различными комментариями о сюжете, диалоге, персонажах и темах романа. В работе Набоков пользовался английским переводом «Дон Кихота» Сэмюэля Путнама, вышедшим в издательстве «Вайкинг пресс» в 1949 году и впоследствии воспроизведенным «Рэндом Хаус» в серии «Современная библиотека». Почти все постраничные ссылки в рукописи лекций относятся к этому изданию (не следует путать с сокращенной версией романа того же «Вайкинг пресс», о нежелательности использования которой Набоков особо предупреждал своих студентов). Однако он называл приемлемым перевод «Дон Кихота», выполненный Дж. М. Коэном и выпущенный в мягкой обложке издательством «Пенгвин букс» в Англии в 1950 году.

Экземпляр путнамовского перевода, которым Набоков пользовался при работе над лекциями, не сохранился, но томик в мягкой обложке издательства «Пенгвин» хранится в семье писателя. Последний содержит карандашные линии, прочерченные Набоковым на полях напротив многих абзацев, но, к разочарованию редактора, только один или два комментария, как, например, вопрос «Победа? Поражение?» напротив главы девятой первой части или пометку «Начало герцогской темы» напротив главы тридцатой второй части. Неясно, был ли этот томик рабочим экземпляром Набокова (в этом случае у редактора могли бы возникнуть трудности с содержащимися в лекциях ссылками на страницы путнамовского перевода); но, к счастью, этот вопрос не актуален, так как пенгвиновский том почти не содержит пометок, а следовательно, не представляет интереса для редактора.

Раздел «Повествование и комментарий», который в настоящем издании следует за шестью

формальными лекциями, воспроизводит набоковский оригинальный конспект романа, написанный и затем отпечатанный в удобной для ссылок форме. Внимательно изучив роман (то есть составив поглавный конспект), Набоков предпринял первую попытку подготовки собственно лекций. Рукопись свидетельствует, что вначале он предполагал сосредоточить анализ построения «Дон Кихота» на всеобъемлющей теме «побед и поражений». При изучении черновики становится очевидным, что он успел написать значительную часть этой предварительной версии лекционного цикла.

Разрабатывая лекции, Набоков резюмировал многочисленные страницы из отпечатанного раздела «Повествование и комментарий» и во многом изменил их хронологический порядок, приводя их в соответствие с новой центральной темой. Рукописные страницы с разработанными, расширенными и детализированными комментариями связывали перераспределенный машинописный текст согласно тематической оси «побед и поражений». Лишь позже, после окончания этой первой версии лекций, в воображении Набокова сформировались более разнообразные тематические подходы, которые и образовали концепцию настоящих шести лекций, довлеющую и над хронологическим анализом первоначальных записей, и над простым противопоставлением *побед* и *поражений* как стержня повествования.

Для окончательного варианта этих шести лекций, прочитанных в Гарварде и ныне хранящихся в шести папках, Набоков вновь переписал начальную версию, извлекая — по мере необходимости — различные страницы из черновика о «Победах и поражениях», так же как и отдельные страницы из «Повествования и комментария». Он вычеркнул из машинописного текста не подлежащий использованию материал и включил оставшиеся страницы в окончательный вариант рукописи. Шестая глава, «Победы и поражения», была полностью переписана согласно новой концепции. Около сорока разрозненных страниц, почти пятая часть оригинальных записей, составляющих раздел «Повествование и комментарий», сохранились в отдельной папке и не были включены ни в черновой, ни в окончательный текст лекций. При воссоздании оригинала «Повествования и комментария» для настоящего издания отпечатанные страницы (идентифицируемые по пагинации) были извлечены из отвергнутой Набоковым рукописи «Побед и поражений», а рукописные фрагменты были введены, по необходимости, в текст лекций или в раздел «Повествование и комментарий». Для восстановления отпечатанного материала (который Набоков удалил, внося необходимые фрагменты в текст лекций) были также использованы отдельные страницы из рукописи шести лекций. Так, представленный в настоящем томе раздел «Повествование и комментарий» состоит из собранных воедино разрозненных страниц оригинального текста с добавлением неиспользованных сорока страниц из отдельной папки. Утерянными оказались всего несколько страниц первоначальной версии.

При восстановлении оригинала данного раздела выявилось некоторое количество повторов как в комментариях, так и в цитатах, использовавшихся ранее в тексте шести лекций: такой материал был удален, с тем чтобы рассмотрение той или иной темы в разделе «Повествование и комментарий» носило исключительно расширительный характер по отношению к вопросам, трактуемым в лекциях. Подобное неизбежное редактирование материала повлекло за собой включение в текст нескольких связующих абзацев с целью придания логической последовательности цитатам, которые для Набокова служили лишь предварительными заметками для последующей разработки; более того, ряд цитат был расширен по причине их контекстуальной ценности, а несколько цитат добавлено для удовольствия читателя. Чтобы заменить утерянные страницы и ради сохранения единства текста, в раздел «Повествование и комментарий» включено несколько кратких сюжетных аннотаций.

Сохранившиеся рукописи состоят из шести оригинальных набоковских папок, в каждой из которых содержится одна лекция и, в некоторых случаях, отдельные листы с заметками, которые

можно рассматривать как результат раннего накопления материала. (Максимально возможное число этих заметок было введено в корпус лекций.) Длина лекций очень неодинакова, отчасти потому, что автор иногда вырезал часть текста посредством исключаящих скобок (ибо Набоков педантично соблюдал длительность лекции.) Но, учитывая, что каждая из них занимала одинаковое время при прочтении, разное количество страниц указывает на то, что Набоков, вероятно, использовал при подготовке окончательного варианта лишь незначительную часть (возможно, только несколько предложений со страницы) ранее написанного материала. Окончательный текст всех лекций написан Набоковым от руки, за исключением разрозненных машинописных листов из ранней черновой версии, основанной на теме «побед и поражений». Первая лекция занимает около двадцати страниц, вторая — тридцать пять, третья достигает семидесяти одной страницы, четвертая насчитывает всего двадцать девять страниц, пятая — тридцать одну, а окончательная версия шестой лекции вместе с заключением составляет около пятидесяти страниц. В дополнение к этим папкам, содержащим в основном лекции в виде, в котором они были прочитаны, архив вмещает около 175 страниц разрозненных конспектов и обзорных замечаний и папку с пятнадцатью страницами очень сырых заметок о подложной «Второй части Дон Кихота» Авельянеды.

Задача редактора свелась к попытке представить наиболее полную трактовку «Дон Кихота» Набоковым с его комментариями, выходящими за условные, связывавшие его рамки шести лекционных часов. В рукописи лекций Набоков так тщательно вымарывал действительно отвергнутые отрывки, что прочитать их не представляется возможным. В то же время он имел обыкновение заключать в скобки материал, который мог прочитать или опустить в зависимости от оставшегося времени и при этом на поля часто выносил хронометрические пометки. Кроме того, используя страницы из оригинала «Повествования и комментария», Набоков мог провести диагональную черту по абзацу, подлежащему пропуску по причине временных ограничений или же потому, что он не имел непосредственного отношения к обсуждаемому вопросу. Редактор последовательно восстановил заключенный в скобки текст, руководствуясь мотивами, что текст составлял часть оригинальной рукописи, чаще всего был вполне уместен и мог быть прочитан, не будь Набоков ограничен часовым циферблатом. Дополнительный материал, удаленный Набоковым из разрозненных машинописных листов, был включен в текст лекций сообразно с контекстом, в особенности если уместной представлялась цитата из «Дон Кихота»; но большая часть удаленного материала была включена в раздел «Повествование и комментарий», которому этот материал и принадлежал изначально.

Обычно Набоков выписывал цитаты, которые намеревался прочитать в аудитории, но иногда он только указывал номера страниц в путнамовском переводе «Дон Кихота». В этом последнем случае нельзя быть уверенным, открывал ли он книгу в классе, чтобы зачитать отрывок студентам, или же рекомендовал его для самостоятельного чтения. (Все цитаты приводятся в настоящем издании полностью.) Редактор с некоторой свободой отнесся к цитатам, расширяя в случае необходимости приводимый Набоковым отрывок или добавляя соответствующие цитаты в тексте или подстрочных примечаниях, чтобы проиллюстрировать набоковские ремарки в лекции. В целом настоящее издание лекций следует структуре и порядку их расположения в окончательной версии Набокова, за исключением оговоренных выше цитатных расширений, в особенности если они собственноручно рекомендованы Набоковым в отсылках. Однако первая глава в настоящем издании, хотя она далеко не синтетична, сохранилась в менее строгой форме, чем остальные лекции, и восстановлена не только по оригиналу, но и посредством вставок комментариев и ремарок с отдельных страниц, распределенных между папками, но не имеющих к ним непосредственного отношения.

Принимая во внимание, что окончательный вариант лекций посвящен различным темам и

не рассматривает события в романе в хронологическом порядке, раздел «Повествование и комментарий» может помочь читателям составить целостное впечатление о романе Сервантеса, являясь пересказом сюжета, перемежаемым набоковскими экспозициями и анализом, не нашедшим места в тексте лекций. Таким образом, этот раздел должно воспринимать как неотъемлемую часть настоящего издания, включенного в том не только для понимания набоковской трактовки «Дон Кихота» как произведения искусства, но и с более прозаической целью — восстановить в памяти людей, давно не открывавших роман Сервантеса, события, о которых Набоков только упоминает в своих лекциях. Следует надеяться, что этот аннотированный конспект романа не помешает людям, заинтересовавшимся лекциями и не читавшим «Дон Кихота», открыть для себя эту книгу, этот великий опыт мировой литературы.

Наконец, краткое приложение с выдержками из «Смерти Артура» и «Амадиса Галльского» воспроизводит машинописный текст, использовавшийся при подготовке мимеографических оттисков, которые Набоков раздавал своим студентам, с тем чтобы они могли ознакомиться с некоторыми фрагментами классических рыцарских романов, которые читал и которым стремился подражать Дон Кихот.

Фредсон Бауэрс

«Я вспоминаю с восторгом, — сказал Владимир Набоков в 1966 году Герберту Голду, приехавшему в Монтрё брать у него интервью, — как разодрал "Дон Кихота", жестокую и грубую старую книжку, перед шестьюстами студентами в Мемориальном зале, к ужасу и замешательству некоторых из моих более консервативных коллег». Да, он ее разодрал, и по вполне обоснованным критическим причинам, но он и собрал ее воедино. Шедевр Сервантеса не входил в программу набоковских лекций в Корнелле, Набоков, очевидно, не особо жаловал эту книгу, и, начав подготовку к гарвардскому курсу (университет настоял, чтобы «Дон Кихот» вошел в программу лекций), он в первую очередь обнаружил, что американские профессора на протяжении многих лет облагораживали «жестокую и грубую старую книжку», обратив ее в благонравный и причудливый миф о видимости и реальности. Так, Набокову предстояло открыть для студентов текст, очистив его от ханжеского вздора, наслоившегося на роман в результате длительной традиции неверного прочтения. Новое прочтение книги Набоковым — событие в современной литературной критике.

Намерению Набокова подготовить к изданию лекции, прочитанные в Гарварде в 1951/52 учебном году и в Корнелле с 1948 по 1959 год, не суждено было осуществиться, и тем из нас, кому не довелось быть среди «шестисот молодых незнакомцев», слушавших курс Гуманитарные науки-2 в Гарварде во время весеннего семестра 1951/52 года, придется читать лекции Набокова о Сервантесе по записям, сохранившимся в папках манильской бумаги, скрупулезно и блестяще отредактированных Фредсоном Бауэрсом, крупнейшим из американских библиографов.

Мемориальный зал Гарвардского университета, где Набоков читал эти лекции, — помещение для них настолько же символичное, насколько и удовлетворяющее запросам самого изошренного сатирика. Это безвкусная викторианская громада, которая, как уверял бы нас янки из Коннектикута Марка Твена, и есть то самое дутое нагромождение средневековой архитектуры, которое привиделось ему во сне. Здание было спроектировано как «пилотный» образец стиля университетской готики в 1878 году Вильямом Робертом Вейром и Генри ван Брантом для увековечивания памяти солдат, убитых на Гражданской войне донкихотствующими конфедератами. Что могло быть более сообразным этому зданию, словно выросшему из образов сэра Вальтера Скотта и Джона Рескина, этой абсолютно донкихотской архитектурной риторике, чем лекции Набокова, тонкого ценителя смехотворных жестов и едва уловимых нюансов, открывающего нам глаза на историю хитроумного пожилого идадьго из Ламанчи?

Однажды, когда я преподавал «Дон Кихота» в университете Кентукки, один из студентов поднял длинную баптистскую руку и поведал, что он пришел к заключению, будто герой нашей книги безумен. Это, сказал я, вопрос, вызывающий споры на протяжении вот уже четырехсот лет, и теперь мы, сидя в этом уютном чистеньком классе осенним днем, можем попытаться его разрешить. «Ну, — пробормотал он с некоторым неудовольствием, — мне сложно поверить, что они могли написать целую книгу о помешанном». Употребленное им местоимение *они* совершенно справедливо. Роман, который Набоков так ловко разодрал в Гарварде, — это книга, развившаяся *из* текста Сервантеса, так что сегодня, при упоминании «Дон Кихота» в любом разговоре, возникает вопрос: о чьем именно Дон Кихоте идет речь? Мишле? Микеля де Унамуну? Джозефа Вуд Кратча? Ибо персонаж Сервантеса, подобно Гамлету, Шерлоку Холмсу и Робинзону Крузо, начал удаляться от своей книги почти сразу после того, как был придуман. Происходила не только последовательная сентиментализация Дон Кихота и его неразлучного спутника, Санчо Пансы, — милый, очаровательно одурманенный Дон Кихот! комичный Санчо, такой живописный, такой уравновешенный селянин! — но и искажение текста его

иллюстраторами, в особенности Гюставом Доре, Оноре Домье (а ныне Пикассо и Дали), его апологетами, подражателями, инсценировщиками, всеми любителями слова *донкихотский*, которое в настоящее время может означать все, что душе угодно. Ему следовало бы означать нечто вроде «галлюцинирующий», «само-замороженный» или «игра — в столкновении с реальностью». Как случилось, что слово это стало синонимом «восхитительно идеалистичного» — пытается объяснить Набоков в своих лекциях.

Чтобы вернуть сервантесовского Дон Кихота в текст Сервантеса, Набоков (подталкиваемый необходимостью этого шага после прочтения стопки работ американских критиков с их смехотворно безответственным пересказом книги) в первую очередь составляет поглавный конспект романа — любезно воспроизведенный в настоящем издании профессором Бауэрсом. Тщательность этого конспекта способна пристыдить учителей, ознакомившихся с «Дон Кихотом» всего неделю назад и читающих самодовольно-поверхностные курсы по всей стране, тех, кто сами не открывали книгу с той поры, как были студентами-второкурсниками, тех, кто не читал второй части романа или же (я знал одного такого преподавателя) вовсе не заглядывал в книгу. Ведь «Дон Кихот», как выяснил Набоков с некоторой болью и досадой, вовсе не та книга, какой ее представляют себе люди. Слишком много *вставных новелл* (из разряда тех, о которых мы охотно забываем и которые искажают «Записки Пиквикского клуба») препятствует развитию бессюжетного сюжета. Мы переписываем книгу в уме как последовательность эпизодов из плутовского романа: восприятие таза цирюльника как Мамбринова шлема, нападение на ветряные мельницы (ставшее архетипичной квинтэссенцией книги), битва с овцами и так далее. Многие люди, совершенно не знакомые с текстом, могут предоставить вам приемлемый пересказ сюжета.

При подготовке к лекциям Набоков неустанно замечал, что книга вызывает жестокий смех, и это верно воспринимаемая реальность романа. Сервантесовский старик, начитавшийся рыцарских романов до умопомешательства, и его дурно пахнущий оруженосец были созданы, чтобы служить мишенью для издевок. Довольно скоро читатели и критики стали обходить эту испанскую веселость и интерпретировать книгу Сервантеса как иную разновидность сатиры: историю о том, как в грубом и неромантическом мире безумцем может восприниматься только здравомыслящий и гуманный человек.

Вопрос это не простой. Испания, традиционно не приемлющая чужаков, не умеет (подобно, к примеру, Китаю или Соединенным Штатам) их ассимилировать. При жизни Сервантеса в стране происходили истерические гонения на евреев, мавров и новообращенных христиан иудейских и мусульманских корней. Еще долго после того, как в Римской империи были запрещены гладиаторские бои на арене, они (к удовольствию публики) сохранялись в Испании. Национальное зрелище, бой быков, даже сегодня выделяет Испанию среди цивилизованных народов. Исторические обстоятельства создания «Дон Кихота», то есть царствование Филиппа II, параноидального фанатика, Наикатоличейшего короля, по его собственному определению, — это время, которое мы посеребрили лунным светом рыцарского романа. Набоков читал лекции о «Дон Кихоте» в оранжерее испанского романтизма. Лоуэлл и Лонгфелло выдумали Испанию, застрявшую в американском сознании (как свидетельствует мюзикл «Человек из Ламанчи») и которую, к сожалению, пытаются отыскать толпы американских туристов.

И все же в некотором смысле Испания Филиппа II была донкихотской. Ее дворяне хранили рыцарские доспехи, в которых, однако, не решился бы вступить в бой ни один всадник. Филипп, прагматичный и сварливый король-невротик, имел привычку выставлять свои рыцарские доспехи на плацу для смотра войскам. Сам он находился во дворце, среди роскошных полотен Тициана, ведя счета, читая и помечая каждое письмо, посланное или полученное от посольств и

доносчиков, сеть которых простиралась от Нового Света до Вены, от Роттердама до Гибралтара. Он, если мы займемся поисками прототипов, и есть Дон Кихот, но он — анти-Кихот. Подобно Дон Кихоту, он жил во сне, то и дело прорывая его иллюзорную ткань. Он сжигал еретиков на кострах, но как вы отличите еретика от не-еретика? Не пребывал ли он в той же гносеологической теплице, что и Дон Кихот, видя в овцах овец, но также и мавров? Жестокие шпионы Филиппа тащили к палачам людей, твердивших, что они — добрые католики, по подозрению, что они были (если вы знаете, как их отличить) неискренними новообращенными, гуманистами, протестантами, евреями, мусульманами, атеистами, ведьмами или еще Бог знает кем.

Европа переживала время, когда «реальность» начинала внезапно и резко меняться. Гамлет мучил Полония изменчивыми формами облаков. Способность Дон Кихота одурачивать самого себя — средоточие волнений века. Личность, впервые в европейской истории, стала вопросом мировоззрения или убеждений. Смех Чосера над «свинными костями» не был выражением скептицизма по отношению к истинным реликвиям, достойным поклонения. Однако в «Дон Кихоте» отождествление лошадиного корыта и крестильной купели ставит серьезный вопрос (независимо от того, входило ли это в намерения Сервантеса), не станет ли то, что мы именуем крестильной купелью, обычным корытом для воды, стоит нам освободиться от донкихотской магии, которую мы ему приписываем.

Кажется, что с течением лет замысел и значение «Дон Кихота» исказились на ветрах Просвещения и книга гордо продолжила плавание под ложными знаменами, которые мы с величайшей готовностью ей навязали. Вот то, что сделало суждения Набокова столь строгими. Он хотел, чтобы книга оставалась самой собой, сказкой, художественным построением, независимым от мифа «реальной жизни». И тем не менее «Дон Кихот» — именно та книга, которая заигрывает с «реальностью». Это, в известном смысле, трактат о волшебстве, о неуместности чар в разочарованном мире и о глупости колдовства в целом. Несмотря на это, книга околдовывает. Она стала, благодаря привнесенным искажениям и нашему сотрудничеству, тем, что призвана была высмеивать.

Набоков, проницательный наблюдатель и знаток американской души, знал, что все шестьсот гарвардцев в его аудитории верят в рыцарей, так же как они верят в Дикий Запад с его странствующими ковбоями и в готическую архитектуру Мемориального зала. Он не стал тратить времени, чтобы освободить их от иллюзий; напротив, он весело сказал им, что от *него* они не услышат ничего о Сервантесе, его времени или его недостающей левой руке (потерянной в битве при Лепанто). Вместо этого он настаивал, чтобы студенты знали, что такое ветряная мельница, и рисовал им ее на доске, называя им ее части. Он объяснял им, почему сельский идальго мог принять ветряные мельницы за гигантов, — они были новшеством в Испании XVII века, последней из стран Европы, куда доходили достижения прогресса.

Он очень ясно и светло и очень забавно говорит о Дульсинеяе Тобосской. Но он не расплывает внимания студентов рассуждениями на тему рыцарской любви, не распространяется о ее странных исторических метаморфозах и любопытных пережитках в современности. Если, при чтении этих тщательно продуманных и концептуально новых лекций, часть его сознания несомненно находилась в университетском музее, что в четырех минутах ходьбы от Мемориального зала, где он провел восемь лет предыдущего десятилетия как научный сотрудник-энтомолог, изучающий анатомию бабочек, то другая часть его сознания могла быть занята замыслом книги о рыцарской любви, ее безумствах и безрассудстве, замыслом, который в течение трех лет разовьется в «Лолиту». Эта уменьшительная форма испанского имени Долорес вызывает любопытство. «Лолита» — слишком логическое развитие набоковских тем (двойничество, творческая сила иллюзий, взаимодействие рассудка и наваждения), чтобы на нее

могло повлиять пристальное и утомительное прочтение «Дон Кихота». И все же есть нечто плутовское и загадочно общее в «гармонизирующей интуиции» двух этих книг. И есть русалка по имени Лолита. Она возникла как обольстительный ребенок, как первое воплощение романтической любви на Западе, как мальчик или девочка, как любимицы Сафо или юноши Анакреона. Платон, в философских построениях, обратил это безнадежное чувство в нечто, именуемое любовью к Идеальной Красоте. Эта тема стала непристойной и самодовлеющей в свинцовых руках римлян и почти растаяла в раннем Средневековье, чтобы вновь возникнуть в XV веке в виде рыцарского романа. Ко времени Сервантеса рыцарская любовь пропитала литературу (как происходит это и теперь), и в своей сатире, замешанной на теме рыцарства, Сервантес счел возможным преобразовать классический образец добродетели и красоты в крестьянскую девушку с большими ступнями и выдающейся бородавкой.

«Дон Кихот» не оказал ни малейшего воздействия на развитие романтической литературы; но он ввел устойчивую параллельную традицию, развивавшуюся с тех пор наряду с романтическим направлением. Рядом с Ричардсоном встал Филдинг. Мы сохранили идеальную красоту, но в доме по соседству живет госпожа Бовари. Скарлет О'Хара и Молли Блум — обе пылкие ирландки — вызывают в нас одинаково сильные переживания. Даже в старинных рыцарских романах, с самого их появления, добродетельная красавица уравнивается колдуньей, Уна — Дуэссой. После «Дон Кихота» иллюзорная красота становится интересной сама по себе, словно Ева отвоевывает свои древние права искусительницы. К концу семнадцатого и восемнадцатого веков она утвердилась как в литературе, так и в жизни. Чтобы предстать перед французским королем, заметил Мишле, вам надо было продираться через толпу женщин. Любовница стала определенного рода общественным институтом; в литературе утверждалось, что она требовательна и опасна, но более интересна и лестна, чем жена: ритуальная деталь рыцарских романов, которую «Дон Кихот» предположительно заковал в кандалы. Во времена перерезанного декаданса любовница стала прямой Лилит, первородной феминкой в кружевной ночной сорочке, дымящейся роком, проклятием и смертью. Лулу, называл ее Бенджамин Франклин Ведекинд. Молли, сказал Джойс. Цирцея, сказал Паунд. Одетт, сказал Пруст. И из этого хора Набоков выбрал свою Лолу, Лолиту, чье настоящее имя было почти суинберновским, Долорес, роднящим ее с кузинами Алисой (Набоков перевел на русский «Алису в Стране чудес»), Розой Рескина и Аннабель Ли Эдгара По. Но ее бабушкой была Дульсинья Тобосская. А еще вспомним, что некий профессор представляет нам воспоминания Гумберта Гумберта как бред сумасшедшего.

Таким образом, предложенные в настоящем издании лекции не лишены интереса для читателей набоковских романов. И Сервантес, и Набоков осознают, что игра может перерасти детство не только в виде снов наяву (которые находят столь подозрительными и осуждают психиатры) или разнообразной творческой деятельности, но и в форме самой игры. Именно этим и занимается Дон Кихот: он играет в странствующего рыцаря. Лолитина сторона отношений с Гумбертом Гумбертом — игра (она удивлена, что взрослые интересуются сексом, для нее это всего лишь еще одна забава), а Гумберт (безо всяких отсылок к теориям Фрейда), возможно, просто застрял в воспоминаниях о детских играх. В любом случае, случись критику рассматривать плутовский роман или литературную трактовку иллюзии и индивидуальности, он вспомнит Сервантеса и Набокова вместе.

Лекции по Сервантесу стали триумфом для Набокова в том, что, как мне кажется, он сам удивился своим заключениям о «Дон Кихоте». Он добросовестно подошел к делу, несмотря на то, что считал эту старую избитую «классическую» книгу совершенно никчемной и полной фальши. Именно подозрение в поддельности подогрело его интерес. Затем, думается, он осознал, что фальшь кроется в репутации книги и носит характер эпидемии среди ее критиков.

Именно такое положение вещей и не собирался терпеть Набоков. Потом он начал находить известную симметрию в расплывающемся хаосе романа. Он стал подозревать, что Сервантес не знает об «отвратительной жестокости» книги. Ему нравится сдержанный юмор Дон Кихота, его обаятельная педантичность. Он воспринимает «интересный феномен», что Сервантес создал персонаж, превосходящий размерами книгу, из которой он и перекочевал в искусство, в философию, в политическую символику, в литературный фольклор.

«Дон Кихот» остается грубой старой книгой, полной типично испанской жестокости, безжалостной жестокости, язвящей старика, играющего в своем слабоумии как ребенок. Она написана в эпоху, когда карлики и больные вызывали смех, когда гордыня и надменность были высокомернее, чем когда-либо раньше или позднее, когда на городских площадях ко всеобщему воодушевлению живьем сжигали на кострах еретиков, когда милосердие и доброта, казалось, изгнаны навек. Действительно, первые читатели книги искренне смеялись над ее жестокостью. Вскоре, однако, мир нашел пути читать ее по-иному. Она породила современный роман во всей Европе. Филдинг, Смоллетт, Гоголь, Достоевский, Доде, Флобер скроили эту испанскую сказку на свой манер. Персонаж, который в руках своего создателя начинал как шут, в течение веков стал святым. И даже Набоков, всегда скорый на расправу с любой жестокостью, скрывающейся под маской сентиментальности, отпускает его на свободу. «Мы более не смеемся над ним, — заключает он. — Его герб — жалость, его знамя — красота. Он олицетворяет все благородное, одинокое, чистое, бескорыстное и доблестное».

Гай Дэвенпорт

«ЖИЗНЬ» И ЛИТЕРАТУРА

Мы постараемся избежать роковой ошибки и не будем искать в романах так называемую «жизнь». Оставим попытки помирить фиктивную реальность с реальностью фикции. «Дон Кихот» — сказка, как «Холодный дом» или «Мертвые души». «Госпожа Бовари» и «Анна Каренина» — великолепные сказки. Правда, без таких сказок и мир не был бы реален. Литературный шедевр — это самостоятельный мир и поэтому вряд ли совпадет с миром читателя. А с другой стороны, что такое эта хваленая «жизнь», что такое эти прочные «истины»? В них начинаешь сомневаться, увидев, как биологи грозят друг другу тычинками и пестиками, а историки, сцепившись намертво, катаются в пыли веков. Пусть даже главные источники так называемой «жизни» так называемого среднего человека — это его газета и набор чувств, сокращенный до пяти — неважно, так это *или нет*, одно, к счастью, можно знать наверное: сам этот средний человек всего лишь плод вымысла, хитросплетение статистики.

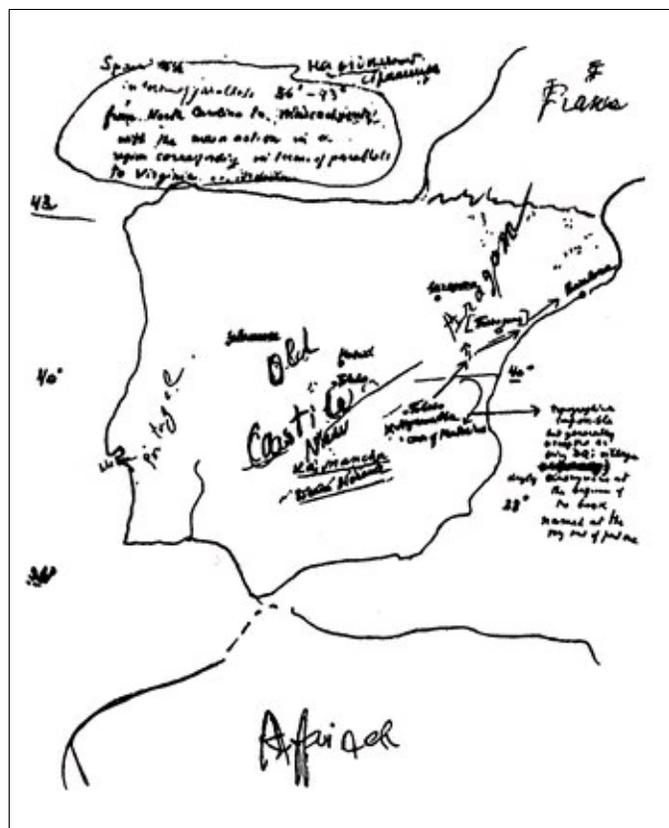
Так что понятие «жизнь» основано на системе абстракций, и, только став абстракциями, так называемые «факты» так называемой «жизни» соприкасаются с произведением литературы. Поэтому чем меньше в книге отвлеченного, тем труднее применить к ней «жизненные» понятия. Или, иначе говоря, чем ярче и новее подробности в книге, тем дальше она отходит от так называемой «жизни», поскольку «жизнь» — это обобщенный эпитет, заурядное чувство, одуроченная толпа, мир общих мест. Я нарочно сразу ныряю в ледяную воду — это неизбежно, когда хочешь разбить лед. Итак, бессмысленно искать в этих книгах подробного и достоверного изображения так называемой «реальной жизни». Но при этом между абстракциями вымысла и жизни есть иногда некое соответствие. Например, физическая или душевная боль, сны, безумие или такие вещи, как доброта, милосердие, справедливость, — посмотрите на эти универсальные категории человеческого бытия, и вы согласитесь, что узнать, как мастера литературы претворяют их в искусство, — стоящее дело.

ГДЕ? «ДОН КИХОТА»

Не стоит себя обманывать: землемером Сервантес не был. Шаткий задник «Дон Кихота» — выдумка, и притом довольно неубедительная. Нелепые постоянные двory, где толпятся запоздалые герои итальянских новелл, нелепые горы, которые кишат тоскующими рифмоплетами в костюмах аркадских пастухов, делают картину страны, нарисованную Сервантесом, примерно настолько же точной и типичной для Испании XVII века, насколько фигура Санта-Клауса точна и типична для Северного полюса века двадцатого. Видимо, Сервантес знал Испанию не лучше, чем Гоголь — центральную Россию.

И все равно это — Испания; как раз здесь и можно сопоставить абстракции «жизни» (в данном случае географические) с абстракциями книги. Говоря приблизительно, приключения Дон Кихота в первой части разыгрываются около деревень Аргамасилья и Тобосо в Ламанче, на запекшейся кастильской равнине, и южнее — в горах Моренской гряды, в Сьерре-Морене. Предлагаю познакомиться с этими местами по карте, которую я нарисовал. Как видите, Испания простирается, говоря на тупо-, простите, топографическом языке, от 43 до 36 градуса широты, то есть от Массачусетса до Северной Каролины, а область, где происходят главные события, соответствует Виргинии. На западе, рядом с португальской границей, вы найдете университетский город Саламанку, а в центре Испании восхититесь Мадридом и Толедо. Во

второй части общий курс странствия влечет нас на север, к Сарагосе в Арагоне, но потом, по причине, о которой я скажу позже, автор меняет планы и отправляет своего героя в Барселону, на восточное побережье.

Набоковский набросок карты Испании, изображающий место действия романа

Однако, попробовав изучить вылазки Дон Кихота по карте, мы столкнемся с невыносимой путаницей. Я избавлю вас от подробностей и скажу только, что в его приключениях полно чудовищных несообразностей на каждом шагу. Наш автор уклоняется от определенных, поддающихся проверке описаний. Нет никакой возможности проследить блуждания героя через четыре или шесть провинций центральной Испании, в ходе которых до самой Барселоны на северо-востоке не попадаешь ни в один известный город и не переправляешься ни через одну реку. Сервантес — полный и законченный невежда в географии, даже когда дело касается Аргамасильи в Ламанчском округе, хотя кое-кто и видит в ней более или менее надежную отправную точку^[1].

«КОГДА?» КНИГИ

Вот и все о пространстве. Теперь о времени.

Из 1667 года, когда был издан «Потерянный рай» Мильтона, мы соскальзываем обратно в спаленный солнцем ад, к первым двум десятилетиям XVII века.

Одиссей, блистая латами, с порога расстреливает женихов; Данте жметя, дрожа, к Вергилию, видя, как змея и грешник сливаются воедино; Сатана атакует ангелов — все они принадлежат той форме или фазе искусства, которую мы зовем эпосом. Кажется, великим литературам прошлого суждено было рождаться на европейских окраинах, на границе

известного мира. Мы знаем юго-восточную, южную и северо-западную точки, соответственно Грецию, Италию и Англию. Четвертой точкой теперь станет Испания на юго-западе.

Здесь мы видим эволюцию эпической формы: ее метрическая кожа сползает, стопы привыкают к пешей ходьбе, и от крылатого эпического чудовища и занимательного прозаического рассказа внезапно рождается плодovitый гибрид — довольно-таки ручное млекопитающее, если уж завершить это хромающее сравнение. В итоге — плодovitая помесь, новый вид, европейский роман.

Итак, место — Испания, время — с 1605 по 1615 год; очень удобное десятилетие, карманное и сподручное. Испанская словесность процветает, Лопе де Вега строчит свои пятьсот пьес, которые сегодня столь же мертвы, как и горстка пьес его современника, Мигеля де Сервантеса Сааведры. Наш герой неслышно выбирается из своего угла. На его жизнь я взгляну лишь краем глаза, но вы легко отыщете ее в разных предисловиях. Нас интересуют книги, а не люди. Об изувеченной руке Сааведры вы узнаете не от меня.

Мигель де Сервантес Сааведра (1547–1616); Уильям Шекспир (1564–1616). Когда Сервантес родился, Испанская империя была на вершине власти и славы. Ее худшие беды и лучшая литература начались в конце века. Пока, начиная с 1583 года, длилось литературное ученичество Сервантеса, Мадрид наполняли нищие рифмоплеты и сочинители более или менее гладкой кастильской прозы. Имелся, как я уже сказал, Лопе де Вега, который совершенно затмил драматурга Сервантеса и мог за двадцать четыре часа написать целую пьесу со всеми положенными шутками и смертями. Имелся и сам Сервантес — неудавшийся солдат, поэт, драматург, чиновник (он получал 60 центов в день за зерновые реквизиции для горемычной Испанской армады), и вот в 1605 году он издает первую часть «Дон Кихота».

Наверное, стоит окинуть беглым взглядом мир словесности между 1605 и 1615 годами — датами выхода двух частей «Дон Кихота». Вот что поражает воображение наблюдателя: почти болезненный разгул сонетотворчества по всей Европе — в Италии, Испании, Англии, Польше, Франции; достойная удивления, но не окончательного презрения страсть заключать образ, чувство, идею в четырнадцатистрочную клетку, за золоченую решетку пяти или семи рифм — пяти в романских странах, семи в Англии.

Обратимся к Англии. В ослепительном закатном зареве елизаветинских времен уже написана или пишется череда несравненных шекспировых трагедий: «Гамлет» (1601), «Отелло» (1604), «Король Лир» (1605), «Макбет» (1606). (Выходит, что безумный рыцарь Сервантеса и безумный царь Шекспира могли создаваться одновременно.) А в раскидистой тени Шекспира подрастали Бен Джонсон, Флетчер и другие драматурги — густой подлесок гения. В 1609 году были изданы сонеты Шекспира — высшее достижение жанра, а в 1611-м вышла Библия короля Якова — влиятельный памятник прозы. Мильтон родился в 1608 году, между изданиями первой и второй частей «Дон Кихота». В английской Вирджинской колонии капитан Джон Смит в 1608 году выпустил «Правдивый рассказ», а в 1612-м — «Карту Вирджинии». Он сложил сагу о Покахонтас¹²¹ и был хоть и неуклюжим, но сильным рассказчиком, первым певцом фронта в этой стране.

Для Франции десятилетие было временем короткого Упадка между двумя великими эпохами вслед за восхитительно яркой эрой поэта Ронсара и эссеиста Монтеня. Поэзия умирала пристойной смертью на руках у бледных гладкописцев, ловко рифмующих, но с немощным воображением — как знаменитый и влиятельный Малерб. Тон задавали нелепые чувствительные Романы вроде «Астреи» Оноре д'Юрфе. Следующий по-настоящему великий поэт — Лафонтен — еще не родился, а пьесы Мольера и Расина еще не увидели сцены.

В Италии, где длилась эпоха угнетения и тирании, начавшаяся в середине XVI века, где мысль была под подозрением, а высказанная мысль — в оковах, — там в оное десятилетие

царила напыщенная поэзия, так что, кроме вычурных метафор и натянутых выдумок Дж. Марино и его приверженцев, нечего и вспомнить. Десять лет назад поэт Торквато Тассо окончил свою трагически неумелую жизнь, а совсем недавно (в 1600-м) сожгли на костре великого вольнодумца Джордано Бруно.

Что касается Германии, никаких великих писателей там нет в эти десять лет, которые можно считать преддверием так называемого немецкого Возрождения (1600–1740). Разные второстепенные поэты перепевали французскую литературу, множество литературных обществ составлялось по итальянскому образцу.

В России между горячечными посланиями Ивана Грозного (конец XVI века) и рождением величайшего из писателей Руси (до Возрождения XIX века) протопопа Аввакума (1620–1682), в затянувшуюся эпоху гнета и обособленности, мы можем различить только анонимные сказки и повествования в белых стихах, которыми сказители нараспев прославляли богатырей (древнейший текст такой «былины» был записан в 1620 году для англичанина Ричарда Джеймса). В России, как и в Германии, литература была еще в зародыше.

ОБОБЩЕНИЕ КРИТИЧЕСКИХ ОТКЛИКОВ

Некоторые критики (расплывчатое, давно почившее меньшинство) пытались доказать, что «Дон Кихот» всего лишь безвкусный фарс. Другие объявляли «Дон Кихота» величайшим из романов. Сто лет назад один восторженный французский критик, Сент-Бёв, назвал его «Библией человечества». Не будем поддаваться чарам этих заклинателей.

Переводчик Сэмюэл Путнам в Викинговом издании хвалит книги о «Дон Кихоте» Белла и Кратча^[3]. Я резко возражаю против многого в этих книгах. Я не согласен с утверждениями вроде того, что «тонкостью восприятия, изяществом ума, живостью воображения и изысканностью юмора [Сервантес] не уступал Шекспиру». Ну нет — даже если свести Шекспира к одним комедиям, Сервантес сильно отстает по всем пунктам. «Дон Кихот» всего лишь оруженосец «Короля Лира», и оруженосец хороший. Шекспир и Сервантес ровня только в одном: в силе воздействия, духовного влияния. Я имею в виду ту длинную тень, которую отбрасывает на восприимчивое потомство созданный образ, чья жизнь может продолжаться независимо от самой книги. Правда, пьесы Шекспира будут жить и без падающей от них тени.

Было замечено, что оба писателя умерли в день св. Георгия в 1616 году, «заключив союз для истребления дракона лживых видимостей», как затейливо, но неверно пишет Белл. Не помышляя об истреблении дракона, и Сервантес и Шекспир — каждый на свой лад — выгуливали на поводке этого милого зверя, чтобы слова навечно сберегли его переливчатую чешую и грустный взгляд (кстати, хотя днем смерти обоих считается 23 апреля — мой день рождения, но Сервантес и Шекспир умерли по разным календарям, и между двумя датами — десятидневный разрыв).

Вокруг «Дон Кихота» раздается гулкой звон скрещивающихся мнений — иногда с призывом здравого, но прозаического рассудка Санчо, иногда напоминая о ярости Дон Кихота, нападающего на мельницы. Католики и протестанты, тощие мистики и тучные политики, благонамеренные, но велеречивые и безжизненные критики, вроде Сент-Бёва, Тургенева и Брандеса, и тьмы сварливых ученых излагали свои мнения о книге и создавшем ее человеке. Есть те, кто вместе с Обри Беллом думают, что нельзя создать шедевр без помощи Вселенской Церкви; он хвалит «снисходительность и терпимость церковных цензоров в Испании» и заявляет, что Сервантес и его герой были добрыми католиками в лоне доброй Контрреформации. Но есть и грубоватые протестанты, которые, напротив, намекают, будто у

Сервантеса были какие-то связи с реформатами. Далее, Белл утверждает, что мораль книги — в том, что Дон Кихот слишком много на себя берет, безумно стремясь к общему благу, ибо радеть о нем надлежит одной лишь церкви. Эта же школа заявляет, что Сервантесу было до инквизиции так же мало дела, как драматургу Лопе де Веге или живописцу Веласкесу, и поэтому насмешки над священниками в романе — это добродушный, домашний юмор, в прямом смысле слова дело семейное, монастырские остроты, шалости на лужайке. Но другие критики упрямо защищают противоположную точку зрения и стараются доказать (не очень успешно), что в «Дон Кихоте» Сервантес бесстрашно обнаружил свое презрение к тому, что суровый протестантский комментатор Даффилд называет «римскими ритуалами» и «поповской тиранией»; и он же заключает, что не один только Дон Кихот был маньяком, но что и всю «Испанию в XVI веке наводняли помешанные того же толка, "мономаньяки"», поскольку «король, инквизиция, знать, кардиналы, священники, монахи... — все были одержимы, — с напором продолжает критик, — одной властной и всемогущей идеей, будто путь на небеса проходит через ту дверь, ключи от которой хранятся у них».

Мы не встанем на эту пыльную тропу набожных и вольнодумных, фривольных и возвышенных обобщений. На самом-то деле не так уж важно, был ли Сервантес хорошим католиком или дурным — более того, неважно и был ли он хорошим или дурным человеком; не придаю я особого значения и его взглядам на современную ему жизнь. Лично я более склонен разделить то мнение, что современность его не очень-то беспокоила. А что нас занимает, так это сама книга, определенный испанский текст в более или менее верном английском переводе. Конечно, отправляясь от этого текста, мы столкнемся и с некоторыми моральными положениями, которые должно оценивать в свете, распространяющемся за рамки самой книги, и мы не дрогнем, наткнувшись на эти шипы. «L'homme n'est rien — l'oeuvre est tout» («Создатель — ничто, создание — все»), — сказал Флобер. Многие сторонники искусства для искусства таят в себе отчаявшегося моралиста, и в нравственности «Дон Кихота» есть нечто, освещающее мертвенной синью лабораторных ламп гордую плоть отдельных пассажиров. Мы еще скажем о жестокости книги.

ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ О ФОРМЕ

Романы можно разделить на «одноколейные» и «многоколейные».

В одноколейных — только одна линия человеческой жизни.

В многоколейных — таких линий две или больше.

Одна или многие судьбы могут непрерывно присутствовать в каждой главе, или же автор может применять прием, который я называю большой или малой стрелкой.

Малая — когда главы, в которых деятельно присутствует основная жизнь (или жизни), чередуются с главами, в которых второстепенные персонажи обсуждают эти центральные судьбы.

Большая — когда в многоколейном романе автор полностью переключается с рассказа об одной жизни на рассказ о другой и потом обратно. Судьбы многих персонажей могут подолгу развиваться врозь, но многоколейному роману, как литературной форме, присуще то, что раньше или позже эти многочисленные жизни должны пересечься.

«Госпожа Бовари», например, — это одноколейный роман почти без стрелок. «Анна Каренина» — многоколейный с большими стрелками. Что же такое «Дон Кихот»? Я бы назвал его полутораклейным романом с редкими стрелками. Рыцарь и оруженосец, в сущности, составляют одно целое, и в любом случае оруженосец только подыгрывает хозяину; правда, в известный момент во второй части они расходятся. Стрелки при этом не слишком плавные:

автор неловко снует от острова Санчо к замку Дон Кихота и все заинтересованные лица — автор, герои, читатель — испытывают подлинное облегчение, когда наша пара воссоединяется и возвращается к естественному сочетанию «рыцарь—оруженосец».

Если рассматривать тонкости уже не смысла, а ремесла, то современные романы можно разделить на такие разряды: семейные, психологические (они часто написаны от первого лица), романы тайн и т. д. Выдающиеся книги обычно оказываются соединением нескольких разных видов. Как бы то ни было, постараемся не впасть в педантство. Это занятие может отчаянно надоест, и сам вопрос о типах просто перестанет интересовать, если нам придется разбирать почти или совсем ничего не стоящие книги или, наоборот, запикивать орлиное чучело шедевра в тесную клетку классификации^{4}.

«Дон Кихот» относится к очень раннему, очень примитивному виду романа. Он тесно примыкает к плутовскому роману — тому роду рассказа, древнему, как виноградники, в котором роль героя отдана проныре, лодырю, шарлатану или еще какому-нибудь достаточно забавному проходимцу. И этот герой пускается в более или менее анти- или асоциальные странствия, переходя от занятия к занятию и от затеи к затее в череде ярких, слабо связанных эпизодов, в которых комическая стихия берет верх над любым трагическим или лирическим порывом. Примечательно и то, что во времена политического гнета, когда правительство или церковь требуют от писателя нравочений, автор, выбрав в герои мошенника, тайком снимает с себя рискованную ответственность за социально-религиозно-политический облик своего героя, так как бродяга, авантюрист, безумец есть, по определению, лицо асоциальное и безответственное^{5}.

Разумеется, в приключениях нашего мечтательного Дона мы видим гораздо больше, чем просто невзгоды двух паяцев — тощего и толстого, но, в сущности, книга относится к примитивному типу — разболтанному, сумбурному, пестрому плутовскому жанру, и именно такой воспринимали и любили ее простые читатели.

ДЛИННАЯ ТЕНЬ ДОН КИХОТА

Читая других романистов, с Дон Кихотом мы в каком-то смысле не расстанемся ни на минуту. Мы узнали его наиболее важную и памятную черту — сумасбродное благородство — в донкихотстве хозяина совсем не холодного дома Джона Джарндиса, одного из самых милых и привлекательных литературных героев. Приступив к роману Гоголя «Мертвые души», мы легко различим в его лжеплутовском сюжете и в странном предприятии героя причудливый отклик и мрачную пародию на приключения Дон Кихота. А открыв «Госпожу Бовари» Флобера, мы не только увидим, что сама госпожа погружается в романические глубины почти так же исступленно, как долговязый идальго, но обнаружим и нечто более любопытное: Флобер, с угрюмым упрямством героя сочиняя свою книгу, оказался истым Дон Кихотом именно в том, что отличает величайших писателей — в честности непреклонного искусства. И наконец, задумчивый рыцарь снова забрежит в одном из главных персонажей «Анны Карениной» Толстого — Левине.

Поэтому мы могли бы представить Дон Кихота и его оруженосца двумя маленькими силуэтами, которые трусят вдаль на фоне огромного горящего заката, а их гигантские черные тени, одна особенно вытянутая, простираются через равнину веков и добираются до нас. Во второй лекции мы посмотрим на эти фигуры сквозь некие, изготовленные мной, очки и *in vitro*.^{3} В третьей лекции я займусь разными особенностями композиции — композиционными приемами, прежде всего аркадской темой, темой «вставной новеллы», темой «рыцарских

романов». Моя четвертая лекция будет посвящена Жестокости, Розыгрышам, Колдовству. Лекция номер пять коснется темы Лжелетописцев и Зеркал и не оставит без присмотра крошку Альтисидору, Дульсинею и Смерть. Моя последняя донкихотская лекция будет итоговой таблицей побед и поражений Дон Кихота.

ТОТ САМЫЙ ДОН КИХОТ

Даже если сделать скидку на сумерки перевода, в которых блекнет испанский язык, все равно шутки и прибаутки Санчо не особенно веселят — что по отдельности, что в утомительных нагромождениях. Сегодня самая избитая реприза и та смешнее. Да и балаганные сцены романа не очень надрывают современные животы. Рыцарь Печального Образа — неповторимая личность, а Санчо-Нечесаная борода, Санчо-Красный нос — это, с некоторыми оговорками, заурядный шут.

Трагедия вообще сохраняется лучше комедии. Драму хранит янтарь; гогот распылен по пространству и времени. Безымянный озноб искусства, несомненно, ближе мужественному трепету священного ужаса или влажной улыбке женственной жалости,^[4] чем мимолетной ухмылке; и, само собой, есть кое-что получше и оглушительных стонов и оглушительного хохота — это томное мурлыканье, вызванное уколом осязаемой мысли, а «осязаемая мысль» есть иное имя подлинного искусства, которое присутствует в нашей книге в малой, но бесконечно ценной дозе.

Разберемся с печальным человеком. Пока он не окрестил себя Дон Кихотом, его звали просто Кихада или Кесада. Он сельский дворянин, владелец виноградника, дома и двух акров пахоты; примерный католик (который затем перестанет соответствовать меркам католической морали); высокий, тощий человек лет пятидесяти. Посередине спины у него — черная волосатая родинка, что, по мнению Санчо, есть признак силы, о ней же говорит и густая поросль на его груди. Правда, на его крупных костях не так много плоти; и, как его ум представляет собой шахматную доску затмений и озарений, так и телесное его состояние есть сумасшедшее шитье из лоскутьев силы, усталости, стойкости и приступов отчаянной боли. Возможно, патетика потерянных поединков мучит Дон Кихота сильнее, чем боль от уморительного мордобоя, но нельзя забывать и о том ужасном постоянном недуге, который его нервная бодрость и угрюмая страсть спать на улице могут превозмочь, но не в силах исцелить: бедняга много лет страдал от серьезной болезни почек.

Потом мне много придется говорить о жестокости книги и о том, как странно отнеслись к ее бессердечию и специалисты, и простые читатели, увидевшие в ней доброе, человеческое произведение.

То и дело, чтобы на грубый средневековый лад потешить читателя, Сервантес показывает своего героя в одной рубашке, подчеркивая, что она слишком коротка и не закрывает его бедра. Я прошу прощения за эти стыдные подробности, но они нам нужны, чтобы опровергнуть сторонников здоровых забав и гуманной ухмылки. Ноги у него длинные, худые и волосатые и отличаются чем угодно, кроме чистоты; однако его иссохшая кожа не сулит выгод блохам, терзающим его тучного спутника, и не привлекает их. Теперь займемся нарядом нашего подопечного. Вот его камзол, облегающая куртка из замши с недостающими или неподходящими пуговицами, — она вся задубела от ржавого пота и дождя, орошавших ветхие латы. На мягком воротнике, какие в моде у школяров Саламанки, нет галуна; на коричневых штанах — рыжие заплатки; зеленые шелковые чулки в стрелках от спустившихся петель; башмаки — цвета финика. Добавьте сюда фантастические доспехи, которые при луне превращают его в вооруженный призрак, вполне уместный на укреплениях Эльсинора в Датском королевстве, вздумай шалуны-приятели Гамлета разыграть унылого виттенбергского студента.

Так вот, доспехи Дон Кихота — старые, черные, в плесени. В первых главах самодельный

шлем подвязан зелеными лентами, чьи узлы можно распутать, лишь потратив несколько глав. Некогда этот шлем был цирюльничьим тазом с круглой выемкой сбоку — в нее клали подбородок клиента, через нее в сей чепец Дон Кихота залетела пчела. С круглым щитом на тощей руке и с засохшим суком вместо копья он восседает на Росинанте, который делит с хозяином худобу, длинношеест, скрытую кротость, у которого те же задумчивые глаза, степенность повадок и костлявая величавость, что присущи и самому Дон Кихоту, если дело не дошло до драки, ибо в этом случае он дергает и шевелит бровями, раздувает щеки, свирепо озирается и бьет оземь правой ногой, словно беря на себя и роль скакуна тоже, пока Росинант стоит рядом, понутив голову.

Подняв картонное забрало, Дон Кихот открывает изможденное, запыленное лицо с крючковатым носом, запавшими глазами, с редкими передними зубами и длинными унылыми усами, еще черными в отличие от жидкой седины на голове. Это вытянутое лицо отличают важность и худоба; вначале оно покрыто болезненной бледностью, которую затем палящее солнце Кастильской равнины меняет на простонародный загар. Лицо такое тощее, щеки так ввалились, так мало зубов, что кажется, будто щеки (как выразился автор) «целуются внутри рта».

Своего рода переход от его наружности к загадочной двойственной натуре отмечается в его манерах. Хладнокровие, серьезность, великолепное спокойствие и самообладание составляют странный контраст с безумными припадками воинственной ярости. Он любит тишину и благолепие. Он тщательно, но не впадая в манерность, выбирает выражения. Он строгий пурист: не выносит вульгарного коверканья слов и сам никогда не употребит неверного оборота. Он целомудрен, влюблен в туманную грезу, его преследуют волшебники; и, сверх всего, он учтивый джентльмен, человек бесконечной храбрости, герой в подлинном смысле слова. (Эту важную черту нельзя ни на минуту упускать из виду.) Хотя и крайне любезный и готовый угодить, одного он ни за что не стерпит — и малейшего сомнения в достоинствах Дульсинеи, госпожи его мечтаний. По верному замечанию оруженосца, отношение Дон Кихота к Дульсинее религиозно. Он и в мыслях не посягает ни на что, кроме бескорыстного поклонения Дульсинее, и надеется лишь на одну награду — быть принятым в число ее воздыхателей. «Подобного рода любовью должно любить Господа Бога, — такую я слышал проповедь, — сказал Санчо, — любить ради него самого, не надеясь на воздаяние и не из страха быть наказанным».^[5]

Я прежде всего имею в виду первую часть, потому что во второй характер Дон Кихота претерпевает кое-какие любопытные изменения: к припадкам помешательства добавляются периоды страха. Поэтому, продолжая настаивать на его безграничной отваге, мы пока оставляем в стороне ту сцену из второй части, когда он трясется от страха в комнате, вдруг заполнившейся котами. Но в общем и целом он храбрее всех рыцарей на белом свете и несчастнее всех влюбленных. В нем нет и тени злобы; он доверчив как ребенок. Более того, его ребячливость, возможно, превосходит задуманную автором. Когда в одной из сцен романа в двадцать пятой главе первой части он решает каяться, совершая «безумства» — добровольные «безумства» вдобавок к обычному своему безумию, то оказывается, что по части шалостей его воображение не превышает школьного уровня.

«Во всяком случае, мне угодно, Санчо, — ибо так нужно», — говорит Дон Кихот, когда Санчо собирается отправиться из Сьерры-Морены с письмом к Дульсинее, — «мне угодно, говорю я, чтобы ты посмотрел, как я в голом виде раз двадцать пять побезумствую, причем все это я в какие-нибудь полчаса сумею проделать, — впоследствии же, коль скоро ты все это видел своими глазами, ты можешь, положив руку на сердце, поклясться, что видел и другие мои выходки, какие тебе вздумается присовокупить. Но уверяю тебя, что сколько бы ты их ни описал, а все-таки у меня их будет больше...» Тут он с необычайной быстротой снял штаны и,

оставшись в одной сорочке, нимало не медля дважды перекувырнулся в воздухе — вниз головой и вверх ногами, выставив при этом напоказ такие вещи, что Санчо, дабы не улицезреть их вторично, довольный и удовлетворенный тем, что мог теперь [Сервантес заканчивает главу] засвидетельствовать безумие своего господина, дернул поводья».

Теперь о его главном сумасшествии. Мирный сельский дворянин сеньор Алонсо, он жил себе, управлял своим поместьем, вставал на заре, был заядлым охотником. В пятьдесят лет он погрузился в чтение рыцарских романов и принялся есть тяжелые обеды, включая блюдо, которое один переводчик назвал «resurrection pie» (duelos y quebrantos, буквально: «муки и переломы»), — «котелок варева, на которое идет мясо скотины, сломавшей шею, упав с обрыва». «Муки» относятся не к мучениям скотины — о них никто и не думал, — а к чувствам, которые испытывали хозяева овец и пастухи, обнаружив потерю. Недурной ход мысли. То ли все Дело в меню из героической свинины, из дерзких коров и овец, столь катастрофически обращенных в говядину и баранину, то ли он с самого начала был слегка не в себе — так или иначе Дон Кихот принимает благородное решение оживить и вернуть бесцветному миру яркое призвание странствующего рыцарства с его особым строгим уставом и со всеми его блистательными миражами, страстями и подвигами. С мрачной решимостью он принимает как свою судьбу «труды, тревоги и сражения»¹⁶.

С этих пор он выглядит разумным человеком не в своем уме или безумцем на грани здравомыслия; полосы полоумия, помраченный рассудок с просветами разума. Таков он в чужих глазах, но и ему вещи явлены в столь же двойственном виде. Реальность и иллюзия переплетены в жизненном узоре. «Как могло случиться, — говорит он своему слуге, — что, столько странствуя вместе со мной, ты еще не удостоверился, что все вещи странствующих рыцарей представляются ненастоящими, нелепыми, ни с чем не сообразными. <...> Однако на самом деле это не так, на самом деле нас всюду сопровождает рой волшебников, — вот они-то и видоизменяют и подменяют их и возвращают в таком состоянии, в каком почтут за нужное, в зависимости от того, намерены они облагодетельствовать нас или же сокрушить».

В «Одиссее», как вы помните, у героя могучие помощники. Пока он прячется и притворяется, мы лишь слегка опасаемся, как бы он ложным шагом не выдал своей силы раньше времени; в случае же с Дон Кихотом как раз скрытая и милая слабость бедного рыцаря заставляет нас бояться, что ее заметят его грубые друзья и недруги. Одиссею, в сущности, ничто не грозит; он словно здоровый человек в здоровом же сне: что с ним ни случись — он проснется. Планида грека светит ровным светом сквозь все тяготы и опасности. Пусть один за другим исчезают его спутники, проглоченные чудовищами или спяну сверзившиеся с кровли, ему все равно в голубой дали будущего обеспечена тихая старость. Ласковая Афина — не идиотка Доротея и не дьяволица-герцогиня из «Дон Кихота», — ласковая Афина держит скитальца в мерцающем совооком луче (то сером, то бирюзовом, меняющем цвет от ученого к ученому); он ступает за ней след в след, хитро и тихо. А в нашей книге грустный Дон может рассчитывать только на себя. Бог христиан поразительно безразличен к его невздам — то ли занят другими делами, то ли — вполне возможно — сбит с толку безбожным усердием своих штатных служителей той подноготной эпохи.

Когда Дон Кихот отрекается от прошлого в конце книги, в самой печальной ее сцене, то дело не в его благодарности христианскому Богу и не в Божественном вмешательстве — просто это отвечало тогдашней мрачной морали. Внезапная сдача, жалкое отступничество — вот что случилось с ним на смертном одре, когда он отрекся от славы романтического безумия, составлявшего его суть. Эта сдача вряд ли сравнима с мужицким отречением вздорного старика Толстого, отказавшегося от восхитительной иллюзии «Анны Карениной» ради азбучных банальностей воскресной школы. Не приходит на ум и Гоголь, ползающий в покаянных слезах

перед печкой, где догорает вторая часть «Мертвых душ». Ситуация Дон Кихота сродни, пожалуй, тому, что приключилось с Рембо, французским поэтом несравненной одаренности, который в 80-х годах прошлого века бросил писать стихи, придя к выводу, что поэтические грезы греховны. С некоторым смущением я замечаю, что вообще-то тщательно составленный «Новый академический словарь Вебстера» не упоминает Рембо, хотя в нем уместились Радецкий, австрийский фельдмаршал; Раизули, разбойник из Марокко; Генри Гендель Ричардсон — псевдоним Этель Флоренс Линдсей Ричардсон, австралийской романистки; Распутин, чудотворец и политик; и старина Рамзей, Джеймс Эндрю Браун (1812–1860), десятый граф и первый маркиз Дальхауза, британский колониальный чиновник.

Наверное, Санчо Панса составлял этот список.

ТОТ САМЫЙ САНЧО ПАНСА (СВИНОЕ БРЮХО, НОГИ ЖУРАВЛЯ)

Кто он? Работяга, в юности пастух, одно время сельский старшина. Он человек семейный, но бродяга в душе, этот Санчо Панса, восседающий на осле, как некий патриарх, — фигура, от которой веет тупой важностью и зрелостью лет. Чуть позже его образ и ум проясняются; но он никогда не достигает отчетливости Дон Кихота, и эта разница хорошо согласуется с тем, что характер Санчо есть плод обобщения, а Дон Кихот создан по индивидуальной мерке. У Санчо густая, всклокоченная борода. Ростом он хотя и невелик (чтобы лучше оттенить своего долговязого хозяина), но с огромным пузом. Туловище у него короткое, зато ноги длинные — ведь, кажется, и само имя Санчо происходит от слова «Zankas» — голени или тонкие, как у цапли, ноги. Читатели и иллюстраторы горазды пропускать эту его длинноноготь, чтобы не ослаблять контраста между ним и Дон Кихотом. Во второй части книги Санчо, пожалуй, еще толще, чем в первой, а солнце покрыло его тем же темным загаром, что и его господина. Однажды он виден с предельной четкостью, но этот миг краток — речь идет о его отправке губернатором на континентальный остров. Тут он выряжен под важного судейского. Шляпа и плащ у него из верблюжьей шерсти. Везет его мул (приукрашенный осел), а сам серый ослик, ставший чуть ли не частью или свойством его личности, плетется сзади под блестящей шелковой попоной. И здесь маленький тучный Санчо выезжает с той же дурацкой важностью, что отличала его первое появление.

Сначала может показаться, что Сервантес решил дать храброму как лев лунатику тупого труса в оруженосцы для контрастного контрапункта: небесное безумие и низменная глупость. Однако Санчо выказывает слишком много смекалки, чтобы счесть его законченным идиотом, хотя он и бывает законченным занудой. Он вовсе не дурак в десятой главе первой части, когда после битвы с бискайцем точно оценивает храбрость Дон Кихота: «По правде сказать, я за всю свою жизнь не прочел ни одной книги, потому как не умею ни читать, ни писать, — признался Санчо. — Но могу побиться об заклад, что никогда в жизни не служил я такому храброму господину, как вы, ваша милость». И он проявляет глубокое почтение к изысканному стилю рыцаря, слушая его письмо к Дульсинее, которое должен передать: «Ах ты, будь я неладен, и как это вы, ваша милость, сумели сказать в этом письме все, что вам надобно, и как это все ловко подогнано к подписи "Рыцарь Печального Образа"! Ей-ей, ваша милость, вы дьявол, а не человек, — нет ничего такого, чего бы вы не знали». Здесь есть особый подтекст, поскольку именно Санчо нарек Дон Кихота Рыцарем Печального Образа. С другой стороны, Санчо не чужд и чародейства: своего хозяина он дурачит самое меньшее трижды, а у смертного одра Дон Кихота Санчо вовсю ест и пьет, весьма утешенный обещанным наследством.

Он отъявленный плут, но плут остроумный, состряпанный из ошметков несметных литературных плутов. Его делает хоть сколько-то индивидуальным лишь одно — различимые в

нем гротескные отзвуки величавой музыки его хозяина. Говоря с горничной, он дает очень складное определение странствующего рыцаря: то он корчится от побоев, то получает корону, что недалеко от возможной формулы для другого фантома, чья борода длиннее, а родина холоднее, — короля Лира. Конечно, нельзя сказать, что благородное сердце Кента или забавный лиризм шута могут найтись и у Санчо Пансы, который, несмотря на все свои смутные достоинства, — толстозадое дитя фарса, и больше ничего; но он верный товарищ, и Сервантес не шутя пользуется словом «благородство», говоря о решении Санчо остаться со своим господином в минуту особой опасности. Вот эта привязанность к хозяину вместе с любовью к ослику составляют самую человеческую его черту. А когда вообще-то черствый и корыстный Санчо добросердечно дает денег галерному рабу, слегка вздрагиваешь, вдруг осознавая, что его могло тронуть сходство раба с хозяином Санчо — оба они старики, мучающиеся от большого пузыря. Не будучи болваном, он и не просто трус. Несмотря на свое миролюбие, он наслаждается сражениями, если как следует разгорячится, а выпив, видит в опасных и фантастических приключениях замечательную забаву.

Это подводит меня (выражаясь художественно) к уязвимым местам в душевном складе Санчо. Взять, например, его подход к заблуждениям Дон Кихота. Сперва Сервантес подчеркивает здравомыслие жирного оруженосца, но вскоре, в двадцать шестой главе, мы замечаем в нем интересную рассеянность и своеобразную мечтательность — это видно из того, что он потерял письмо, которое принесло бы ему трех ослят. Он постоянно пытается образумить Дон Кихота, но вдруг в начале второй части сам берет на себя роль обманщика и самым уродливым, ужасным и жестоким образом помогает укрепить главную иллюзию своего господина — ту, что касается Дульсины. Правда, потом ему стыдно за участие в этом обмане. Многие комментаторы указывали, что безумие Дон Кихота и здравомыслие Санчо взаимно заразительны и что, пока во второй части книги Дон Кихот обретает санчевскую рассудочность, Санчо со своей стороны по-хозяйски сходит с ума. Например, он старается внушить жене веру в острова и графства, что точно соответствует усилиям Дон Кихота убедить его в том, что мельницы — великаны, а постоялые дворы — замки. В то время как один известный, но очень скучный критик Рудольф Шевилл подчеркивает контраст между бескорыстным старомодным идальго и его практичным неромантическим слугой, тонкий и вдохновенный испанский критик Сальвадор де Мадариага видит в Санчо нечто вроде переложения Дон Кихота в другую тональность. И действительно, кажется, что наша пара к концу книги обменялась с нами и судьбами, ибо Санчо возвращается в родную деревню исступленным искателем приключений, а Дон Кихот сухо бросает ему: «Оставь эти глупости». С живым и мужественным характером, гневливый, вразумленный пережитым, Санчо, можно сказать, избежал неравной и бесцельной схватки не потому, что боязлив, а потому, что он более осторожный боец, чем Дон Кихот. Наивный от природы и невежества (тогда как Дон Кихот наивен, несмотря на всю свою ученость), Санчо дрожит перед неизведанным и сверхъестественным, но от его дрожи всего шаг до восхищенного трепета его доблестного господина. Во второй части, пока дух Санчо восходит от реальности к иллюзии, дух Дон Кихота спускается от иллюзии к реальности. И две кривые пересекаются в самом грустном и одном из самых жестоких в книге приключениях, когда Санчо околдовывает Дульсинию, ставя благороднейшего из рыцарей, влюбленного в чистейшую иллюзию, на колени перед самой отталкивающей реальностью: Дульсиния неотесанна, неуклюжа и воняет чесноком. Другой критик с благоговением говорит о «сочувствии» автора «крестьянам» и, чтобы оправдать карикатурность фигуры Санчо, делает удивительное заявление, утверждая, будто Сервантес считался с мнением утонченных читателей, которые ждали сатирической трактовки крестьянских персонажей, если уж последние вводятся (в чем здесь утонченность, и почему Сервантес был обязан перед ней пресмыкаться, остается

неясным). Этот же критик продолжает: Сервантесу втайне известно (как и данному критику), что «мудрым и милым» Санчо (который не так уж мил и не так уж мудр) нужно отчасти пожертвовать в угоду литературным требованиям, так как он должен служить фоном для серьезных и возвышенных порывов Дон Кихота. А еще один смешной комментатор полагает, что в развитии характера и ума Санчо Пансы (гораздо больше, чем в обрисовке Дон Кихота) Сервантес выразил тот тип мудрости и красноречия, то тонкое понимание жизни, которые составляют сущность гуманизма. Слов много — смысла мало.

Я подозреваю, что объяснение любопытной разницы в отношении критиков к обоим героям состоит в том, что всех читателей можно поделить на Дон Кихотов и Санчо Панс. Если в библиотечном экземпляре книги Шевилла я натываюсь на жирные и небрежные подчеркивания, и если подчеркнута фраза: «Сервантес дает реалистическую картину буржуазного того-сего», то я могу с уверенностью сказать, кем был читатель — Дон Кихотом или Санчо.

Мы несколько уклонились от тела текста к читательскому духу; давайте вернемся к роману.

Санчо прежде всего отличается тем, что набит поговорками и сомнительными истинами, которые тарыхтят в нем, словно щебенка. Я уверен, что между рыцарем и оруженосцем есть неожиданные и изысканные переклички, но и готов поспорить, что, какая бы индивидуальность ни наметилась, если смыть с Санчо жир, ее поглотит так называемый простонародный юмор. Незаметно, чтобы ученые, рассуждающие об уморительных до коллик эпизодах, действительно жаловались на живот. А мнение одного критика, будто юмор романа содержит «глубокие философские прозрения и подлинную человечность, и в этом смысле остается непревзойденным», кажется мне ошеломляющим преувеличением. Дон Кихот определенно не смешон. Оруженосец, помнящий все старые остроты, еще менее смешон, чем хозяин.

Вот перед нами два героя, чьи тени сливаются и перекрываются, образуя некое единство, которое мы должны воспринять.

Во время первой вылазки Дон Кихота, то есть во время первых четырех приключений (считая четвертым сон, венчающий первые три схватки), Санчо отсутствует. Его выход на сцену, его поступление в оруженосцы — это пятое приключение Дона. Два главных героя готовы. Теперь я собираюсь заняться средствами и способами, которые Сервантес изобретает, чтобы поддерживать жизнь в рассказе. Я намерен изучить состав книги, ее композиционные приемы — общим числом десять.

Я перечислил приметы Дон Кихота: крупные кости, родинка на спине, больные почки, длинные руки и ноги, печальное, вытянутое, загорелое лицо, призрачное ржавое вооружение в несколько кротовьем свете луны.¹⁶ Я перечислил его душевные черты: степенность, достоинство поведения, беспредельную смелость, помешательство, шахматную доску рассудка в квадратах затмений и озарений, по которым он скачет ходом коня от ясной логики к логике снов и обратно¹⁷. Я сказал о его возвышенной кроткой беспомощности — и скажу подробнее, когда дойдем до красоты книги. Равным образом я перечислил свойства Санчо: по-донкихотски тощие ноги, брюхо и лицо «Августа» — клоуна-наглеца в сегодняшнем цирке. Я сказал о некоторых связях этой вообще-то шутовской личности с трагической тенью его хозяина. О Санчо в роли волшебника мне придется сказать подробнее.

Теперь я примусь за проверку сюжетных жердей, на которых болтается наша книга — сущее пугало среди шедевров; зато глаз приобретает замечательную способность — глядеть против слепящего света эпохи, даже всматриваясь в его складки — с, к, л, а, д, к, и.

Но сначала несколько общих соображений. «Дон Кихот» был назван величайшим из романов. Это, конечно, чушь. На самом деле он даже не входит в число величайших мировых романов, но его герой, чей образ был гениальной удачей Сервантеса, так чудесно маячит на литературном горизонте каланчою на кляче, что книга не умирает и не умрет из-за одной только живучести, которую Сервантес привил главному герою лоскутной, бессвязной истории, спасенной от распада лишь изумительным инстинктом автора, всегда готового рассказать еще одну историю из жизни Дон Кихота, причем в нужную минуту. По-моему, вряд ли можно сомневаться в том, что первоначально «Дон Кихот» был задуман Сервантесом как длинный рассказ, развлечение на час-другой. Первая вылазка, еще без Санчо, явно рассчитана на отдельную новеллу: в ней видно единство замысла и исполнения, приправленное моралью. Но потом книга растет, ширится и захватывает всевозможные темы. Первая часть имеет уже четыре раздела — восемь глав, потом шесть, потом тринадцать и потом двадцать пять. Во второй части разделов нет. Мадариага замечает, что быстрая и бурная вереница происшествий и вставных новелл, которая внезапно врывается в основное повествование к концу первой части, задолго до того, как была задумана вторая, — это то, что попало под руку писателю, которого усталость заставляла распылять силы на второстепенные задачи, поскольку этих сил уже не хватало на главное. Во второй части (без разделов) Сервантес снова овладевает центральной темой.

Чтобы придать книге несколько неуклюжую связность, Санчо вынужден то и дело перебирать прежние происшествия. Но к семнадцатому веку литературная эволюция еще не наделила роман — особенно плутовской — самосознанием, то есть пронизывающей всю книгу памятью, ощущением, что персонажи помнят и знают все то, что мы помним и знаем о них. Это было достигнуто только в XIX веке. А в нашей книге искусственные возвраты к прошлому и половинчаты и отрывочны. У Сервантеса, сочинявшего книгу, словно чередовались периоды ясности и рассеянности, сосредоточенной обдуманности и ленивой небрежности, что очень похоже на полосатое помешательство его героя. Сервантеса спасала интуиция. Книга, как замечает Грусак, никогда не предносилась автору в виде законченного сочинения, стоящего особняком, полностью отделившегося от хаотического материала, из которого она выросла. Мало того, он не только ничего не предвидел — он никогда и не оглядывался. Начинает казаться, что, пока он писал вторую часть, перед ним на письменном столе не лежал экземпляр первой; что он в него даже не заглядывал: кажется, что он помнил эту первую часть не лучше рядового читателя, а не как подобает писателю или ученому. Иначе нельзя понять, как он,

например, умудрился, критикуя ошибки, сделанные автором подложного продолжения «Дон Кихота», совершить еще худшие промахи в том же направлении, относительно тех же персонажей.

Но, повторяю, его спасала гениальная интуиция.

СТРУКТУРНЫЕ ПРИЕМЫ

Теперь я перечислю и вкратце опишу десять структурных приемов, которые входят в рецепт нашего пирога.

1. Обрывки старых баллад, которые отдаются эхом в углах и закоулках романа, добавляя там и сям прозаическому предмету небывалую мелодическую прелесть. Почти все эти популярные баллады или отсылки к ним неизбежно смазываются в переводе. Кстати, из старой баллады взята фраза, открывающая книгу: «В некоем селе ламанчском» (En un lugar de la Mancha). Из-за нехватки времени я не могу вдаваться в балладную тему сколько-нибудь подробно.

2. Пословицы: из Санчо, особенно во второй части, поговорки и прибаутки сыплются как из рваной рогожи. Эта брейгелевская сторона книги для читателей перевода не живее утопленника. И здесь то же самое — обойдемся без подробностей.

3. Игра слов: аллитерации, каламбуры, оговорки. Все это тоже теряется в переводе.

4. Драматический диалог: не забудем, что Сервантес подался в романисты после драматургического провала. Естественность тона и ритмичность разговоров изумляют даже в переводе. С этой темой все ясно. В уединенном спокойствии спален вы сами насладитесь беседами семейства Санчо.

5. Условно-поэтические или, вернее, лжепоэтические описания природы, замкнутые в отдельные абзацы и никогда органически не связанные с повествованием или диалогом.

6. Вымышленный историк: я посвящу пол-лекции изучению этого магического приема.

7. Новелла, вставной рассказ по образцу «Декамерона» (буквально: десять-за-день) — итальянского сборника ста историй, написанного Боккаччо в XIV веке. В свое время я вернусь к этому.

8. Аркадская (или пасторальная) тема, тесно связанная с итальянской новеллой и рыцарским романом, иногда сливается с ними. Этот аркадский уклон проистекает из следующего сочетания идей: Аркадия, горный район легендарной Греции, была приютом скромно живших людей — так нарядимся пастухами и будем проводить летние сезоны XVI века, блуждая в идиллическом блаженстве или в романтическом унынии по каменистым испанским горам. Особая тема уныния относится к рыцарским историям о кающихся, несчастных или безумных рыцарях, которые удалялись в пустыню, чтобы жить на манер вымышленных пастухов. Аркадские затеи (за исключением уныния) позже охватили и остальные горы Европы усилиями писателей XVIII века из так называемой сентиментальной школы в рамках движения «Назад к природе», хотя на самом-то деле нет ничего искусственнее ручной и смиренной природы, воображаемой пасторальными писателями. Настоящие овечки и козочки воняют.

9. Рыцарская тема, отсылки к рыцарским романам, пародирование присущих им ситуаций и приемов — одним словом, постоянная оглядка на романы о странствующих рыцарях. В ваши прилежные руки будут вложены образцы — копии отрывков из двух книг этого рода, лучших книг. Прочтя эти отрывки, вы не кинетесь на поиски ржавого оружия или дряхлого пони для поло, но, может быть, ощутите отчасти то благоухание, которым эти истории оведали Дон Кихота. Вы также заметите сходство некоторых ситуаций.

Прирожденный рассказчик и волшебник, Сервантес вовсе не был пылким борцом против социального зла. Ему нет никакого дела, популярны ли рыцарские романы в Испании; а если

популярны, то вредны ли они; а если вредны, то сможет ли из-за них свихнуться невинный дворянин пятидесяти лет. Хотя Сервантес и выпячивает всячески свою высоконравственную обеспокоенность такими проблемами, но это рыцарское или антирыцарское предприятие интересно ему лишь тем, что его, во-первых, можно превратить в литературную условность, в инструмент, которым удобно двигать, подталкивать и направлять ход повествования; и, во-вторых, оно дает простор праведному негодованию, горячему нравоучению, которые могли очень пригодиться писателю в то благочестивое, корыстное и опасное время. Было бы пустой тратой моего труда и вашего внимания попасться на это надувательство и всерьез обсуждать совершенно надуманную и просто дурацкую мораль «Дон Кихота», если она там вообще есть, но способ, которым Сервантес ставит рыцарскую тему на службу повествованию, — это увлекательный и важный предмет, который я рассмотрю обстоятельно.

10. Наконец, тема мистификаций, жестоких бурлескных потех (так называемая *burla*), которой можно дать такое определение: тонколепестковый цветок Возрождения на мохнатом средневековом стебле. Хорошим примером могут служить розыгрыши, которые устраивает герцогская чета, издеваясь над величавым безумцем и его простодушным слугой. Я намерен обсудить величавого безумца и его простодушного слугу во второй части этой работы. Я намерен обсудить тему мистификации позже, когда мы будем говорить о жестокости книги.

Теперь же я перейду к более подробному обсуждению некоторых из вышеприведенных десяти пунктов.

ДИАЛОГ И ПЕЙЗАЖ

Проследив эволюцию литературных форм и приемов от глубокой древности до наших дней, мы заметим, что искусство диалога развилось и усовершенствовалось гораздо раньше искусства описания, вернее, изображения природы. К 1600 году диалог у великих писателей всех стран великолепен — непринужденный, гибкий, яркий, живой. Но описаниям природы еще придется подождать примерно до начала XIX века, чтобы достичь того же уровня, которого двумя веками ранее достиг диалог; и только во второй половине XIX века эти описания составили с повествованием единое целое, слились с ним и из замкнутых абзацев стали органичной частью композиции.

Не удивительно, что в нашей книге диалог такой живой, а описания природы такие мертвые. Позвольте мне особо обратить ваше внимание на восхитительно непринужденный разговор Санчо с женой в пятой главе второй части.

«— Что с тобой, друг Санчо? Отчего ты такой веселый?»

А Санчо ей на это ответил:

— Была б на то Господня воля, женушка, я бы гораздо охотнее так не радовался.

— Я тебя не понимаю, муженек, — сказала жена, — не возьму в толк, что ты хочешь этим сказать: была бы, мол, на то Господня воля, ты бы гораздо охотнее не радовался, — я хотя женщина темная, а все-таки не могу себе представить, как это можно быть довольным оттого, что не получаешь удовольствия.

— Слушай, Тереса, — сказал Санчо, — я весел, оттого что порешил возвратиться на службу к господину моему Дон Кихоту, который намерен в третий раз выехать на поиски приключений, <...> хотя, с другой стороны, меня огорчает разлука с тобой и с детьми, и вот когда бы Господу было угодно, чтобы я зарабатывал на кусок хлеба без особых хлопот и у себя дома, не таскаясь по гиблым местам да по перепутьям, — а ведь Богу это ничего не стоит, только бы захотеть, — веселью моему, конечно, была бы другая цена, а то к нему примешивается горечь разлуки с тобой. Вот и выходит, что я был прав, когда говорил, что, была б на то Господня воля, я охотнее

бы не радовался.

— Послушай, Санчо, — сказала Тереса, — с тех пор как ты стал правою рукою странствующего рыцаря, ты такие петли мечешь, что тебя никто не может понять.

— Довольно и того, жена, что меня понимает Господь Бог, а Он все на свете понимает, — возразил Санчо. — Ну, ладно, оставим это.

<...> Клянусь честью, <...> коли Господь пошлет мне что-нибудь вроде губернаторства, то я, милая женушка, выдам Марисанчу за такое высокое лицо, что ее станут величать не иначе как *ваше сиятельство*.

— Ну нет, Санчо, — возразила Тереса, — выдай ее за ровню, это будет дело лучше, а то ежели вместо деревянных башмаков она вырядится в туфельки, вместо дешевого платишка — в шелковое, да с фижмами, <...> так девчонка растеряется, на каждом шагу станет попадать впросак, и тут-то по пряже сейчас видно будет толстое и грубое рядно.

— Молчи, дура, — сказал Санчо, — годика два-три ей надобно будет попривыкнуть, а там барские замашки и важность придутся ей как раз впору, а не придутся — что за беда? Только бы ей стать *вашим сиятельством*, а все остальное вздор. <...>

— Ты соображаешь, что говоришь, муженек? — воскликнула Тереса. — Да ведь я чего боюсь: что это самое графство погубит мою дочку. Делай, как знаешь, выдавай ее хоть за герцога или за принца, но только я прямо говорю: не будет на то воли моей и согласия. <...> Ты, сударь, можешь становиться губернатором или управлять каким-то там островом и напускать на себя важность, сколько душе угодно, а моя дочка и я, — клянусь памятью моей матери, — никуда из деревни нашей не двинемся. <...> Поезжай со своим Дон Кихотом за приключениями, а нам оставь наши злоключения; коли будем жить по-божьи, так и с нами что-нибудь доброе приключится. <...> Так вот что я хочу сказать: если уж тебе так далось это губернаторство, то возьми с собой своего сына Санчо и прямо с этих пор приучай его губернаторствовать — ведь это хорошо, когда дети идут по стопам отца и обучаются его ремеслу.

— Когда я буду губернатором, — объявил Санчо, — я пошлю за ним почтовых лошадей, а тебе пришлю денег, каковые у меня всегда найдутся, ибо всегда найдутся охотники ссудить губернатору, когда тот сидит без гроша. Сына же ты выряди так, чтобы не было заметно, кто он таков, а было видно, каким ему надлежит быть.

— Пришли только денег, — молвила Тереса, — а уж он у меня будет разодет в пух и в прах.

— Ну, словом, — заключил Санчо, — мы с тобой уговорились, что дочка наша должна быть графиней.

— В тот день, когда она станет графиней, — возразила Тереса, — я буду считать, что я ее похоронила. Но только я еще раз скажу: поступай, как тебе угодно, такая наша женская доля — во всем подчиняться мужу, хотя бы и безмозглому.

И тут она залилась такими горькими слезами, точно Санчика и впрямь умерла и уже похоронена».

Любовь Сервантеса к природе типична для так называемого итальянского Ренессанса в литературе — перед нами одомашненный мир неизменных ручьев, вечно зеленых лугов и приветливых лесов, все скроено по человеческой мерке или усовершенствовано человеком. Этот мир останется с нами на протяжении всего XVIII века; в Англии вы найдете его у Джейн Остен. Хороший пример безжизненного, искусственного, шаблонного описания природы в нашей книге — это описание рассвета в четырнадцатой главе второй части, с многоголосым хором птиц, радостными песнями приветствующих восход, с жемчужными каплями, смеющимися родниками, журчащими ручьями и прочими унылыми приемами ^[8]. Эти ручьи и реки возропсут и восстанут против человека в кошмарном прибрежном мятеже «Поминок по Финнегану».

Бог мой, представлять себе дикие, суровые, выжженные солнцем, зачоченевшие, иссушенные, темно-бурые горы Испании, а потом читать об этих жемчужинах росы и птичках! Как если бы кто-то, побывав на заросших полынью плато нашего Запада или в горах Юты или Колорадо, с их осинами и соснами, гранитом, глубокими расщелинами, болотами, ледниками и суровыми вершинами, вдруг стал их описывать теми же словами, какими описывают альпийские горки Новой Англии, с привезенными из-за океана, стриженными, словно пудели, кустами и резиновым шлангом, принявшим миметическую зеленую окраску.

ВСТАВНЫЕ ПОВЕСТИ

В сорок четвертой главе второй части Сервантес выступает с шутливым оправданием вставных, по примеру «Декамерона», новелл, которыми изобилует первая часть.

«Говорят, будто из подлинника этой истории явствует, что переводчик перевел эту главу не так, как Сид Ахмет ее написал^[9], написал же ее мавр в виде жалобы на самого себя, что ему вспало, дескать, на ум взяться за такой неблагодарный и узкий предмет, как история Дон Кихота, ибо он поставлен в необходимость все время говорить только о Дон Кихоте и Санчо и лишен возможности прибегать к отступлениям и вводить разные другие эпизоды, более значительные и более занимательные; и еще мавр замечает, что все время следить за тем, чтобы мысль, рука и перо были направлены на описание одного-единственного предмета, и говорить устами ограниченного числа действующих лиц — это труд непосильный, коего плоды не вознаграждают усилий автора, и что, дабы избежать этого ограничения, он в первой части прибегнул к приему вкрапления нескольких повестей, как, например, "Повести о безрассудно-любопытном" и "Повести о пленном капитане", которые находятся как бы в стороне от самой истории, между тем другие, входящие в нее повести представляют собою случаи, происшедшие с Дон Кихотом и в силу этого должны были быть описанными. Далее мавр говорит, что, по его разумению, большинство читателей, коих внимание будет поглощено подвигами Дон Кихота, не захотят его уделить первого рода повестям: они пробегут их второпях, даже с раздражением, и не заметят, сколь изящно и искусно повести эти написаны, каковы их качества означатся со всей резкостью, когда повести будут изданы особо, вне всякой связи с безумными выходками Дон Кихота и глупыми речами Санчо».

В своих заметках к этому отрывку переводчик Сэмюэл Путнам сперва приводит начисто лишнее юмора высказывание прежнего переводчика, Джона Ормсби: «Оригинал, в котором переводчик обвиняется в неверном переводе, — это смешение понятий, которому нет равных». Затем Путнам продолжает: «Сервантес здесь намекает на тех, кто критиковал его за введение вставных повестей в первую часть, и в некотором смысле оправдывает их присутствие. О его серьезном отношении к этим повестям свидетельствует замечание о том, что они искусно написаны. В предисловии к переводу "Дон Кихота" Ормсби пишет: "Эти истории были у него [у Сервантеса] уже написаны, и ему показалось, что это хороший способ распорядиться ими; возможно, он сомневался, что сможет извлечь из Дон Кихота и Санчо достаточно материала, чтобы заполнить книгу; и он наверняка сомневался в успехе своего рискованного предприятия. Это был литературный эксперимент... он не мог заранее сказать, как примут книгу; поэтому он решил предложить читателям то, к чему они привыкли, как бы застраховаться от полного провала. Его опасения не оправдались. Публика... второпях и с нетерпением просмотрела вставные повести, спеша возвратиться к приключениям Дон Кихота и Санчо; так она поступает и по сей день"^[10]. Испанские критики оказались еще непонятливее: возможно, к концу первой части Сервантес просто не мог придумать новых приключений Дон Кихота, говорят они.

Отсюда — вставные истории^{11}.

Вставные истории — за исключением истории козопаса, скучного эпизода, вводящего аркадскую тему в беседы и стихи глав 12–14, — повествуют о персонажах, которых автор соберет всех вместе в финальном эпизоде книги, перед тем как Дон Кихота повезут домой на запряженной волами телеге. Если оставить в стороне «Повесть о безрассудно-любопытном» — рукопись, принесенную трактирщиком и прочитанную вслух священником, — то «Повесть о Пленном капитане»^{12} и его Зораиде-Марии объясняет этих персонажей в романе, как и — с большей пользой для действия — история дон Луиса и доньи Клары. Но еще теснее связана с так называемой развязкой история Доротеи вкупе с историей Карденьо. В этом затянутом эпизоде участвуют две пары влюбленных (невеста Карденьо Лусинда похищена возлюбленным Доротеи доном Фернандо). Карденьо рассказывает свою историю, Доротея — свою, и, наконец, все они встречаются в поистине заколдованной *венте* (постоялом дворе) и меняются местами во время так называемой *сцены узнавания* (выродившийся потомок «Одиссеи»), чтобы соединиться в прежние счастливые пары — утомительное и противоречащее здравому смыслу занятие, особенно после того, как на тот же постоялый двор прибывает вместе с другими персонажами еще одна пара влюбленных (дон Луис и донья Клара), так что *вента* оказывается битком набитой, как одна каюта в старом фильме братьев Маркс. Весь эпизод начинается с двадцать третьей главы, в которой Дон Кихот с Санчо Пансой находят в Сьерра-Морене чемодан с золотом и стихами Карденьо, однако развязка наступает только в тридцать шестой главе, когда четверо влюбленных встречаются на постоялом дворе, снимают маски и воссоединяются в сцене узнавания. Затем Доротея вместе с другими постояльцами, под предводительством священника и цирюльника, устраивают сложную мистификацию, чтобы отправить Дон Кихота домой; таким образом, все эти персонажи то появляются, то исчезают вплоть до сорок седьмой главы, когда каждый из них отправляется своей дорогой, оставив Дон Кихота в его клетке скорой помощи.

ГРУППИРОВКА ПЕРСОНАЖЕЙ

Незадолго до окончания романа, на постоялом дворе — том самом, где гораздо раньше Санчо подбрасывали на одеяле, — происходит важная сцена, в которой из постоянных жильцов участвуют хозяин, его жена и дочь, а также служанка Мариторнес. Прибывают же на постоялый двор десять следующих групп:

Первая: Дон Кихот, Санчо Панса, священник, первый цирюльник, Карденьо, Доротея (глава 32).

Вторая: Дон Фернандо, похититель Лусинды, с ней и еще тремя всадниками и двумя пешими слугами (глава 36).

Третья: Капитан Перес де Вьедма из Африки и Зораида-Мария. Затем (глава 37) все садятся ужинать, усадив во главу стола Дон Кихота; за столом Дон Кихот с двенадцатью сотрапезниками, это Тайная вечеря Дон Кихота в первой части. После ужина прибывают следующие персонажи:

Четвертая: Направляющийся в Америку судья (который оказывается братом капитана) и его дочь Клара в сопровождении нескольких (скажем, четырех) верховых (глава 42).

Пятая: По меньшей мере два погонщика мулов, заночевавших в конюшне, один из которых — переодетый поклонник Клары, юный дон Луис (глава 42).

Шестая: Четыре прибывших перед рассветом всадника, слуги, которым велено вернуть дон Луиса домой (глава 43).

Седьмая: Двое путников, заночевавших на постоялом дворе, но не участвовавших в ужине. Они хотели ускользнуть не заплатив^{13}, но были схвачены хозяином (глава 44).

Восьмая: Цирюльник номер два, у которого (в главе 21) Дон Кихот и Санчо Панса отняли медный таз («Мамбринов шлем») и седло (глава 44).

Девятая: Прибывают трое стражников из Святого братства — патруль дорожной полиции (глава 45).

Десятая: На постоялом дворе останавливается погонщик волов, которого священник нанимает, чтобы отвезти Дон Кихота домой (глава 46).

Итого тридцать пять человек.

Когда все действующие лица собрались на постоялом дворе, самое время обнажить главную нить, соединяющую эти вставные повести, — любовную историю Карденьо-Лусинды-Фернандо-Доротеи, которая грозит совершенно вылететь из головы читателя. Не будем забывать, что здесь мы имеем дело с тремя уровнями повествования, а именно: 1) приключения Дон Кихота, 2) прочитанная священником итальянская новелла с состряпанной на скорую руку развязкой и 3) любовная история Карденьо и прочих, которая по уровню приемлемой художественной реальности стоит где-то между пустычной вставной новеллой об Ансельмо и Лотарио и шедевром Дон Кихота — в действительности она гораздо ближе к первой, чем к последнему. Итак, Карденьо узнает Лусинду, а Доротея — Фернандо. Взгляните, с какой поспешностью автор старается уладить этот больной вопрос:

«Тут к ней поспешил священник, откинул с ее лица покрывало и брызнул водой, и как скоро он открыл ей лицо, дон Фернандо — ибо это он держал за плечи другую девушку — тотчас узнал Доротею и замер на месте, однако же не подумал отпустить Лусинду, ибо это Лусинда пыталась вырваться у него из рук: она по вздохам узнала Карденьо, а Карденьо узнал ее. Слышал также Карденьо это *ах*, вырвавшееся у Доротеи, когда она упала замертво, и, решив, что это его Лусинда, он в ужасе выбежал из другой комнаты, и первый, кого он увидел, был дон Фернандо, обнимавший Лусинду. Дон Фернандо также сразу узнал Карденьо, и все трое, Лусинда, Карденьо и Доротея, онемели от изумления, — они почти не сознавали, что с ними происходит» (глава 36).

Это очень слабая глава. Несмотря на мастерство автора, она безнадежно сливается с итальянской вставной повестью. Перед нами по-прежнему «принцесса Микомикона» (какой ее видит Дон Кихот) со своим великаном.

Друзья Дон Кихота, священник и цирюльник, с помощью «принцессы» Доротеи, получившей от Дон Кихота обещание вернуть ей трон, задумали обманом заманить его в родную деревню. И хотя любовные истории Лусинды и Доротеи благополучно завершились, как и история дон Луиса и доньи Клары, у нас еще остается время для веселых забав. Хорошо зная странности Дон Кихота, его друзья потехи ради подзадоривают его, заставляя всю компанию хохотать до упаду. Здесь, на постоялом дворе (глава 45), причудливо переплетаются судьбы нескольких второстепенных персонажей, и здесь же наступает развязка. Когда один из воинов Святого братства берется утверждать, что Дон Кихот принял ослиное седло за упряжь благородного коня, рыцарь устремляется в бой: «Тут он поднял копьцо, которое никогда не выпускал из рук, и с такой силой вознамерился опустить его на голову стражника, что если б тот не увернулся, то рухнул бы неминуемо. [Между прочим, этот оборот утомительно часто повторяется в романе при описании различных поединков.] Копьцо, ударившись оземь, разлетелось на куски, прочие же стражники, видя, как дурно с их товарищем обходятся, стали громко звать на помощь Святому братству.

Хозяин, который тоже служил в Братстве, мигом слетал за жезлом и шпагой и примкнул к

своим собратьям; слуги дона Луиса, боясь, как бы их господин не ускользнул в суматохе, обступили его; цирюльник [второй], видя, что поднялась кутерьма, ухватился за седло, и то же самое сделал Санчо; Дон Кихот выхватил меч и ринулся на стражников; дон Луис кричал слугам, чтобы они оставили его и бежали на помощь Дон Кихоту, а равно и Карденьо и дону Фернандо, которые стали на сторону Дон Кихота^[14]; священник вопиял; хозяйка орала; ее дочь сокрушалась; Мариторнес выла; Доротея пребывала в смятении; Лусинда была поражена, а донья Кларе сделалось дурно. Цирюльник дубасил Санчо; Санчо тузил цирюльника; дон Луис, коего один из слуг осмелился схватить за руку, дабы он не убежал, съездил его по зубам и разбил ему рот в кровь, аудитор бросился на его защиту; дон Фернандо сшиб с ног одного из стражников, после чего ноги дона Фернандо начали усердно потчевать его пинками; хозяин не своим голосом призывал на помощь слугам Святого братства — словом, весь постоянный двор стонал, кричал, выл, метался, ужасался, бил тревогу, терпел бедствия, дрался на шпагах, раздавал зуботычины, охаживал дубинами, пинал ногами и лил кровь». Хаос боли, причиняемой или претерпеваемой.

Позвольте мне привлечь ваше внимание к стилю. Мы видим здесь — а также в других подобных отрывках, где речь идет о всеобщем участии в том или ином конфликте, — мы видим отчаянную попытку автора сгруппировать действующие лица в соответствии с их характерами и чувствами, объединить их в группы, но в то же время сохранить их неповторимость, как бы все время напоминая читателю об их отличительных чертах, но заставляя их действовать вместе, никого не исключая. Все это выглядит довольно неуклюже и неубедительно, особенно когда они внезапно забывают о своих ссорах. (Когда мы перейдем к «Госпоже Бовари», написанной двумя с половиной веками позже, то увидим, как в ходе эволюции романа грубый метод Сервантеса достигает необыкновенной утонченности, когда Флобер хочет сгруппировать своих героев или произвести их смотр в том или ином поворотном пункте своего романа.)

ТЕМА РЫЦАРСКИХ РОМАНОВ

Мода на рыцарские романы в Испании описывалась как своего рода общественное бедствие, с которым необходимо было бороться и с которым, говорилось далее, Сервантес боролся — и покончил навсегда. Все это представляется мне явным преувеличением. Сервантес ни с чем не покончил: и в наше время спасают оскорбленных девиц и убивают чудищ — в нашей низкопробной литературе и кино — с таким же вожделением, как несколько веков назад. И разумеется, великие европейские романы XIX века, изобилующие адюльтерами, дуэлями и безумными поисками, — тоже прямые потомки рыцарской литературы.

Но если говорить о рыцарских романах в буквальном смысле этого слова, то, я думаю, мы обнаружим, что к 1605 году, ко времени создания «Дон Кихота», рыцарские романы уже почти исчезли; упадок рыцарской литературы ощущался последние двадцать—тридцать лет. Сервантес, разумеется, имеет в виду книги, которые он читал в юности и впоследствии не брал в руки (в его отсылках много грубых ошибок), — если проводить современную параллель, то он скорее похож на современного автора, атакующего Фокси Грандпа или Бастера Брауна, вместо того чтобы обрушиться на малыша Эбнера^[7] или парней в инфракрасных трико. Иными словами, сочинять книгу в тысячу страниц, чтобы нанести еще один удар по рыцарским романам, когда в этом не было необходимости (так как о них позаботилось само время), было бы со стороны Сервантеса не меньшим безумием, чем бой Дон Кихота с ветряными мельницами. Народ был неграмотен, и нарисованная некоторыми критиками картина — грамотный пастух читает вслух роман о Ланселоте кучке неграмотных, но замороженных погонщиков мулов — просто глупа.

Среди дворянства или ученых мода на рыцарские романы давно прошла, хотя время от времени архиепископы, короли и святые могли с удовольствием читать эти книги. К 1600 году разрозненные тома, истрепанные и пыльные, возможно, еще хранились на чердаке у сельского дворянина, но и только.

Критическое отношение Сервантеса к фантастическим романам основывается — если судить по собственным его словам — на том, что он считал отсутствием правдоподобия, которое он, похоже, сводил к сведениям, полученным с помощью здравого смысла, что, разумеется, можно назвать вульгарнейшей разновидностью истины. Устами различных персонажей своего романа Сервантес сетует на отсутствие в романах исторической правды, ибо, утверждает он, истории эти вводят в заблуждение простодушных людей, принимающих их за истину. Однако Сервантес совершенно запутывает вопрос, проделывая в своей книге три странные вещи. Во-первых, он придумывает летописца, арабского историка, который якобы следит за жизненными перипетиями исторического Дон Кихота—к подобной уловке прибегали авторы нелепейших рыцарских романов, чтобы подкрепить свои истории авторитетной истиной, приемлемой родословной. Во-вторых, он запутывает вопрос, заставляя священника — наделенного здравым или якобы здравым смыслом — хвалить и спасать от уничтожения полдюжины рыцарских романов, в том числе самого «Амадиса Галльского», книгу, которая на всем протяжении романа находится в центре внимания и, вероятно, стала главной причиной Дон-Кихотова умопомешательства. И в-третьих (как указывал Мадариага ^{15}), Сервантес запутывает вопрос, совершая те же самые ошибки (то есть грешит против вкуса и истины) — которые сам же и высмеивал в роли критика рыцарских романов; ведь подобно героям этих книг, его собственные безумцы и девицы, всевозможные пастухи, пастушки и т. п. носятся по Сьерре-Морене, слагая стихи в самом что ни на есть манерном и выпренном стиле, от которого тошнота подступает к горлу. При внимательном рассмотрении темы рыцарских романов создается впечатление, что Сервантес избрал определенный предмет для осмеяния вовсе не потому, что чувствовал особую потребность исправлять современные нравы, но отчасти потому, что в его благочестивое время церковь требовала высоконравственных сочинений, и главное, потому, что сатира на рыцарские романы была подходящим и невинным средством и дальше сочинять свой плутовской роман — чем-то вроде колка на шее у крылатого коня Клавиленьо, повернув который можно было умчаться в далекие страны.

Давайте посмотрим, какую роль играет тема рыцарских романов в построении книги.

Складывается впечатление, что книга начинается с насмешки над рыцарскими историями и их читателями, которые с таким жаром отдаются чтению, что уподобляются Дон Кихоту, сидевшему «над книгами с утра до ночи и с ночи до утра; и вот оттого, что он мало спал и много читал, мозг у него стал иссыхать, так что в конце концов он и вовсе потерял рассудок». Сервантес различает мозг,местилище разума, и душу, область воображения, которая у этих безумцев поглощена всем тем, о чем они читали в книгах: «чародейством, распрями, битвами, вызовами на поединок, ранениями, объяснениями в любви, любовными похождениями, сердечными муками и разной невероятной чепухой»; и вот они начинают думать, «будто все это нагромождение вздорных небылиц — истинная правда», или, точнее, этот вымысел представляет для них реальность более высокую, чем повседневная жизнь. Наш свихнувшийся сельский дворянин — Кихада или Кесада, а скорее всего, Кехана или Кихано — 1) начистил до блеска старые доспехи, 2) прикрепил к шишаку картонное забрало, подложив внутрь железные пластинки, 3) подобрал звучное имя для своей клячи — Росинант, 4) сам назвал себя Дон Кихотом Ламанчским, 5) а даму свою окрестил Дульсинеей Тобоскою — в смутной реальности она была деревенской девушкой Альдонсой Лоренсо родом из Тобосо.

Затем, без промедления, он выехал в жаркий летний день на поиски приключений. Он

принимает убогий постоялый двор за замок, двух шлюх — за знатных сеньор, свинопаса — за герольда, хозяина постоялого двора — за владельца замка, треску — за форель. Его беспокоит только то, что он еще не посвящен в рыцари в соответствии со всеми законами чести. Мечты Дон Кихота становятся явью только благодаря хозяину, негодяю и насмешнику, который решает жестоко подшутить над мечтателем Дон Кихотом: «Перепуганный владелец замка, не будь дурак, тотчас сбегал за книгой, где он записывал, сколько овса и соломы выдано погонщикам, и вместе со слугой, державшим в руке огарок свечи, и двумя помянутыми девицами подошел к Дон Кихоту, велел ему преклонить колена, сделал вид, что читает некую священную молитву, и тут же изо всех сил треснул его по затылку, а затем, все еще бормоча себе под нос что-то вроде молитвы, славно огрел рыцаря по спине его же собственным мечом. После этого он велел одной из шлюх препоясать этим мечом рыцаря, что та и исполнила, выказав при этом чрезвычайную ловкость и деликатность...» (глава 3). Обратите внимание на описание обряда бдения: «<...> Дон Кихот между тем то чинно прохаживался, то, опершись на копьё, впивался глазами в свои доспехи и долго потом не отводил их. Дело было глухую ночью, однако ясный месяц вполне заменял дневное светило, коему он обязан своим сиянием, так что все движения новоиспеченного рыцаря хорошо видны были зрителям». Именно здесь пародия на рыцарские романы впервые отступает на задний план перед трогательным, мучительным, божественным обаянием, исходящим от Дон Кихота. В этой связи любопытно вспомнить, что в 1534 году, накануне основания Общества Иисуса, Игнатий Лойола провел ночь перед престолом Девы Марии подобно совершающим бдение рыцарям, о которых он читал в книгах.

После того как Дон Кихот терпит жестокое поражение в битве со слугами купцов, односельчанин подбирает его на дороге и привозит домой. Священник предлагает предать огню зловерные книги, из-за которых Дон Кихот сошел с ума. И тут у нас по спине пробегает озноб, столы медленно поворачиваются, и у нас возникает чувство, что эти книги, эти мечты и это безумие — вещи более высокого порядка — то есть выше нравственно, — чем так называемый здравый смысл священника и ключницы.

Авторы многочисленных комментариев наперебой твердят, что Сервантес высмеивал — если он вообще что-либо высмеивал — второсортные рыцарские романы, а не институт рыцарства вообще. Бросив беглый взгляд на связь общих жизненных принципов с общими принципами художественной литературы, мы можем пойти еще дальше и заявить о наличии реальной связи между самыми сложными и утонченными правилами странствующего рыцарства и тем, что мы называем демократией. Эта реальная связь основана на принципах соревнования, честной игры и братства, которых придерживались настоящие рыцари. Именно о них говорится в прочитанных Дон Кихотом книгах, как бы плохи ни были некоторые из них.

В голове у Дон Кихота, как и в прочитанных им книгах, тема рыцарских романов нередко сливается с аркадской темой. В одиннадцатой главе Дон Кихот излагает свое представление о давно минувшем золотом веке: *еда и питье* — огромные желуди, мед и ключевая вода; *жилище* — кора пробковых дубов (*quercus suber*), из которой изготовлялась кровля хижин; *скотоводство* — полностью заменило земледелие, разверзающее милосердную утробу матери нашей земли. (Как будто проклятые овцы с острыми, как бритва, зубами не выщипывают луга под корень.) Отметим также, что пастушки стали обязательным украшением романов XVIII века, в период так называемого сентиментализма или нарождающегося романтизма, типичным представителем которого был французский философ Руссо (1712–1778). Этим защитникам безыскусной жизни никогда не приходило в голову, что порой работа пастуха — или пастушки — может оказаться более нервной, чем работа городского администратора. Продолжим список. *Женская одежда* — несколько листьев лопуха или плюща. В *области морали*: 1) общая собственность, 2) всеобщие мир и дружба, 3) затем правдивость, откровенность, честность, 4) девическая скромность, 5)

абсолютная справедливость. И, разумеется, б) учреждение ордена странствующего рыцарства в качестве эдакой вдохновенной и вдохновляющей полицейской силы.

В одиннадцатой главе Сервантес рассказывает, что Дон Кихот, наевшись досыта мясом и сыром, а также выпив изрядное количество вина, взял пригоршню желудей и пустился в рассуждения: «Блаженны времена и блажен тот век, который древние назвали золотым. <...> В те благословенные времена все было общее. Для того чтоб добыть себе дневное пропитание, человеку стоило лишь вытянуть руку и протянуть ее к могучим дубам, и ветви их тянулись к нему и сладкими и спелыми своими плодами щедро его одаряли. Быстрые реки и светлые родники утоляли его жажду роскошным изобилием приятных на вкус и прозрачных вод. Мудрые и трудолюбивые пчелы основывали свои государства в расселинах скал и в дуплах деревьев и безвозмездно потчевали любого просителя обильными плодами сладчайших своих трудов. Кряжистые пробковые дубы снимали с себя широкую свою и легкую кору не из каких-либо корыстных целей, но единственно из доброжелательности, и люди покрывали ею свои хижины, державшиеся на неотесанных столбах, — покрывали не для чего-либо, а лишь для того, чтобы защитить себя от непогоды. Тогда всюду царили дружба, мир и согласие. Кривой лемех тяжелого плуга тогда еще не осмеливался разверзть и исследовать милосердную утробу прапаматери нашей, ибо плодоносное ее и просторное лоно всюду и добровольно наделяло детей, владевших ею в ту пору, всем, что только могло насытить их, напитать и порадовать. Тогда по холмам и долинам гуляли прекрасные и бесхитростные пастушки в одеждах, стыдливо прикрывавших лишь то, что всегда требовал и ныне требует прикрывать стыд. <...> Тогда движения любящего сердца выражались так же просто и естественно, как возникали, без всяких искусственных украшений и околичностей. Правдивость и откровенность свободны были от примеси лжи, лицемерия и лукавства. <...> С течением времени мир все более и более наполнился злом, и вот, дабы охранять их, и учредили наконец орден странствующих рыцарей, в обязанности коего входит защищать девушек, опекать вдов, помогать сирым и неимущим. К этому ордену принадлежу и я, братья пастухи, и теперь я от своего имени и от имени моего оруженосца не могу не поблагодарить вас за угощение и гостеприимство. Правда, оказывать содействие странствующему рыцарю есть прямой долг всех живущих на свете, однако же, зная заведомо, что вы, и не зная этой своей обязанности, все же приютили меня и угостили, я непритворную воздаю вам хвалу за непритворное ваше радушие».

В тринадцатой главе мы застаем Дон Кихота беседующим с пастухами, он спрашивает, знакомы ли они с анналами английской истории, в коих повествуется о славных подвигах короля Артура (легендарный король и его рыцари жили, вероятно, в середине первого тысячелетия нашей эры): «Ну так вот, при этом добром короле был учрежден славный рыцарский орден Рыцарей Круглого Стола, а Рыцарь Озера Ланселот, согласно тому же преданию, в это самое время воспылил любовью к королеве Джиневре, наперсницей же их и посредницей между ними была придворная дама, достопочтенная Кинтаньона, — отсюда и ведет свое происхождение известный романс, который доныне распевает вся Испания:

Был неслыханно радушен
Тот прием, который встретил
Ланселот у дам прекрасных,
Из Британии приехав,

а дальше в самых нежных и мягких красках изображаются любовные его похождения и смелые подвиги» — и, добавляем мы, его безумие и полное отречение от рыцарских идеалов

(перед смертью он живет как праведник) — именно это и случилось с Дон Кихотом.

Заметьте, в его речах нет ничего комического. Он *настоящий* странствующий рыцарь. Вслед за Ланселотом он вспоминает другого своего любимца: «И вот с той поры этот рыцарский орден мало-помалу все ширился, ширился и наконец охватил многоразличные страны, и в лоне этого ордена подвигами своими стяжали себе славу и почет отважный Амадис Галльский со всеми своими сыновьями и внуками даже до пятого колена <...>». Сервантес, как и придуманный им священник, отвергают этих сыновей и внуков как чистый вымысел, но признают Амадиса, тех же взглядов придерживаются и их потомки-критики. Под конец Дон Кихот говорит: «Вот что такое, сеньоры, странствующий рыцарь и вот каков этот рыцарский орден, к коему, как вы знаете, принадлежу и я, грешный, давший тот же обет, что и перечисленные мною рыцари. В поисках приключений и заехал я в пустынные и глухие места с твердым намерением мужественно и стойко выдержать опаснейшие из всех испытаний, какие пошлет мне судьбина, и защитить обездоленных и слабых».

Теперь проведем некоторые важные параллели между гротеском в рыцарских романах ^{16} и гротеском в «Дон Кихоте». В романе Мэлори «Смерть Артура» (книга 9, глава 17) сэръ Тристан сходит с ума, узнав, что его дама, Изольда Прекрасная, была не вполне ему верна ^{17}. Сначала он играл на арфе, потом стал ходить нагишом, исхудал и ослаб; и тогда он подружился со скотоводами и пастухами, и каждый день они давали ему немного мяса и питья. Когда он совершал какой-нибудь безумный поступок, они секли его розгами, его остригли ножницами для овец, и он стал похож на дурака. Дамы и господа, между этими событиями и атмосферой эпизодов, развертывающихся в горах Испании — начиная с двадцать четвертой главы первой части, повествующей о приключениях Дон Кихота и истории помешанного оборванца Карденьо, — в сущности нет никакого различия.

В романе Мэлори «Смерть Артура», в конце одиннадцатой книги, околдованный Ланселот восходит на ложе прекрасной Елены, которую принимает за свою единственную любовь, королеву Джиневру. Из соседней комнаты доносится покашливание Джиневры, Ланселот понимает, что он с другой женщиной, и в безумном отчаянии выпрыгивает в окно — потеряв разум. В первой главе двенадцатой книги он скитается по лесам в одной рубашке, питается ягодами и пьет из ручья. Но при этом не расстаётся с мечом. В ходе нелепой битвы с неким рыцарем он случайно падает на кровать какой-то дамы, та в испуге убегает, а Ланселот самым дурацким образом засыпает. Пуховую перину кладут на запряженные лошадьми носилки, связанного по рукам и ногам Ланселота отвозят в замок и сажают на цепь как безумца, но о нем заботятся и хорошо кормят. Вы без труда найдете в «Дон Кихоте» параллельные сцены и ту же атмосферу поразительной отваги и жестоких потех.

Совершив путешествие из XV века, когда был написан роман Мэлори, в XIII-й, мы обнаружим самый ранний текст о Ланселоте, Рыцаре Озера и Джиневре — французский роман в прозе Кретьена де Труа «Ланселот, или Рыцарь Телеги». (Несколькими веками ранее та же тема под различными названиями имела хождение в Ирландии.) В этом романе XIII века карлик предлагает Ланселоту проехать в его телеге, чтобы попасть к королеве Джиневре. Ланселот соглашается, бросая вызов бесчестью. (Обычно на телеге везли преступников.) Оказавшись на запряженной волами телеге, Дон Кихот безропотно сносит бесчестье, так как волшебники сказали ему, что он отправится к Дульсинея на том же самом корабле — на той же самой телеге. Я готов утверждать, что единственное различие между сэром Ланселотом или сэром Тристаном, или любым другим рыцарем и Дон Кихотом состоит в том, что последнему в век пороха, пришедшего на смену волшебному зелью, так и не удалось сразиться с настоящим рыцарем.

Я хочу подчеркнуть, что рыцарские романы повествовали не только о Дамах, Розах и Гербах, в некоторых эпизодах с рыцарями случались те же позорные и нелепые вещи, они

переживали те же унижения и оказывались во власти тех же чар, что и Дон Кихот, — словом, Дон Кихот отнюдь не карикатура на рыцаря, а скорее логическое продолжение — с большей долей безумия, позора и мистификации.

В сорок седьмой главе первой части каноник, беседующий со священником, излагает точку зрения автора — или по меньшей мере точку зрения, придерживаться которой он мог без всякой для себя опасности. Это очень разумная, очень умеренная точка зрения. В самом деле, весьма любопытно, почему у духовных лиц и у писателей, придерживающихся канонических взглядов, разум — человеческий разум — играет главенствующую роль, тогда как фантазия и интуиция предаются анафеме. Любопытный парадокс: где были бы наши боги, когда бы предпочтение отдавалось бескрылому здравому смыслу? «А что вы скажете об этих королевах или же будущих императрицах, которым ничего не стоит броситься в объятия незнакомого странствующего рыцаря? — спрашивает каноник. — Кто, кроме умов неразвитых и грубых, получит удовольствие, читая о том, что громадная башня с рыцарями плавает по морю, точно корабль при попутном ветре, и ночует в Ломбардии, а рассвет встречает на земле пресвитера Иоанна Индийского, а то еще и на такой, которую ни Птолемей не описывал, ни Марко Поло не видывал?» (Где была бы наука, когда б мы следовали велению разума?) Произведения, основанные на вымысле, говорит каноник, «надлежит писать так, чтобы, сглаживая преувеличения и приковывая внимание, они изумляли, захватывали, восхищали и развлекали таким образом, чтобы изумление и восторг шли рука об руку».

Однако Дон Кихот умеет красноречиво описать странствующих рыцарей, как он это делает в пятидесятой главе: «Нет, правда, скажите: что может быть более увлекательного, когда мы словно видим пред собой громадное озеро кипящей и клокочущей смолы, в коем плавают и кишат бесчисленные змеи, ужи, ящерицы и многие другие страшные и свирепые гады, а из глубины его доносится голос, полный глубокой тоски: *"Кто б ни был ты, о рыцарь, взирающий на ужасное это озеро! Если хочешь добыть сокровища, под его черною водою сокрытые, то покажи величие неустрашимого твоего духа и погрузись в эту огненную и черную влагу, ибо только при этом условии сподобишься ты узреть дивные чудеса, таящиеся и заключенные в семи замках семи фей, которые в сей мрачной обретаются пучине"*? Стоит рыцарю услышать этот дрожащий голос, и он, не рассуждая и не думая об опасности, даже не освободившись от бремени тяжелых своих доспехов, поручив себя Богу и Богоматери, бросается в глубину бурлящего озера, и вдруг, нежданно-негаданно, перед ним цветущие поля, после которых на поля Елисейские и смотреть не захочешь. <...> Что же еще после всего этого нам остается увидеть? Разве девушек, длинною вереницею выходящих из ворот замка <...> и как самая из них, по-видимому, главная возьмет за руку рыцаря, отважно бросившегося в бурлящее озеро, молча отведет его в дивный чертог или же замок, велит ему сбросить одежды, омоет его теплой водой, умастит его тело благовонными мазями, наденет на него легчайшей ткани сорочку, надушенную и благоухающую, а затем другая девушка накинёт ему на плечи плащ, который, самое меньшее, стоит столько, сколько целый город, а то и дороже? Еще что увидим мы? Разве то, как после этого, — рассказывают нам, — его поведут в другую палату, где так красиво накрыты столы, что он только любуется и дается диву? Как на руки льют ему воду с примесью амбры и сока душистых цветов? Как сажают его в кресло слоновой кости? <...> Наконец, когда пиршество кончится и со столов уберут, посмотреть еще разве, как рыцарь развалится в креслах и по привычке, чего доброго, начнет ковырять в зубах [восхитительная деталь], а тут невзначай войдет девица краше тех, которых он видел прежде, сядет с ним рядом и начнет рассказывать, какой это замок, как ее здесь заколдовали и о многом другом, и рассказ ее приведет рыцаря в изумление, а читателей этой истории в восторг? Я не хочу более об этом распространяться, ибо сказанного мною довольно, чтобы сделать вывод, что любая часть любой книги о

странствующих рыцарях способна доставить удовольствие и наслаждение любому читателю»^[18].

В отличие от красноречивых восторгов Дон Кихота, беседа каноника со священником в сорок седьмой главе как бы подытоживает слова священника, произнесенные в шестой главе первой части, в сцене сожжения книг. Мы вернулись к тому, с чего начали. Некоторые рыцарские романы опасны, потому что в них слишком много вымысла и несообразностей.

«Я не знаю ни одного рыцарского романа, где бы все члены повествования составляли единое тело <...> — все они состоят из стольких членов, что кажется, будто сочинитель вместо хорошо сложенной фигуры задумал создать какое-то чудище или урода. Кроме того, слог в этих романах груб, подвиги неправдоподобны, любовь похотлива, вежливость неуклюжа, битвы утомительны, рассуждения глупы, путешествия нелепы — словом, с искусством разумным они ничего общего не имеют и по этой причине подлежат изгнанию из христианского государства наравне с людьми бесполезными». Но повторяю, чтобы обругать эти книги, незачем было сочинять роман в тысячу страниц. И однако к концу первой части ловкий Сервантес имеет на своей стороне уже не одного церковника, а двух.

У нас ушло бы слишком много времени на то, чтобы во всех утомительных подробностях следовать каждому изгибу и повороту рыцарской темы — этому гибкому хребту, на котором держится книга. Когда мы будем говорить о победах и поражениях Дон Кихота, этот структурный прием станет абсолютно ясен. В завершение темы рыцарских романов я укажу на один из прелестнейших эпизодов, происшедших ближе к концу Дон-Кихотовых приключений, а именно на эпизод из пятьдесят восьмой главы второй части. Рыцарь и его оруженосец видят, что на лугу, разостлав под собой плащи, закусывают человек десять. Немного поодаль на траве стоят четыре больших предмета, накрытых полотном. Когда один из крестьян по просьбе Дон Кихота снимает покрывала, под ними оказываются лепные и резные изображения святых, которые переносят из одного прихода в другой. Первая статуя изображает рыцаря в блистающих золотом доспехах, который вонзает копье в пасть дракона. Дон Кихот тут же его узнает: «Сей рыцарь был одним из лучших странствующих рыцарей во всей небесной рати. Звали его Святой Георгий Победоносец, и притом он был покровителем дев». (Святой Георгий сразил дракона, защищая королевскую дочь.)

Вторая статуя оказывается святым Мартином, делящим свой хитон с бедняком; и снова Дон Кихот со сдержанным достоинством говорит: «Сей рыцарь был также из числа христианских странников, и мне думается, что доброта его была еще выше его доблести; это видно из того, Санчо, что он разрывает свой хитон, дабы половину отдать бедняку. И уж верно тогда стояла зима, иначе он отдал бы весь хитон — так он был милосерд» — довольно трогательное умозаключение со стороны Дон Кихота. Третьим оказывается изображение святого Иакова, покровителя Испании, разящего мавров. «Воистину сей есть рыцарь Христова воинства, а зовут его Святой Дьего Мавроббрец. Это один из наидоблестнейших святых рыцарей, когда-либо живших на свете, ныне же пребывающих на небе». Четвертая статуя изображала падение апостола Павла с коня со всеми теми подробностями, с какими обыкновенно изображается его обращение. «Прежде то был самый лютый из всех гонителей Христовой церкви, каких знало его время, а потом он стал самым ярым из всех защитников, какие когда-либо у церкви будут, — сказал Дон Кихот. — Это странствующий рыцарь при жизни своей и это святой, вошедший в обитель вечного покоя после своей смерти, это неутомимый труженик на винограднике Христовом, это просветитель народов, которому школою служили небеса, наставником же и учителем сам Иисус Христос».

Больше изображений не было, поэтому Дон Кихот попросил снова закрыть статуи полотнищами и сказал — тон этой сцены совершенно евангельский: «За счастливое

предзнаменование почитаю я, братья, то, что мне довелось увидеть эти изображения, ибо святые эти рыцари подвизались на том же поприще, что и я, то есть на поприще ратном, и все различие между ними и мною заключается в том, что они были святые и преследовали цели божественные, я же, грешный, преследую цели земные. Они завоевали себе Небо благодаря своей мощи, ибо *Царство Небесное силою берется*, я же еще не знаю, что я завоевываю, возлагая на себя тяготы, — впрочем, если только Дульсинея Тобосская избавится от своих тягот, то мой жребий тотчас улучшится, разум мой возмужает, и, может статься, я перейду на иную стезю, лучшую, нежели та, которую я шел до сих пор», — бормочет он в смутном трепете озарения, внезапно ощутив, что с его бедным мозгом что-то неладно. В конце путешествия Санчо замечает: «Положив руку на сердце, скажу вам, досточтимый мой хозяин: если то, что с нами сегодня произошло, можно назвать приключением, то это одно из самых приятных и отрадных приключений, какие за все время наших странствований выпадали на нашу долю». И впрямь, эта сцена мастерски определяет душевное состояние нашего доброго рыцаря, предвещая его близкий конец.

Поразительно, что интонация Дон Кихота в этой сцене странно напоминает интонацию другого безумца, созданного в тот же год:

Я старый дурень

.....

Боюсь,

Я не совсем в своем уме.

«Король Лир» IV, VII.^[8]

ЖЕСТОКОСТЬ И МИСТИФИКАЦИЯ

Теперь я намерен рассмотреть тему мистификации, тему жестокости. Я поступлю следующим образом. Сперва я проведу смотр образцов жизнерадостной физической жестокости из первой части книги. Запомните, полный перечень побед и поражений Дон Кихота я приведу гораздо позже — мне хочется, чтобы вы предвкушали этот подробный отчет. Пока же я предполагаю лишь слегка осветить своим маленьким факелом угол пыточной камеры и поначалу приведу образцы жизнерадостной физической жестокости из первой части. Затем я рассмотрю душевную жестокость во второй части, а так как эта душевная жестокость проявляется преимущественно в мистификациях, нам придется поговорить о различного вида чародействах и чародеях. Нашим первым чародеем окажется Санчо — и в этой связи возникнет тема Дульсинеи. Другой интересный пример — это Дон Кихот, околдовавший сам себя, эпизод в пещере Монтесиноса. Затем я буду готов обрушиться на главных чародеев второй части — на герцогиню с ее герцогом.

На мой взгляд, в нравственности нашей книги есть нечто, отбрасывающее мертвенно-синий лабораторный свет на гордую плоть ее обгаренных кровью отрывков. Поговорим о жестокости.

Замысел автора, по всей вероятности, таков: следуй за мной, неблагосклонный читатель, который обожает смотреть, как живую собаку надувают воздухом и пинают ногами, словно футбольный мяч; читатель, которому приятно воскресным утром по дороге в церковь или из церкви ткнуть палкой бедного мошенника в колодки или послать в него плевков; следуй за мной, неблагосклонный читатель, и полюбуйся, в какие изобретательные и жестокие руки предам я своего смехотворно уязвимого героя. Надеюсь, ты по достоинству оценишь то, что я готов тебе предложить.

Неправда, что — как утверждают наши благонамеренные комментаторы, и среди них Обри Белл, — главным героем книги, образ которого возникает на ее страницах, является восприимчивый, понятливый народ, добродушный и человечный. Человечный, как бы не так! А как же ужасающая жестокость, которая — независимо от воли или желания автора — пронизывает книгу и оскверняет ее юмор? Национальный дух здесь ни при чем. Во времена Дон Кихота испанцы относились к сумасшедшим, животным, нижестоящим и бунтарям не более жестоко, чем другие народы той брутальной и блестящей эпохи. Или, если на то пошло, народы других, более поздних, более брутальных и менее блестящих эпох, когда жестокость умела прятать свои клыки. О пытках, коим был подвергнут конокрад, встреченный Дон Кихотом на дороге вместе с другими преступниками, упоминается как об обычном деле, ибо в старой Испании или старой Италии пытки применялись столь же щедро — хотя и более открыто, — как сегодня в тоталитарных государствах. Во времена Дон Кихота испанцы почитали безумие смешным, но позже (как указывает Кратч) того же мнения придерживались и англичане, нередко навещавшие Бедлам потехи ради.

Обе части романа — настоящая энциклопедия жестокости. С этой точки зрения «Дон Кихот» — одна из самых страшных и бесчеловечных из написанных когда-либо книг. И ее жестокость облачена в художественную форму. Небезызвестные комментаторы, рассуждающие в своих академических шапочках о доброй и человечной, истинно христианской атмосфере книги, о счастливом мире, где «все смягчает человечность любви и верной дружбы»^{19}, особенно те из них, кто говорит о «доброй герцогине», «развлекающей Дон Кихота» во второй части, — эти мудрые эксперты, вероятно, читали какую-то другую книгу или смотрели на жестокий мир Сервантеса сквозь розовые очки. Как гласит легенда, однажды солнечным утром испанский король Филипп III (коронованный фанатик, в 1598 году сменивший на троне своего отца,

мрачного и холодного Филиппа II), выглянув с балкона, был поражен странным поведением юного студента, который, сидя с книгой в руках под сенью пробкового дуба (*quercus suber*), исступленно бил себя руками по ляжкам и то и дело раздражался безудержными приступами смеха. Король заметил, что студент или безумен, или читает «Дон Кихота». Расторопный придворный побежал за ответом. Как вы уже догадались, юноша читал «Дон Кихота».

Что же вызвало этот взрыв безудержного веселья в мрачном мире короля Филиппа? Я составил полный перечень увеселений, из которого был волен выбирать жизнерадостный студент. Учтите, сейчас я рассматриваю книгу только с этой особой точки зрения; с нашим странствующим рыцарем происходит множество других вещей, о которых мы поговорим позднее. Итак, начнем с третьей главы, где хозяин постоянного двора впускает изможденного безумца лишь затем, чтобы потешиться над ним вместе со своими постояльцами. Мы визжим от восторга, читая, как дюжий сельчанин хлещет ремнем полуголого мальчугана (глава 4). В четвертой главе мы снова корчимся от смеха, когда погонщик молотит беззащитного Дон Кихота, словно сноп пшеницы. В восьмой главе мы хохочем до колик, когда слуги путешествующих монахов, не оставив в бороде Санчо Пансы ни единого волоса, осыпают его пинками. Какой разгул, какая потеха! В пятнадцатой главе погонщики так колотят Росинанта, что тот едва живой валится на землю — но вам не стоит беспокоиться, через минуту кукловод оживит своих говорящих кукол.

Пусть Дон Кихоту и не ставят клистира из ледяной воды с песком, как одному из персонажей рыцарских романов, на его долю выпадает достаточно злоключений. Физические страдания Санчо Пансы в той же пятнадцатой главе^{20} вызывают у нас очередной приступ хохота. К тому времени Дон Кихот уже потерял половину уха — что может быть смешнее, чем потерять пол-уха, разве что потерять три четверти. А теперь пересчитайте, пожалуйста, удары, полученные им за сутки: 1) град палочных ударов, 2) удар по скуле в гостинице, 3) удары чем попало в темноте^{21}, 4) удар железным светильником по голове. И следующий день приятно начинается с потери почти всех зубов, когда пастухи принимаются швырять в Дон Кихота камнями. В семнадцатой главе веселье явно бьет через край, в знаменитой сцене подкидывания на одеяле, когда ремесленники — сукноделы и игольщики, «все, как на подбор, шутники, затейники, озорники и проказники» — развлекаются за счет бедняги Санчо, подбрасывая его на одеяле, как собаку на карнавале, — прекрасный пример человеческих и веселых нравов. Юный студент, за которым наблюдал король Филипп, вновь корчится от смеха, читая в восемнадцатой главе, как Дон Кихота и Санчо Пансу выворачивает наизнанку от принятого ими «бальзама». А до чего уморительна сцена с каторжниками в двадцать второй главе — еще один знаменитый эпизод. Дон Кихот спрашивает одного из каторжников, за какие грехи он вынужден избрать такой неудобный способ путешествия. За него отвечает другой невольник:

«— Этого, сеньор, угоняют за то, что он был канарейкой, то есть за музыку и пение.

— Что такое? — продолжал допытываться Дон Кихот. — Разве музыкантов и певцов тоже ссылают на галеры?

— Да, сеньор, — отвечал каторжник. — Хуже нет, когда кто запоеет с горя.

— Я слышал, наоборот, — возразил наш рыцарь: — кто песни распевает, тот грусть-тоску разгоняет.

— Ну, а тут по-другому, — сказал каторжник: — кто хоть раз запоеет, тот потом всю жизнь плакать будет.

— Ничего не понимаю, — сказал Дон Кихот. Но тут к нему обратился один из конвойных:

— Сеньор кавальеро! *Петь с горя* на языке этих нечестивцев означает признаться под пыткой. Этого грешника пытали, и он сознался в своем преступлении, а именно в том, что занимался конокрадом, сиречь крал коней, и как скоро он признался, то его приговорили к

шести годам галер и сверх того к двум сотням розог, каковые его спина уже восчувствовала. Задумчив же он и грустен оттого, что другие мошенники, как те, что остались в тюрьме, так и его спутники, обижают и презирают его, издеваются над ним и в грош его не ставят, оттого что он во всем сознался и не имел духу отпереться. Ибо, рассуждают они, в слове *не* столько же букв, сколько в *да*, и преступник имеет то важное преимущество, что жизнь его и смерть зависят не от свидетелей и улик, а от его собственного языка. Я же, со своей стороны, полагаю, что они не далеки от истины».

Таков веселый и человечный мир некоторых наших благонамеренных критиков.

Посмотрим, что еще вызывает бурную радость юного студента. Физическая жестокость — штука, спору нет, забавная, однако душевная жестокость может быть еще смешнее. В тридцатой главе действует очаровательная молодая девица по имени Доротея, любимица специалистов по Сервантесу; разумеется, эта девица, будучи особой находчивой и остроумной, не могла не понять, какие великолепные возможности развлечься сулит безумие Дон Кихота, и не пожелала отстать от других. Не пожелала отстать от других. Умная, милая, жизнерадостная Доротея!

В сорок третьей главе мы вновь оказываемся на заколдованном постоялом дворе — *vente*, — где происходит еще одна сцена, способная до смерти рассмешить читателя. Дон Кихот встает на седло своего коня, чтобы дотянуться до зарешеченного окна, за которым, по его представлению, находится изнемогающая от любви дева; служанка же, притворившись госпожой, накидывает ему на запястье недоуздок Санчо-Пансова осла, и когда Росинант чуть отходит в сторону, Дон Кихот два часа висит на одной руке, смятенный, охваченный отчаянием, и ревет как бык, а тем временем служанка и дочь хозяина, и вместе с ними тысячи читателей, заходятся от смеха, как, вероятно, заходились от смеха многие в толпе, когда за шестнадцать веков до этого страждущему Богу вместо воды подали уксус.

Приключения на постоялом дворе кончаются тем, что Дон Кихота связывают и запирают в клетку, которую священник с цирюльником грузят на запряженную волами телегу, намереваясь отвезти своего друга домой, а там уж взяться за его лечение. Теперь мы приближаемся к последнему сражению в первой части. Оно происходит в пятьдесят второй главе. Сопровождающий Дон Кихота священник вступает в беседу с ученым и любезным каноником; остановившись отдохнуть у дороги, они выпускают из клетки Дон Кихота, желая развлечься — как говорится, подшутить над ним. За трапезой Дон Кихот, затеяв ссору с подошедшим козопасом, швыряет ему в лицо буханку хлеба. Пастух пытается задушить Дон Кихота, но тут на помощь своему господину приходит Санчо и валит обидчика на скатерть, давя и разбрызгивая все, что на ней стояло. Дон Кихот снова бросается на пастуха, который с окровавленным лицом — след колотушек Санчо — ползает на четвереньках по скатерти в поисках ножа.

А теперь полюбуемся на доброго каноника, доброго священника и доброго цирюльника, памятуя о том, что каноник — это сам Сервантес под маской представителя духовенства, а священник с цирюльником — ближайшие друзья Дон Кихота, желающие излечить его от безумия. Каноник и священник мешают козопасу схватить нож, однако цирюльник помогает ему подмять Дон Кихота под себя, на рыцаря сыплется град колотушек, а по лицу течет не меньше крови, чем у его врага. Надо полагать, цирюльник делает это потехи ради. Теперь взгляните на других. Каноник со священником покатываются со смеху; стражники подпрыгивают от удовольствия — дерущихся науськивают друг на друга, словно грызущихся собак. На этой знакомой ноте — нет ничего смешнее собаки, которую мучают на залитой солнцем улице, — на этой-то ноте и кончается первая часть «Дон Кихота». Наш юный студент совершенно изнемог от смеха, свалился со своей скамейки. Оставим его там лежать, хотя нам предстоит еще вторая часть, читая которую вы будете просто визжать от радости.

Не стоит думать, что симфонию душевной и физической боли, исполненную в «Дон

Кихоте», можно сыграть лишь на музыкальных инструментах далекого прошлого. И не думайте, что сегодня эти струны боли звучат лишь в далеких тираниях за железным занавесом. Боль все еще с нами, вокруг нас, среди нас. Я не имею в виду такие восхитительные детали наших фильмов и комиксов, как затрешины, расквашенные носы и удары в пах — хотя им тоже отведено особое место в истории боли. Я говорю о еще более обыденных вещах, происходящих и при наилучшей форме правления. Время от времени в наших школах дети, непохожие на своих сверстников, терпят от них те же издевательства, что и Чайльд Кихот от своих волшебников; время от времени дюжие полицейские бьют по голяшкам белых и цветных бродяг с тем же упоением, с каким лупили облаченного в доспехи скитальца и его оруженосца на дорогах Испании.

Но обратимся ко второй части нашей смешной и человечной книги ^{22}. По сравнению с забавами первой части веселая жестокость второй поднимается на более высокий и более дьявольский уровень душевной жестокости и опускается на невероятные глубины грубости физической. На первый план выходит тема мистификации; чародеям и чародейству нет числа. Я намерен путешествовать по второй части книги под их флагом. Колдунов, разумеется, хватало и в первой части: сам Санчо выступил в роли чародея, когда повез искаженное послание к несуществующей Дульсинее. В сущности Санчо довольно ловко разыграл Дон Кихота, сказав, что видел не принцессу Дульсинею, а тобосскую девушку Альдонсу, которую на самом деле он не потрудился навестить. Итак, обратите внимание на то, что в первой части именно Санчо кладет начало сказке о заколдованности Дульсинеи, ее превращении из принцессы в конкретную или обобщенную крестьянку.

Вторая часть начинается с попытки Санчо приложить руку ко второму акту колдовства согласно тому же методу. Ему удается убедить своего господина — к этому времени свою жертву, — что одна из трех встреченных ими крестьянских девушек (среди которых нет Альдонсы) и есть околдованная Дульсинея.

В конце восьмой главы второй части Дон Кихот с Санчо Пансой подъезжают к Тобосо, где им предстоит отыскать Дульсинею. И рыцарь, и его оруженосец втайне волнуются за нее. Дон Кихот — потому, что ясные небеса его безумия омрачены в высшей степени неясным и в высшей степени тайным сомнением; оруженосец же — потому, что никогда не видел Дульсинеи, но обманул своего господина, сказав, будто он передал ей письмо, — в первой части. В следующей главе они, спотыкаясь впотьмах, разыскивают в глухом закоулке ее дворец. С наступлением рассвета Санчо предлагает Дон Кихоту укрыться в лесу, а сам отправляется на поиски Дульсинеи. Не показывать Дульсинею в первой части — гениальный прием. Выведет ли Сервантес ее на сцену теперь?

Как и в первой части, Дон Кихот посылает Санчо с посланием к Дульсинее, которое тот не сумеет передать и на этот раз. Вот замечательный отрывок из десятой главы:

«— Поезжай же, сын мой, — молвил Дон Кихот, — и не смущайся, когда предстанешь пред светозарной красотой, к которой я посылаю тебя. О блаженнейший из всех оруженосцев на свете! Напряги свою память, и да не изгладится из нее, как моя госпожа тебя примет: изменится ли в лице, пока ты будешь излагать ей мою просьбу; встревожится ли и смутится, услышав мое имя; откинется ли на подушки в случае, если она сообразно с высоким своим положением будет восседать на богато убранном возвышении; если же примет тебя стоя, то понаблюдай, не будет ли переступать с ноги на ногу; не повторит ли свой ответ дважды или трижды; не превратится ли из ласковой в суровую или же, напротив того, из угрюмой в приветливую; поднимет ли руку, чтобы поправить волосы, хотя бы они и были у нее в полном порядке». (Прелестная деталь.)

Санчо отправляется в путь. Он видит трех крестьянок верхом на ослицах и тотчас спешит к Дон Кихоту, который тем временем вздыхает и изливает душу в любовных жалобах.

«— Ну что, друг Санчо? Каким камушком отметить мне этот день: белым или же черным?»

— Лучше всего, ваша милость, красным, — отвечал Санчо, — каким пишут о профессорах, чтобы надписи издали были видны.

— Значит, ты с добрыми вестями, — заключил Дон Кихот.

— С такими добрыми, — подхватил Санчо, — что вашей милости остается только дать шпоры Росинанту и выехать навстречу сеньоре Дульсинея Тобосской, которая с двумя своими придворными дамами едет к вам на свидание.

<...> И она сама и ее придворные дамы в золоте, как жар горят, унизаны жемчугом, осыпаны алмазами да рубинами, все на них из парчи больше чем в десять нитей толщины, волосы — по плечам, ветерок с ними играет, все равно как с солнечными лучами».

Дон Кихот спешит ей навстречу, однако в последний момент его охватывает странная, непритворная грусть, как если бы внезапно, в этот решающий миг, у него зародилось ужасное подозрение: существует ли Дульсинея на самом деле? «"Я никого не вижу, Санчо, кроме трех поселянок на ослах", — молвил Дон Кихот». Тем не менее он «опустился на колени рядом с Санчо и, широко раскрыв глаза, устремил смятенный взор на ту, которую Санчо величал королевою и герцогинею; и как Дон Кихот видел в ней всего-навсего деревенскую девку, к тому же не слишком приятной наружности, круглолицую и курносую, то был он изумлен и озадачен и не смел выговорить ни слова». Но, понуждаемый Санчо, он начинает верить, что эта пропахшая чесноком девка с тусклой рыжей шевелюрой, с волосатым родимым пятном над губой, и есть Дульсинея Тобосская, околдованная злым волшебником. И обращается к ней:

«— <...> А ты, высочайшая доблесть, о какой только можно мечтать, предел благородства человеческого, единственное утешение истерзанного моего сердца, тебя обожающего, внемли моему гласу: коварный волшебник, преследующий меня, затуманил и застлал мне очи, и лишь для меня одного померкнул твой несравненной красоты облик и превратился в облик бедной поселянки, но если бы только меня не преобразили в какое-нибудь чудище, дабы я стал несносен для очей твоих, то взгляни на меня нежно и ласково, и по этому моему смиренному коленопреклонению пред искаженною твоею красотой ты поймешь, сколь покорно душа моя тебя обожает».

Решив, что над ней смеются, крестьянка, принимаемая за Дульсинею, кольнула свою ослицу острым концом палки и погнала ее вперед, но та, взбрыкнув, скинула ее на землю. «Увидевши это, Дон Кихот кинулся ее поднять, а Санчо — поправить и подтянуть седло, съехавшее ослице на брюхо. Когда же седло было приведено в надлежащий порядок, Дон Кихот вознамерился поднять очарованную свою сеньору на руки и посадить на ослицу, однако сеньора избавила его от этого труда: она поднялась самостоятельно, отошла немного назад и, взявши недурной разбег, обеими руками уперлась в круп ослицы, а затем легче сокола вскочила в седло и села верхом по-мужски; и тут Санчо сказал:

— Клянусь Святым Роке, наша госпожа легче ястреба, она еще самого ловкого кордованца или же мексиканца может поучить верховой езде! Одним махом перелетела через заднюю луку седла, а теперь без шпор гонит своего иноходца, как все равно зебру. И придворные дамы от нее не отстают: мчатся вихрем»^{23}.

С этой минуты и на протяжении всей второй части Дон Кихота беспокоит мысль о том, как расколдовать Дульсинею, как вернуть безобразной крестьянке облик прекрасной Дульсины, которую он смутно помнит, как другую — пригожую — крестьянскую девушку из Тобосо.

Другой вид обмана: бакалавр Самсон Карраско предлагает священнику с цирюльником следующий план: переодевшись странствующим рыцарем, он нагонит Дон Кихота, затеет с ним ссору и победит в бою. А после прикажет ему возвращаться домой и оставаться там один-два года или более. К несчастью, дело принимает совершенно иной оборот: побежденным и

побитым оказывается сам бакалавр^{24}. А чрезвычайно довольный Дон Кихот продолжает путь.

С точки зрения построения романа эти два обмана — обман Санчо, внушившего своему господину, что Дульсинея околдована, и обман бакалавра, прикинувшегося странствующим рыцарем, чтобы сразиться с Дон Кихотом на его фантастических условиях, — эти два обмана служат подпорками, на которых то прочно стоит, то качается вторая часть. Какой бы сюжет ни развертывался впредь, он будет развиваться на фоне страстного стремления Дон Кихота расколдовать Дульсинею; с другой стороны, мы вправе ожидать, что незадачливый Рыцарь Зеркал, жестоко избитый бакалавр, снова появится на поле брани, как только сумеет сесть в седло. Таким образом, наблюдая за различными перипетиями этой истории и различными действующими лицами, читатель может рассчитывать на появление Дульсины и переодетого бакалавра, когда автор сочтет это необходимым. Бакалавр вновь вступит в бой и победит; заклятие с Дульсинею будет снято — но она так никогда и не появится на страницах романа.

Мы подошли к эпизоду в пещере Монтесиноса из второй части романа, который я намереваюсь обсудить. Затем я подвергну исследованию герцогские чары, череду мистификаций, разыгранных в герцогском дворце. И наконец, обращаю ваше внимание на несколько великих отрывков из этой книги — которые ее художественно оправдывают.

Монтесинос — герой рыцарских романов, главное действующее лицо так называемых «Баллад о Монтесиносе». (Некоторые персонажи этих баллад заколдованы валлийским волшебником Мерлином.) Этот любопытный эпизод описан в двадцать второй, двадцать третьей и на первых страницах двадцать четвертой главы; ссылки на него встречаются в последующих главах, а нечто вроде продолжения — в главах тридцать четвертой и тридцать пятой, где герцогиня с герцогом используют рассказ о приключении в пещере как основу для тщательно продуманной мистификации, жертвой которой становится Дон Кихот.

Эпизод в пещере Монтесиноса называли компромиссом с реальностью. В романе это приключение единственное в своем роде — здесь обвязанный веревками рыцарь, у которого полосы безумия чередуются с проблесками разума, не просто околдовывает сам себя, но, похоже, околдовывает намеренно. Мы никогда не узнаем наверняка, понимает ли сам Дон Кихот, что этот эпизод сочинен им с начала до конца^{25}, и в этой связи чрезвычайно интересны различные косвенные указания на состояние его ума в тот момент. Дон Кихот решает исследовать вертикальную пещеру — возможно, ствол заброшенной шахты, если мы хотим оставаться реалистами. Вход в нее преграждают заросли ежевики и дикой смоквы, и Дон Кихот прокладывает себе дорогу с помощью меча. Его опоясывают веревкой в тысячу футов или более, и он начинает спускаться в пещеру. Санчо и некий юный студент понемногу отпускают веревку. После того как они размотали около двухсот футов веревки, наступает тишина. Наконец, Дон Кихота вытаскивают вверх в блаженном обмороке. В двадцать третьей главе он рассказывает об удивительных вещах, приключившихся с ним в пещере. Там, среди прочих диковин, он видел все еще заколдованную Дульсинею, резвившуюся на лугу вместе с двумя другими крестьянками, — это, несомненно, отраженный образ той самой троицы, которую Санчо вывел на сцену в предшествующей главе. В мечтах Дон Кихота Дульсинея ведет себя не как принцесса, а как крестьянская девушка Альдонса; и впрямь рассказ Дон Кихота об этой встрече не слишком почтителен. В начале двадцать четвертой главы историк, записавший это приключение, замечает, что он далек от мысли, чтобы Дон Кихот, правдивейший идальго, мог намеренно солгать. Этот эпизод прибавляет к характеристике Дон Кихота некий причудливый штрих, и комментаторы усмотрели в разноцветной темноте пещеры ряд символов, относящихся к самой сути вопроса о том, что есть реальность и что есть истина. Я лично склонен считать, что эпизод в пещере — еще один поворот, который Сервантес придает теме Заколдованной Дульсины, чтобы развлечь читателя и не оставить без дела Дон Кихота. Но как расколдовать Дульсинею?

ГЕРЦОГСКИЕ ЧАРЫ

Теперь мы встретимся с главной парой злых волшебников в этой книге — герцогиней и ее герцогом. Жестокость книги достигает здесь чудовищных высот. Во второй части тема герцогских мистификаций занимает целых двадцать восемь глав (с тридцатой по пятьдесят седьмую), то есть около двухсот страниц, затем дополнительно разрабатывается еще в двух главах (шестьдесят девятой и семидесятой), после чего до конца романа остается всего четыре главы, или около тридцати страниц. Позже я вам объясню, что этот разрыв, брешь в одиннадцать глав, образовался, возможно, из-за того, что Сервантесу срочно пришлось разбираться с колдуном, появившимся в его собственной жизни, — «с таинственным сочинителем, опубликовавшим подложную «Вторую часть Дон Кихота», пока Сервантес писал свою вторую часть. Подложное продолжение романа впервые упоминается в пятьдесят девятой главе. Затем Сервантес вновь швыряет Дон Кихота с Санчо в пыточную камеру.

Итак, весь эпизод с герцогом и герцогиней занимает тридцать глав, почти четвертую часть книги. Герцогская тема начинается с тридцатой главы, когда Дон Кихот и его оруженосец выезжают из леса, и в свете заката их взору предстает блестящая компания. Похоже, что зеленый — любимый цвет автора; прекрасная охотница, встреченная ими, в зеленом одеянии, ее иноходец — в зеленой сбруе. Дама читала первую часть приключений Дон Кихота, они с мужем горят желанием принять у себя героя книги, чтобы жестоко потешиться над ним. Эта Диана (заметим сразу, демоническая Диана) и ее муж решают потакать всем прихотям Дон Кихота и обращаться с ним как со странствующим рыцарем, соблюдая все церемонии, описанные в рыцарских романах; они прочли эти книги и полюбили их на свой вкрадчиво-плотоядный лад.

Дон Кихот приближается к ним с открытым забралом, он подает Санчо знак, что намерен спешиться, Санчо бросается поддержать ему стремя, но, прыгнув со своего серого, оруженосец, как назло, цепляется одной ногой за веревку вьючного седла, не может выпутаться, да так и остается висеть, припав лицом и грудью к земле, — по всему роману щедро разбросаны различные символы, пародирующие пытку на дыбе (жертву вздергивают вверх на веревках, потом швыряют вниз). «Дон Кихот привык к тому, чтобы, когда он слезает с коня, ему держали стремя, и теперь он, полагая, что Санчо уже здесь, перегнулся и потащил за собою седло Росинанта, седло же, по всей вероятности, было плохо подтянуто, ибо он, к немалому своему смущению, вместе с седлом грянулся оземь, мысленно осыпая проклятиями злосчастного Санчо, которого нога еще была в тисках». Бедняге Дон Кихоту следовало бы счесть это предостережением и дурным знаком, ибо этот эпизод — зловещее начало в длинной веренице жестокостей. Но «герцог приказал своим егерям помочь рыцарю и оруженосцу, те подняли Дон Кихота, Дон Кихот же сильно ушибся при падении и прихрамывал, однако ж попытался было через силу стать на колени перед герцогом и герцогиней». Один из комментаторов романа счел благородную чету реальными людьми, герцогом и герцогиней Вильяэрмосы, но это всего лишь одна из тех подробностей, что представляют «человеческий интерес» и приводят в восторг некоторых специалистов по Сервантесу. На самом же деле дьявольская Диана и ее герцог всего лишь чародеи, придуманные главным волшебником, Сервантесом, и ничего более.

В герцогском замке Дон Кихота облачают в великолепную красную мантию. (Мне почему-то вспоминается Другой Мученик, которого также облачают в багряницу, называют Царем и над которым глумятся римские солдаты.) Столь пышный прием приводит Дон Кихота в крайнее изумление. «И тут он впервые окончательно убедился и поверил, что он не мнимый, а самый настоящий странствующий рыцарь, ибо все обходились с ним так же точно, как обходились с подобными рыцарями во времена протекшие, о чем ему было известно из романов». Он

ораторствует за столом, а герцогская чета, два улыбающихся тигра, мурлыча, составляет заговор. Теперь Сервантес начинает плести любопытный узор. В романе намечается двойное волшебство, двойные чары, которые иногда соединяются и накладываются друг на друга, а иногда действуют порознь. Первая линия чародейства — то, что детально разрабатывает герцогская чета и более или менее верно разыгрывают слуги. Но иногда слуги перехватывают инициативу — чтобы потешить и удивить своих хозяев или из-за того, что просто не в силах противиться искушению поиздеваться над тощим безумцем и толстым простаком. Когда две линии чар сливаются, придурковатый герцог и его хищная герцогиня бывают совершенно ошарашены, словно не они сами придумывали очередную мистификацию. Не забывайте, что могущество дьявола отмечено тайным изъяном — глупостью. Один или два раза слуги заходят непозволительно далеко и получают от господ наряду с аплодисментами выговор. И наконец, как мы вскоре убедимся, дьяволица-герцогиня собственноручно попытается околдовать Дон Кихота.

Через жестоких забав начинается с тридцать второй главы, когда невозмутимая служанка густо намыливает лицо покорному Дону. Это первая шутка, придуманная слугами. В душе у господ гнев борется со смехом, они не знают, наказать ли девушек за дерзость или поблагодарить за доставленное удовольствие — лицезреть Дон Кихота в самом что ни на есть жалком виде, с намыленным лицом и все прочее. Я полагаю, наш юный друг, студент-читатель, вновь заливается смехом. Потом поварята издеваются над Санчо, пытаюсь вымыть ему лицо щелочью, а герцогиня, как мы видим, умирает со смеху. И тут же герцогиня притворно обласкивает Санчо, отводя ему роль придворного шута, а герцог обещает сделать его губернатором острова.

И Дон Кихот, и Санчо, всегда опасавшиеся колдовства, теперь, сами того не ведая, оказываются в руках волшебников — герцога и герцогини! «Великое удовольствие доставляли герцогу и герцогине беседы с Дон Кихотом и Санчо Пансою [говорится в книге]; и, утвердившись в намерении сыграть с ними шутку, которая отзывала бы и пахла приключением, порешили они <...> ухватиться за нить Дон-Кихотова повествования» о том, что привиделось ему в глубине пещеры. Герцог и герцогиня решили взять рассказ о пещере Монтесиноса за отправную точку жестокой мистификации, которая поистине превосходила бы все прежние забавы. Заметьте, придуманные Санчо чары тонут в новом колдовстве; более всего герцогиню забавляет безграничное простодушие Санчо — он верит в то, что Дульсьинья заколдована, хотя, как известно, сам же все подстроил.

И вот, неделю спустя, отдав надлежащие распоряжения слугам, герцог с герцогиней едут с Дон Кихотом на охоту, в которой принимает участие столько загонщиков и выжлятников, сколько бывает у самого короля. Санчо это занятие не по душе, но Дон Кихот проявляет храбрость, бросается на огромного кабана и вместе с другими охотниками убивает его. Затем герцог и герцогиня разыгрывают другую шутку. Окутавшая окрестности полумгла весьма благоприятствует их затее. И вот, когда сумерки сгущаются, внезапно как бы со всех концов вспыхивает лес. (Запомните, это закат Дон-Кихотовой жизни освещает все вокруг таинственным золотисто-зеленым заревом.) Вскоре справа и слева, там и сям раздаются звуки множества рожков и других военных инструментов, словно по лесу движется неисчислимая конная рать. Со всех сторон доносятся крики, вроде тех, которые в бою испускают мавры, с ними мешаются звуки труб, охотничьих рожков и барабанный бой — все это производит страшный неумолчный шум. (Я повторяю: герцог с герцогиней то и дело приходят в ужас от собственных выдумок — то ли потому, что слуги доводят до совершенства их замысел, то ли потому, что они сами — сущие безумцы.) Когда перед испуганными охотниками предстает кучер, одетый чертом и с огромным рогом в руках, все теряют дар речи. На вопрос герцога, кто он таков, гонец отвечает: «Я —

дьявол, я ишу Дон Кихота Ламанчского, а по лесу едут шесть отрядов волшебников и везут на триумфальной колеснице несравненную Дульсинею Тобосскую. Она едет сюда заколдованная, вместе с храбрым французом Монтесином, дабы уведомить Дон Кихота, каким образом можно ее расколдовать».

Дульсинея будет расколдована, если — далее следует уморительная шутка, — если Санчо добровольно три тысячи раз огреет себя плетью по голым ягодицам. Иначе, прибавляет герцог, услышав это требование, ты не получишь острова. Вся эта очень глупая и очень грубая забава совершенно в духе средневековья — как и все забавы, идущие от дьявола. Подлинный юмор приходит от ангелов. «Герцог же и герцогиня, довольные охотою, а равно и тем, сколь остроумно и счастливо достигли они своей цели, возвратились к себе в замок с намерением затеять что-нибудь новое, выдумывать же всякие проказы доставляло им величайшее удовольствие». В этом суть всех герцогских глав: получить плотоядное удовольствие от шутки и тут же придумать новую, не менее жестокую.

Я не стану останавливаться на эпизоде с дуэньей Гореваной (главы 36–41), скажу лишь, что в рассказанной ею истории волшебник Злосмрад превратил двух влюбленных в мартышку и крокодила, поставив между ними столб с надписью: «Дерзновенные эти любовники не обретут первоначального своего облика, доколе со мною [Злосмрадом] в единоборство не вступит доблестный ламанчец, ибо только его великой доблести уготовал рок невиданное сие приключение». Далее следует описание Летающего Коня, который должен отнести Дон Кихота в далекое царство Кандаю, где находятся влюбленные. Конем «правят с помощью колка, продетого в его лоб и заменяющего удила, и летит этот конь по воздуху с такой быстротой, что кажется, будто несут его черти. <...> Злосмрад раздобыл его силою своих волшебных чар, и теперь он им владеет и разезжает на нем по всему белому свету: нынче он здесь, а завтра во Франции, послезавтра в Потоси. Но самое главное: упомянутый конь не ест, не спит, не изнашивает подков и без крыльев летает по воздуху такую иноходью, что седок может держать в руке полную чашку воды и не пролить ни единой капли — столь ровный и плавный у того коня ход». Это старая тема, подобные летательные машины упоминаются в «Тысяче и одной ночи» и также имеют колок на шее.

Дуэнья Горевана и ее подруги дуэньи также заколдованы: у них силою волшебства выросли бороды, которые исчезнут, если Дон Кихоту удастся расколдовать влюбленных. Тема бороды играет в книге любопытную роль (вспомните мытье бороды в начале герцогского эпизода), похоже, эта тема возникла из связанных с бритьем аллюзий в начале первой части — из всего, что связано с цирюльниками и шлемом Дон Кихота, который есть не что иное, как цирюльничий таз.

Вносят деревянного коня Клавиленю, и Дон Кихот с Санчо Пансой садятся ему на спину (последний против воли). «Оба завязали себе глаза, затем Дон Кихот, удостоверившись, что все в надлежащем порядке, тронул колок, и едва он прикоснулся к нему пальцами, как все дуэньи и все, кто только при сем присутствовал, начали кричать:

— Храни тебя Господь, доблестный рыцарь!

— Господь с тобой, бесстрашный оруженосец!

— Вот, вот вы уже взлетели на воздух и теперь разрезаете его быстрее стрелы!

— Вот уже все, кто глядит на вас снизу, дивятся и приходят в изумление!»

Дон Кихот и Санчо беседуют друг с другом, полагая, что летят по воздуху, хотя на самом деле деревянный конь неподвижно стоит на земле. Рыцарь предостерегает Санчо: «И не наваливайся, — этак ты меня столкнешь. Право, я не возьму в толк, чего ты беспокоишься и чего ты боишься, — я готов поклясться, что ни разу в жизни не приходилось мне ездить на коне, у которого был бы такой плавный ход: кажется, будто мы не двигаемся с места. Рассей, дружище,

страх: поверь мне, все обстоит как должно, и ветер дует попутный.

— Ваша правда, — подтвердил Санчо, — с этой стороны на меня дует такой сильный ветер, что кажется, будто это не ветер, а невесть сколько мехов.

И так оно и было на самом деле: поднимали ветер несколько больших мехов; герцог и герцогиня совместно с домоправителем всесторонне обдумали это приключение, и всякая мелочь была ими возведена на возможную степень совершенства. <...>

Герцог, герцогиня, а равно и все, находившиеся в саду, от слова до слова слышали беседу двух храбрецов и были от нее в совершенном восторге; затем, вознамерившись положить конец этому необычайному и умело разыгранному приключению, они велели поднести к хвосту Клавиленью горящую паклю, Клавиленью же был набит трескучими ракетами, и потому он тотчас же с невероятным грохотом взлетел на воздух, а Дон Кихот и Санчо, слегка опаленные, грянулись оземь». Им объявляют, что Дон Кихот одним тем, что отважился на это приключение, удовлетворил требования Злосмрада, и тот по приказанию Мерлина вернул влюбленных в первоначальное состояние, а также сделал гладкими подбородки дуэний. Вся затея выглядит совершенно идиотской. Короче говоря, герцогский замок — это своего рода лаборатория, где подвергают вивисекции бедняг Дон Кихота с Санчо Пансой.

В сорок второй главе «герцог и герцогиня, довольные тем, что приключение с Гореваную так благополучно окончилось, и видя, что шутки их без малейших колебаний принимаются за правду, вознамерились шутить и дальше; того ради герцог указал и отдал распоряжение слугам своим и вассалам, как должно вести себя с Санчо, когда он начнет управлять обещанным островом, а на другой день после полета Клавиленью объявил Санчо, чтобы он привел себя в надлежащий порядок и был готов занять пост губернатора, ибо островитяне ждут его, дескать, как майского дождейка». И вот Дон Кихот наставляет Санчо, как ему подобает вести себя в этой должности. Эти советы являются общим местом и следуют образцам благородных и мудрых наставлений, содержащихся в древних книгах; здесь интересно противопоставить милосердие, о котором рассуждает Дон Кихот ¹²⁶¹, жестокости его мучителей. Санчо вступает в должность губернатора города, обнесенного стеной и насчитывающего до тысячи жителей, — одного из лучших владений герцога. Благодаря хорошей памяти он вершит суд с достойной Соломона мудростью.

Теперь я несколько изменю ход моего исследования, чтобы направить ваше внимание в сторону великого искусства. Мне кажется, Сервантес почувствовал, что движется по пути наименьшего сопротивления — и внезапно у нашей истории вырастает весьма необычная пара весьма необычных крыльев. Искусство умеет выходить за рамки разума. Я смею утверждать, что смех, неизбежно вызываемый плутовским сюжетом романа, погубил бы сам роман, не содержись в нем эпизодов и отрывков, которые мягко переносят или увлекают читателя в волшебный мир вечного искусства, не подвластного законам разума. Итак, во второй части книги, где-то в сороковой главе, Санчо наконец получает свой остров. В сорок второй и сорок третьей главах приводятся советы, преподанные Дон Кихотом своему оруженосцу накануне его вступления в должность. Дон Кихот прекрасно понимает, насколько Санчо ниже своего господина, однако оруженосцу благоволит судьба; ему же, господину, не только отказано в осуществлении главной его мечты — расколдовать Дульсинею, — с ним самим творится что-то неладное. Он познал страх. Познал горечь нищеты. Толстяк Санчо получает богатый остров, а положение тощего Дон Кихота остается тем же, что и в самом начале длинной и — если оглянуться — печальной и бессмысленной череды приключений. Главная, едва не единственная, цель наставлений, преподанных Дон Кихотом Санчо (как полагает тонкий испанский критик Мадариага), — подняться в собственных глазах, возвыситься над удачливым слугой.

Нужно помнить, что Дон Кихот — сам творец своей славы, единственный автор

происходящих с ним чудес, и в глубине его души гнездится главный враг визионера: змей сомнения, свернувшееся кольцом осознание того, что его приключения — иллюзия. В тоне его наставлений, обращенных к Санчо, есть нечто, вызывающее в памяти образ старого, больного, неизвестного, неудачливого поэта, который с пафосом поучает своего здорового, энергичного, незакомплексованного сына, как стать преуспевающим водопроводчиком или политиком. В сорок четвертой главе — которую я имел в виду, когда говорил об элементе художественной фантазии в книге, — Санчо уезжает, чтобы стать губернатором, а Дон Кихот остается один в жутком герцогском замке, который в отличие от его фантазий совершенно реален, в замке, где в каждой башне таятся острые когти, а в каждой амбразуре — клыки. Реальность отнимает у Дон Кихота его донкихотство: Санчо далеко, и Дон Кихот необыкновенно одинок. Неожиданно наступает глубокая пауза, временное затишье, воцаряется уныние. О, я знаю, Сервантес спешит сообщить читателю, грубому читателю: да, читатель, забавный толстяк-оруженосец, твой любимый клоун, отлучился, «<...> а пока узнай, что произошло в эту ночь с его хозяином, и если ты не покатишься со смеху, то, по крайности, как мартышка, оскалишь зубы, ибо приключения Дон Кихота таковы, что их можно почтить только удивлением или же смехом». Разумеется, читатель-антропоид скорее всего пропустит крайне важный отрывок, к которому я теперь подхожу, пропустит, чтобы быстрее перейти к так называемому уморительному, а в сущности отвратительному, грубому и глупому эпизоду с котами.

Санчо уехал, Дон Кихот остался один, и неожиданно его охватывает пронзительное чувство одиночества и тоски, нечто вроде беспричинной ностальгии. Он удаляется к себе в комнату, отказывается от услуг, запирает дверь и начинает раздеваться при свете двух восковых свечей. Дон Кихот остается один, но шторы на окне этой истории по обыкновению не задернуты, и сквозь оконный переплет мы различаем мерцающие ярко-зеленые чулки, которые он медленно стягивает и принимается рассматривать — точно так же, как в другой знаменитой истории, где гротеск и лирика слиты воедино, — в «Мертвых душах» Гоголя — мы видим светлое окно в ночи и блестящую кожу пары новых сапог, которыми не перестает восхищаться сонный постоялец.^[9]

Но Дон-Кихоты чулки отнюдь не новы. О горе, вздыхает рассказчик, созерцая спустившиеся петли на левом чулке, который сделался похож на оконную решетку. В подавленном настроении, с тяжелым сердцем и печальными мыслями о собственной бедности^[27] Дон Кихот отправляется спать. Только ли отсутствие Санчо и спустившиеся петли на чулках вызвали эту печаль — испанскую *soledad*, португальскую *saudades*, французскую *angoisse*, немецкую *sehnsucht*, русскую *тоску*? Мы задаемся вопросом — мы задаемся вопросом, не вызвана ли она более глубокими причинами? Давайте вспомним, что Санчо, его оруженосец, — это опора Дон-Кихотова безумия, оплот его иллюзий, и теперь Дон Кихоту невыносимо одиноко. Он задувает свечи, но ночь очень теплая, и ему не спится. Поднявшись с постели, Дон Кихот приоткрывает зарешеченное окно, выглядывает в залитый таинственным лунным светом сад, слышит женские голоса и различает голос Альтисидоры, горничной герцогини, совсем еще юной девушки, почти ребенка, которая, в соответствии с отвратительным по своей жестокости тайным планом, которому подчинены эта и последующие сцены, играет роль изнывающей от любви девицы, страстно влекомой к храбрейшему рыцарю Ламанчи.

Стоя у зарешеченного окна, Дон Кихот слышит нежные звуки арфы, от которых приходит в глубокое волнение. Его тоска, его одиночество растворяются в этой музыке, в до боли остром ощущении красоты. В глубине души он колеблется, смутное подозрение, что никакой Дульсины, возможно, нет, теперь становится более отчетливым благодаря контрасту с живой мелодией, с живым голосом; разумеется, этот живой голос обманывает его точно так же, как и мечта о Дульсине, но он хотя бы принадлежит реальной девушке, и прехорошенькой, в отличие от неотесанной потаскухи Мариторнес из первой части. Дон Кихот глубоко взволнован, в этот

миг ему припоминаются бесчисленные приключения в том же роде: с окнами, решетками и садами, с музыкой и объяснениями в любви — словом, со всем тем, о чем он читал в рыцарских романах, представляющихся ему теперь необыкновенно правдивыми; его мечты сливаются с реальностью, оплодотворяют ее. И голос юной Альтисидоры (с раскатистым «Р» Реальности), звучащий так близко, в саду, на миг затмевает в его сердце образ Дульсинеи Тобосской со всеми легковесными лепечущими «Л» лживой иллюзии. Но присущая Дон Кихоту скромность, его чистота и восхитительное целомудрие истинного странствующего рыцаря — все это оказывается сильнее его человеческих чувств, и, дослушав песню, он захлопывает окно и, удрученный еще более, «как если бы, — говорит Сервантес, — на него свалилось большое несчастье», отправляется спать, оставив сад светлякам и жалобному женскому пению, а богатый остров — румяному оруженосцу.

Это восхитительная сцена — одна из тех, что призывают в помощники воображение и предлагают больше, чем в них содержится на первый взгляд: костлявый тоскующий рыцарь, предающийся мечтам, брошенные на пол изумрудные чулки со спущенными петлями, зарешеченное окно, теперь захлопнутое, теплая испанская ночь, которая вот уже три века служит питательным раствором для романтических стихов и прозы на всех языках, и пятидесятилетний Дон Кихот, сражающийся с одним обманом с помощью другого — меланхоличный, несчастный, искушаемый, взволнованный мелодичными стонами крошки Альтисидоры.

Но вернемся в пыточную камеру. На следующий вечер Дон Кихот просит принести ему лютню и поет романс, который он сам предварительно сочинил, чтобы отпугнуть Альтисидору своей верностью Дульсинеи, «как вдруг с галереи, находившейся прямо над его окном, спустилась веревка с бесчисленным множеством колокольчиков, а вслед за тем кто-то вытряхнул полный мешок котов, к хвостам которых также были привязаны маленькие колокольчики. Звон колокольчиков и мяуканье котов были до того оглушительны, что оторопели даже герцог с герцогиней, которые все это и затеяли, а Дон Кихот в испуге замер на месте; и нужно же было случиться так, что некоторые из этих котов пробрались через решетку в Дон-Кихотов покой и заметались туда-сюда, так что казалось, будто в комнату ворвался легион бесов. Коты опрокинули свечи, горевшие в комнате, и все носились и носились в поисках выхода; <...> Дон Кихот же вскочил, выхватил меч и стал наносить удары через решетку, громко восклицая:

— Прочь, коварные чародеи! Прочь, колдовская орава! Я Дон Кихот Ламанчский, и, что бы вы ни злоумышляли, вам со мною не справиться и ничего не поделать.

Тут он накинудся с мечом на котов, метавшихся по комнате, и начал осыпать их ударами; коты устремились к решетке и выпрыгнули через нее в сад, но один кот, доведенный до бешенства ударами Дон Кихота, бросился ему прямо на лицо и когтями и зубами впился в нос. Дон Кихот же от боли закричал не своим голосом. Услышав крик и тотчас сообразив, в чем дело, герцог и герцогиня поспешили на место происшествия и, общим ключом отомкнув дверь в покой Дон Кихота, увидели, что бедный рыцарь изо всех сил старается оторвать кота от своего лица. <...>

Но кот, не обращая внимания на угрозы, визжал и еще глубже запуская когти; наконец герцог отцепил его и выкинул в окно.

У Дон Кихота все лицо было в царапинах, досталось и его носу, однако ж он весьма досадовал, что ему не дали окончить ожесточенную битву с этим злодеем-волшебником». На следующем сеансе пыток, когда донья Родригес просит его вступить за ее дочь, двери в комнату с шумом распахиваются, и в темноте его принимается щипать сама герцогиня.

Тем временем Санчо мудро правит своим островом, пока слуги герцога не разыгрывают

нападение на город — так герцог с герцогиней решают напоследок подшутить над беднягой Санчо. Примечательно, что сами они не присутствуют при пытке, но получают положенное удовольствие от подробного отчета о происшедшем. Ложные защитники города призывают Санчо вооружиться и встать во главе войска. Перепуганный Санчо отвечает: «Ладно, вооружайте меня». К груди и спине ему приставляют два щита, крепко стягивают их веревками, так что он не может сделать ни шагу, а затем призывают возглавить горожан. Начинается битва, во время которой по Санчо яростно колотят мечами, пока он беспомощно лежит на полу. Когда щиты с него наконец снимают, он лишается чувств. Придя в себя, Санчо осведомляется, который час; ему отвечают, что уже светает, и неприятель разбит. Ни о чем более не спрашивая, он в полном молчании начинает одеваться, а все присутствующие смотрят на него, не понимая цели столь поспешного одевания. Эта тишина напоминает нам о том, как один дюжий школьник мучил слабого толстого мальчика, и теперь в тишине Санчо поднимается и вытирает лицо. Еле передвигая ноги, он направляется к конюшне, остальные следуют за ним. Там он обнимает своего серого, седлает его и начинает ласково с ним беседовать, в то время как окружающие хранят молчание. Затем с немалым трудом и немалыми мучениями он взбирается на осла и обращается к ним со словами: «Дайте дорогу, государи мои! Дозвольте мне вернуться к прежней моей свободе, дозвольте мне вернуться к прежней моей жизни, дабы я мог восстать из нынешнего моего гроба!» — тон почти прустовский. В этой сцене Санчо проявляет достоинство и сдержанную печаль, сравнимые с меланхолическими чувствами его господина.

Вот первые строки пятьдесят седьмой главы: «Дон Кихот уже начинал тяготиться тою праздною жизнью, какую он вел в замке; он полагал, что с его стороны это большой грех — предаваясь лени и бездействию, проводить дни в бесконечных пирах и развлечениях, которые для него, как для странствующего рыцаря, устраивались хозяевами, и склонен был думать, что за бездействие и праздность Господь с него строго взыщет, — вот почему в один прекрасный день он попросил у их светлостей позволения уехать. Их светлости позволили, не преминув, однако ж, выразить глубокое свое сожаление по поводу его отъезда». На пути в Барселону Дон Кихот встречает доблестного разбойника Роке Гинарта, который, желая повеселить своих друзей, помогает ему с Санчо Пансой добраться до города. Там их встречает друг Роке, дон Антонио Морено; когда они въезжают в город, прокладывая путь через толпу, мальчишки, задрав хвосты ослику и Росинанту, суют туда по пучку дикого терна. Животные начинают брыкаться, вставать на дыбы и в конце концов сбрасывают седоков на землю. Над этой шуткой пусть смеются те, кому нравится смотреть, как брыкаются лошади на коммерческих родео — а брыкаться их заставляют специальные раздражающие кожу подпруги.

В Барселоне заботу о Дон Кихоте берет на себя еще один добрый волшебник. Дон Антонио «был кавальеро богатый и остроумный, любитель благопристойных и приятных увеселений; заманив Дон Кихота к себе в дом, он стал искать способов обнаружить перед всеми его сумасбродство <...>». Первым делом он велит снять с Дон Кихота доспехи, а когда тот остается в одном своем узком верблюжьем камзоле, выводит его на балкон, выходящий на людную улицу, напоказ всему народу и мальчишкам. Дон Кихот стоит, а мальчишки глазают на его камзол и меланхолическую фигуру — не хватает лишь тернового венца. Днем Дон Кихота берут прокатиться по городу в таком толстом плаще, «под которым в то время года вспотел бы даже лед». К спине ему прицепляют кусок пергамента, на котором крупными буквами выведено: «Царь...» — простите — «ДОН КИХОТ ЛАМАНЧСКИЙ». «Во все время прогулки надпись эта неизменно привлекала к себе внимание прохожих, — они читали вслух: "Дон Кихот Ламанчский", а Дон Кихот не уставал дивиться: кто, мол, на него ни глянет, всякий узнает его и называет по имени; и, обратясь к дону Антонио, ехавшему с ним рядом, он наконец сказал:

— Великим преимуществом обладает странствующее рыцарство: всем, кто на этом

поприще подвизается, оно приносит всемирную известность и славу. В самом деле, сеньор дон Антонио, подумайте: в этом городе даже мальчишки — и те меня знают, хотя никогда прежде не видели».

Потом, за ужином, две дамы-озорницы заставляют неловкого и усталого Дон Кихота танцевать, и наконец, измученный и раздосадованный, он опускается посреди зала на пол, а сердобольный дон Антонио, увидев, что из страдальца больше нечего выжать, приказывает слугам отнести его в постель.

Но герцог с герцогиней не забыли о Дон Кихоте и Санчо. В шестьдесят восьмой главе, чтобы продолжить забаву, они посылают вооруженных всадников с приказом вернуть их назад. Верховые находят рыцаря с оруженосцем на проселочной дороге и, угрожая им смертью и бранясь, доставляют в замок, в котором Дон Кихот узнает замок герцога. Всадники спешиваются, подхватывают на руки Дон Кихота и Санчо и несут во двор. «<...> Кругом всего двора пылало около ста факелов, державшихся на подставках, в галереях же горело более пятисот плашек... <...> Посреди двора возвышался катафалк высотой примерно в два локтя, под широчайшим черным бархатным балдахинном, ступеньки вокруг всего катафалка были уставлены белыми восковыми свечами в серебряных канделябрах, числом более ста, а на самом катафалке виднелось тело девушки, столь прекрасной, что даже смерть бессильна была исказить прекрасные ее черты. Голова ее в венке из самых разнообразных душистых цветов покоилась на парчовой подушке, а в руках, скрещенных на груди, она держала желтую пальмовую победную ветвь». Это Альтисидора в образе мертвой царевны или спящей красавицы.

После пышной церемонии, пения и речей персонажей, изображающих Радаманта и Миноса, выясняется: чтобы расколдовать Альтисидору и вернуть ее к жизни, Санчо придется получить несколько щелчков по носу и несколько щипков. Несмотря на его протесты, появляются шесть дуэний, которым Санчо по настоянию Дон Кихота позволяет щелкать себя по носу и щипать, «<...> но чего Санчо никак не мог снести, это булавочных укулов: он вскочил с кресла и, доведенный, по-видимому, до исступления, схватил первый попавшийся пылающий факел и ринулся на дуэний и на всех своих палачей с криком:

— Прочь, адовы слуги! Я не каменный, таких чудовищных мук мне не вынести!

В это мгновение Альтисидора, по всей вероятности уставшая так долго лежать на спине, повернулась на бок, при виде чего все присутствующие почти в один голос воскликнули:

— Альтисидора оживает! Альтисидора жива!

Радамант велел Санчо утихомириться, ибо то, ради чего он пошел на пытки, уже, мол, свершилось».

Наступает ночь, и пока Дон Кихот и Санчо спят, Сервантес под шелковой маской арабского историка Сиды Ахмета замечает, «что шутники были так же безумны, как и те, над кем они шутки шутили, ибо страсть, с какою герцог и герцогиня предавались вышучиванию двух сумасбродов, показывала, что у них у самих не все дома». Шестьдесят девятая глава, в которой описан этот только что рассказанный нами эпизод, называется: «О наиболее редком и наиболее изумительном из всех происшествий, какие на протяжении великой этой истории с Дон Кихотом случались». Похоже, автор убежден: чем пышнее зрелище, которое разворачивается на сцене, чем больше в нем статистов, костюмов, света, королей, королев и т. д., тем больше оно поразит читателя (как и нынешнего кинозрителя).

И, наконец, последний обман. Хлеца в темноте по деревьям, Санчо заставляет своего господина поверить, будто он бичует себя, чтобы расколдовать Дульсинею, — будто необходимое количество плетей уже отпущено, и где-то во мраке колдовство с Дульсинею уже снято. Звезда, внезапно вспыхнувшее небо, упоение победой, торжество. Мне хочется, чтобы вы обратили внимание вот на что: порка буквых деревьев производится тем же самым недоуздком,

что и в двух предыдущих сеансах чародейства — в двадцатой главе первой части, где Санчо околдовывает Росинанта накануне приключения с сукновальнями, и в сорок третьей, где служанка Мариторнес подвешивает Дон Кихота на окне постоянного двора.

ТЕМА ЛЕТОПИСЦЕВ, ДУЛЬСИНЕЯ И СМЕРТЬ

ТЕМА ЛЕТОПИСЦЕВ

Как вы помните, ранее я перечислил десять пунктов или композиционных приемов нашей книги. На некоторых из них — к примеру, на том, как Сервантес использует фрагменты баллад, пословицы и поговорки или как он играет словами, мы останавливались лишь мимоходом, поскольку были лишены возможности почувствовать прелесть оригинала сквозь чуждые слои перевода — каким бы хорошим он ни был. Чуть дольше мы задержались на других пунктах, таких, как блестящее искусство диалога и условно-поэтическая, шаблонная манера описания природы. Я привлек ваше внимание к тому, что в ходе развития литературы персонализация чувственно воспринимаемой окружающей среды отставала от персонализации человеческой речи. Несколько более подробно я обсудил вставные повести и аркадскую тему, обратив ваше внимание на умножение различных уровней повествования и на некоторые простейшие формы группировки характеров. Некоторое время нас занимала тема рыцарских романов, и я пытался показать, что элемент гротеска в «Дон Кихоте» не чужд и прочитанным им романам.

Далее шло довольно подробное обсуждение темы мистификации, в ходе которого я указал на жестокость книги. Я высказал мнение, что в наше brutальное время Свобода от Боли, полное и безоговорочное осуждение любого проявления жестокости — одно из немногих средств, способных спасти мир от гибели; я думаю, что в данных обстоятельствах я вправе был привлечь ваше внимание к жестокости так называемых потех в этой книге. Я показал, что у нас нет никаких разумных оснований выдавать нашу горькую и жестокую книгу за образец человечности и юмора. Затем я попытался выявить то единственное, ради чего стоит заниматься литературой, — таинственный трепет, вызываемый искусством, эстетическое наслаждение. В нашем списке структурных приемов остается еще один пункт, которым мы сегодня займемся, — то, что я назвал темой летописцев.

В первых восьми главах первой части Сервантес якобы перечитывает анонимную хронику, труд некоего «мудрого волшебника», как называет его сам Дон Кихот, «кто б ни был ты... — продолжает Дон, — коему суждено стать летописцем необычайных моих приключений». В конце восьмой главы Дон Кихот бросается в бой со слугой одной дамы, бискайцем, которого мы видим с высоко поднятым мечом, готовящимся отразить удар Дон Кихота. Но, к сожалению, говорит Сервантес, нам придется оставить их в этом положении, потому что неизвестный летописец прерывает в этом месте свой рассказ, не указав даже, где можно узнать, что произошло дальше.

Прервать повествование на самом интересном месте — излюбленный прием рыцарских романов, которым подражает Сервантес. Итак, отметим, что летописец номер один — это анонимный историк.

В девятой главе Сервантес выступает в роли озадаченного компилятора, вынужденного предпринять собственное расследование. «А чтобы для столь славного рыцаря не нашлось ученого мужа, который взял бы на себя труд описать беспримерные его подвиги, это мне казалось невероятным и из ряду вон выходящим, ибо всем странствующим рыцарям, что *стяжали вечну славу поисками приключений*, на летописцев везло: у каждого из них было по одному, а то и по два ученых мужа, и те не только описывали их деяния, но и поведали нам их мысли, даже самые пустые, и все их дурачества, включая и такие, которые они самым тщательным образом скрывали, — не могла же постигнуть доброго нашего рыцаря такая неудача, чтобы судьба отказала ему в том, что у Платира и ему подобных имелось в изобилии!

<...> и пусть даже она [история] и не записана, все равно она должна быть памятна его односельчанам и всей ламанчской округе. Догадка эта волновала меня и усиливала во мне желание добиться точных и достоверных сведений о жизни и чудесных приключениях славного нашего испанца Дон Кихота Ламанчского, светоча и зеркала ламанчского рыцарства, первого, кто в наш век, в наше злосчастное время, возложил на себя бремена и обязанности странствующего воина, долженствовавшего заступаться за обиженных, помогать вдовам и оказывать покровительство девицам <...> Словом, я утверждаю, что за это и многое другое неустрашимому нашему Дон Кихоту должно воздавать неустанную и громкую хвалу, а заодно следовало бы похвалить и меня — за труды и усилия, которые я потратил на то, чтобы отыскать конец занятной этой истории <...>»

Сервантес заявляет, что на толедском рынке ему якобы попалась арабская рукопись в нескольких тетрадах или пачках бумаги. Их автор — мориск, испанский мавр, по имени Сид Ахмет Бен-инхали, которого Сервантес выдумал от кончиков пальцев ног до тюрбана, арабский историк, как он себя сам называет на титульном листе. Отныне Сервантес будет с нами говорить, скрываясь под этой шелковой маской. Он сообщает, что некий мавр, говорящий по-испански, перевел для него всю рукопись на кастильский язык меньше чем за полтора месяца. И снова избитый прием — найденная рукопись, — к которому будут обращаться писатели вплоть до XX века. В первой тетради, говорит Сервантес, он обнаружил картинку, на которой изображалась битва Дон Кихота с бискайцем в полном согласии с историей, описанной в конце восьмой главы, — с поднятыми мечами и так далее. Заметьте, с каким искусством описание поз, в которых они застыли в решающий момент, теперь превращается в картинку. С этого момента повествование продолжается, картинка оживает, битва закипает вновь — как на стоп-кадрах футбольного матча: игроки ненадолго замирают, но потом вновь приходят в движение.

Такая беззаботная игра с шаблонными приемами мало соответствовала настроению Сервантеса в 1603 или 1604 году. Он работал яростно, ничего не перечитывая и не планируя. Первую часть романа его побудила писать нищета. Нищета и отчаяние породили и вторую часть, вышедшую десятью годами позже, — пока Сервантес писал вторую часть, ему пришлось в реальной жизни столкнуться с не менее злым волшебником, чем те, которых он придумал, чтобы помучить своего вымышленного героя, но более живым, чем уравновешенный, красноречивый и педантичный историк, придуманный им, чтобы описать приключения этого придуманного героя. Однако не будем забегать вперед. Итак, в первой части у нас имеется два историка, не считая самого Сервантеса, — анонимный автор первых восьми глав и Сид Ахмет Бен-инхали, автор остальных.

Как и позднейшие авторы, Сервантес ограждает себя от критики, ссылаясь на правдивость переведенной на кастильский истории, гарантированную тем, что ее арабский автор не станет преувеличивать заслуги испанского героя: «Единственно, что вызывает сомнение в правдивости именно этой истории, так это то, что автор ее араб; между тем лживость составляет отличительную черту этого племени; впрочем, арабы злейшие наши враги, а потому скорей можно предположить, что автор более склонен к преуменьшению, чем к преувеличению. И, по моему, это так и есть, ибо там, где он мог бы и обязан был бы не поскудиться на похвалы столь доброму рыцарю, он, кажется, намеренно обходит его заслуги молчанием; это очень дурно с его стороны, а еще хуже то, что он это делал умышленно; между тем историки должны и обязаны быть точными, правдивыми и до такой степени беспристрастными, чтобы ни корысть, ни страх, ни вражда, ни дружба не властны были свести их с пути истины, истина же есть родная дочь истории — соперницы времени, сокровищницы деяний, свидетельницы минувшего, поучительного примера для настоящего, предостережения для будущего. Я знаю, что в этой истории вы найдете все, что только от занимательного чтения можно требовать; в изъянах же ее,

коль скоро таковые обнаружатся, повинен, на мой взгляд, собака-автор, но отнюдь не самый предмет».

Однако во второй части книги вводится другой прием. Новый персонаж, бакалавр Самсон Карраско, сообщает Дон Кихоту, что хотя с момента его возвращения из странствий прошло не более месяца (Сервантес никогда не заботится о подобных несообразностях, объясняя их действием волшебства), история приключений Дон Кихота, то есть наша первая часть, составленная Бен-инхали и обработанная Сервантесом, уже опубликована и пользуется успехом. Весьма забавно выглядит обсуждение недостатков книги, которые, по словам Карраско, обнаружили в ней читатели. У меня нет времени вдаваться в подробности, замечу только, что Сервантесу с блеском удается обойти неразрешимый вопрос о том, украли или не украли осла у Санчо в горах Сьерры-Морены. Обратите особое внимание на то, как реагирует Дон Кихот на различные замечания бакалавра.

И вот, в самом начале второй части, в четырнадцатой главе, Карраско, переодетый Рыцарем Зеркал (отражения и отражения отражений мерцают на страницах книги), — коварный Карраско заявляет в присутствии Дон Кихота: «Ведь вот уж совсем недавно приказала она [Касильдея Вандальская] мне объехать все испанские провинции и добиться признания от всех странствующих рыцарей, какие там только бродят, что красотой своею она превзошла всех женщин на свете, а что я — самый отважный и влюбленный рыцарь во всем подлунном мире, по каковому распоряжению я уже объехал почти всю Испанию и одолел многих рыцарей, осмелившихся мне перечить. Но больше всего я кичусь и величаюсь тем, что победил в единоборстве славного рыцаря Дон Кихота Ламанчского и заставил его признать, что моя Касильдея Вандальская прекраснее его Дульсинеи, и полагаю, что это равносильно победе над всеми рыцарями в мире, ибо их всех победил помянутый мною Дон Кихот, а коль скоро я его победил, то его слава, честь и заслуги переходят ко мне и переносятся на мою особу, <...> так что неисчислимые подвиги названного мною Дон Кихота теперь уже приписываются мне и становятся моими». В действительности, поскольку рыцарь неотделим от собственной славы, Карраско мог бы прибавить: «Я и есть Дон Кихот». Стало быть, битва нашего настоящего Дон Кихота с Дон Кихотом, который есть его отражение, — это по сути дела битва с собственной тенью; и в этой первой битве с Карраско наш рыцарь одерживает победу.

Далее происходит нечто весьма любопытное. Пока Сервантес придумывает волшебников, якобы написавших его книгу, и пока на страницах этой книги Дон Кихот сражается с волшебниками из рыцарских романов, Сервантес — реальный автор — неожиданно сталкивается с волшебником на уровне так называемой «реальной жизни». И использует это обстоятельство как еще одно средство развлечь читателя.

Сервантес выдумал арабского историка. Так называемая «жизнь» произвела на свет наглого арагонца, который присвоил себе нашего странствующего рыцаря. Пока Сервантес сочинял вторую часть приключений Дон Кихота, которую должны были опубликовать (с некоторым опозданием) в 1615 году, в Таррагоне, на севере Испании, была напечатана и пушена в продажу подложная «вторая часть»; вероятно, это произошло в тот момент, когда закончился срок действия авторского права Сервантеса на первую часть, то есть 26 сентября 1614 года. Автор подложного продолжения назвался Алонсо Фернандесом Авельянедой; почти наверняка это псевдоним, который до сих пор остается нераскрытым. Судя по тому, что говорит о нем Сервантес в прологе ко второй части, а также в других местах, можно предположить, что это был человек средних лет, араговец (уроженец Тордесильяса), профессиональный писатель, лучше Сервантеса разбиравшийся в церковных вопросах (особенно в том, что касалось Доминиканского ордена), горячий и ревностный поклонник драматурга Лопе де Вега (неодобрительно отозвавшегося о «Дон Кихоте» накануне официальной публикации романа), в

адрес которого направлены одно-два едких замечания в первой части. В этой связи называлось несколько имен. Не стану их здесь обсуждать. Все это лишь предположения. Подлинное имя Авельянеды, скрытое в анаграмме или акростихе в первых строках подложного «Дон Кихота», пытались обнаружить поколения литературоведов. Позвольте мне обронить туманный намек: прабабушку Сервантеса звали Хуана Авельянеда, и существует мнение, что фальшивый «Дон Кихот» сочинен самим Сервантесом с явным намерением иметь под рукой во второй части, которую он выпустил под своим именем, новый прием: его герои встречаются с героями Авельянеды. Я повторяю, никто не знает, кем был на самом деле Авельянеда, стиль его отличается от стиля Сервантеса, он менее пространственный, более отточенный, с более короткими описаниями.

В продолжении Авельянеды Дон Кихот — недостойный, ходульный Дон Кихот, напрочь лишенный мечтательного очарования и пафоса истинного рыцаря — отправляется в Сарагосу, чтобы участвовать в рыцарском турнире. Его сопровождает довольно неплохой Санчо. Следует напомнить, что в конце первой части говорится, что после описанных в книге приключений настоящий Дон Кихот отправился в Сарагосу. И во второй части Сервантес отправляет своего героя на север, в Сарагосу, но, очутившись на постоялом дворе, настоящий Дон Кихот слышит, как постояльцы за стеной обсуждают приключения фальшивого Дон Кихота в Сарагосе, и решает ехать в Барселону, чтобы не встречаться с наглым самозванцем. Еще одна деталь: в подложном продолжении Дон Кихот, разлюбивший Дульсинею, переносит платоническое обожание на отвратительную Королеву Зенобию, пятидесятилетнюю трактирщицу, торгующую требухой и колбасой, настоящее имя которой Барбара Вильялобос, грузную, подслеповатую, с толстыми губами и шрамом на щеке.

Герцогская тема в настоящей второй части причудливо перекликается с продолжением Авельянеды — вероятно, такого рода совпадения вызваны литературной условностью, — однако в книге Авельянеды также присутствует важный господин дон Альваро, который, подобно герцогу с герцогиней, решает подшутить над Дон Кихотом. Но в целом книга Авельянеды добрее и человечнее книги Сервантеса. Неправда, что книга Авельянеды никуда не годится — как утверждают наиболее горячие поклонники Сервантеса. Напротив, она живая и колоритная, а отдельные ее отрывки ничем не хуже некоторых балаганных сцен нашей книги^[28].

Чем же закончат Сервантес приключения Дон Кихота? Одна схватка произойдет непременно, один человек обязательно встретится с нашим героем. В драматургии это называется *la scène à faire* — сцена, которая должна произойти.

На протяжении настоящей второй части читатель с тревогой ожидает момента, когда где-то за сценой бакалавр Карраско оправится от поражения в первом поединке и встретится с Дон Кихотом снова. Что бы ни происходило с Дон Кихотом — на дороге, в волшебной пещере, в *герцогском замке* или в Барселоне, *он*, так сказать, — я употреблю здесь отвратительное выражение — приговорен условно. Все это — только передышка, в любой момент Карраско может предстать перед Дон Кихотом в каком-нибудь блестящем, звенящем и сверкающем одеянии и, подняв его на смех или на меч, привести к гибели. Именно так и происходит. В шестьдесят четвертой главе Карраско, бывший Рыцарь Зеркал, а ныне Рыцарь Белой Луны, вновь вызывает Дон Кихота на поединок. Он движим двумя противоборствующими силами: злой — жаждой мщения, и доброй — желанием вернуть Дон Кихота домой, чтобы он стал послушным мальчиком и отказался от поисков приключений хотя бы на год или пока не излечится от своего безумия.

Теперь следите за ходом моей мысли. Дадим волю нашей фантазии, доведенной до сладкого безумия неумеренным чтением книг о приключениях Дон Кихота. Мне кажется, Сервантес в сцене последнего поединка упускает возможность, к которой он подошел почти

вплотную. Мне кажется, здесь его ждала развязка, подготовленная его же собственными усилиями, которая бы находилась в полном согласии с зеркальной природой переодетого Карраско, Рыцаря луноподобных Зеркал^{29}. Позвольте мне напомнить, что в начале второй части, в четырнадцатой главе, во время первого поединка с Дон Кихотом, Карраско косвенно указывает на то, что сделался Дон Кихотом, победив другого Дон Кихота. Какого другого Дон Кихота? Похоже, Карраско отождествляет себя с фальшивым Дон Кихотом. Мне кажется, Сервантес упустил возможность воспользоваться намеком, который он сам же обронил, — он должен был сделать так, чтобы в финальной сцене Дон Кихот сражался не с Карраско, а с подложным Дон Кихотом Авельянеды. На протяжении всей книги нам попадались люди, лично знакомые с мнимым Дон Кихотом. Мы готовы к появлению фальшивого Дон Кихота не меньше, чем к появлению Дульсинеи. Мы с нетерпением ждем, чтобы Авельянеда вывел на сцену своего героя. Как замечательно было бы, если бы вместо скомканной и вялой сцены последнего поединка с переодетым Карраско, который в один момент сшибает нашего рыцаря с коня, настоящий Дон Кихот встретился в решающей битве с поддельным Дон Кихотом! Кто победил бы в этой воображаемой битве — эксцентричный, обаятельный безумец, придуманный гением, или мошенник, символ здоровой посредственности? Я бы поставил на героя Авельянеды, ибо весь фокус в том, что в жизни посредственность удачливее гения. В жизни обман выбивает истинную отвагу из седла. А так как я грежу наяву, позвольте мне добавить, что мне не дает покоя судьба книг; написать под чужим именем мнимое, поддельное продолжение, чтобы заинтриговать читателя продолжения подлинного — это лунная вспышка искусства писателя. В неверном зеркальном отражении сам Авельянеда должен оказаться Сервантесом.

ДУЛЬСИНЕЯ

Давайте припомним все, что нам известно о Дульсинее Тобосской. Мы знаем, что ее имя — романтическое изобретение Дон Кихота, но также знаем от него и его оруженосца, что в селе Тобосо, в нескольких милях от его собственной деревни, живет прототип этой принцессы. Мы знаем, что в реальности этой книги ее зовут Альдонса Лоренсо, и что она пригожая крестьянская девушка, мастерица солить свинину и веять зерно. Это все. Изумрудно-зеленые глаза, которые Дон Кихот приписывает ей из общей со своим создателем любви к зеленому цвету, скорее всего романтический вымысел, как и странное имя. Что нам известно, кроме этого? Описание, которое дает ей Санчо, следует отвергнуть, так как историю о передаче ей письма своего господина он выдумал. Однако он хорошо с ней знаком — это смуглая, высокая, крепкая девушка, с громким голосом и дразнящим смехом. В двадцать пятой главе, перед тем как отправиться к ней с посланием, Санчо описывает ее своему господину: «<...> и могу сказать, что барру она мечет не хуже самого здоровенного парня изо всей нашей деревни. Девка ой-ой-ой, с ней не шути, и швея, и жница, и в дуду игрица, и за себя постоять мастерица, и любой странствующий или только еще собирающийся странствовать рыцарь, коли она согласится стать его возлюбленной, будет за ней, как за каменной стеной. А уж глотка, мать честная, а уж голосина! <...> А главное, она совсем не кривляка — вот что дорого, готова к любым услугам, со всеми посмеется и изо всего устроит веселье и потеху».

В конце первой главы мы узнаем, что одно время Дон Кихот был влюблен в Альдонсу Лоренсо — разумеется, платонически, но всякий раз, когда ему случалось проходить по Тобосо, он восхищался этой милостивой девушкой. «И вот она-то и показалась ему достойною титула владычицы его помыслов; и, выбирая для нее имя, которое не слишком резко отличалось бы от ее собственного и в то же время напоминало и приближалось бы к имени какой-нибудь

принцессы или знатной сеньоры, положил он назвать ее *Дульсинеей Тобосскою*, — ибо родом она была из Тобосо, — именем, по его мнению, приятным для слуха, изысканным и глубокомысленным, как и все ранее придуманные им имена». В двадцать пятой главе мы читаем, что он любил ее целых двенадцать лет (теперь ему около пятидесяти), и за все эти двенадцать лет он видел ее только трижды или четырежды и никогда с ней не говорил, и, разумеется, она не замечала его взглядов.

В той же главе он наставляет Санчо: «Так вот, Санчо, в том, что мне надобно от Дульсинеи Тобосской, она не уступит благороднейшей принцессе в мире. Да ведь и не все дамы, которых воспевают поэты и которым они дают имена по своему хотению, существуют в действительности. Неужели ты думаешь, что разные эти Амарилис, Дианы, Сильвии, Филисы, Галатеи, Филиды, коими полны романы, песни, цирюльни, театры, что все они и правда живые существа, возлюбленные тех, которые их славили и славят поныне? Разумеется, что нет, большинство из них выдумали поэты, чтобы было о ком писать стихи и чтобы их самих почитали за влюбленных и за людей, достойных любви. Вот почему мне достаточно воображать и верить, что добрая Альдонса Лоренсо прекрасна и чиста, а до ее рода мне мало нужды, — ведь ей в орден не вступать, значит, и незачем о том справляться, — словом, в моем представлении это благороднейшая принцесса в мире». И Дон Кихот заключает: «Надобно тебе знать, Санчо, если ты только этого еще не знаешь, что более, чем что-либо, возбуждают любовь две вещи, каковы суть великая красота и доброе имя, а Дульсинея имеет право гордиться и тем и другим: в красоте она не имеет соперниц, и лишь у весьма немногих столь же доброе имя, как у нее. Коротко говоря, я полагаю, что все, сказанное мною сейчас, — это сущая правда и что тут нельзя прибавить или убавить ни единого слова, и воображению моему она представляется так, как я того хочу: и в рассуждении красоты, и в рассуждении знатности, и с нею не сравнится Елена, и до нее не поднимется Лукреция и никакая другая из славных женщин протекших столетий, — равной ей не сыщешь ни у греков, ни у латинян, ни у варваров. А люди пусть говорят, что угодно, ибо если невежды станут меня порицать, то строгие судьи меня обелят»^[30].

В ходе безумных приключений нашего рыцаря с его воспоминаниями об Альдонсе Лоренсо что-то происходит, конкретные детали выцветают и образ Альдонсы растворяется в романтическом обобщении, зовущемся Дульсинеей, поэтому в девятой главе второй части, когда в поисках дамы сердца Дон Кихот вместе с Санчо прибывает в Тобосо, он довольно раздраженно заявляет своему оруженосцу: «Послушай, еретик, не говорил ли я тебе много раз, что я никогда не видел несравненную Дульсинею и не переступал порога ее дворца и что я влюбился в нее только по слухам, ибо до меня дошла громкая слава о красоте ее и уме?» Образ Дульсинеи пронизывает всю книгу, но, вопреки ожиданиям, читатель никогда не встретится с ней в Тобосо.

СМЕРТЬ

В Барселоне Самсон Карраско, переодевшись Рыцарем Белой Луны, с легкостью одерживает победу над Дон Кихотом и берет с него обещание вернуться на год в родное село. Описав дону Антоньо Морено свой план, который теперь, после первого поражения, увенчался успехом, Карраско приводит дополнительные заверения: «А как он строго придерживается законов странствующего рыцарства, то, разумеется, во исполнение данного им слова не преминет подчиниться моему требованию <...> но только я вас прошу: не выдавайте меня, не говорите Дон Кихоту, кто я таков, иначе не осуществится доброе мое намерение возратить рассудок человеку, который умеет так здраво рассуждать, когда дело не касается всей этой рыцарской гили»^[31].

Дон Кихот и Санчо Панса покидают Барселону, Дон взволнован и огорчен. Он едет без оружия, в дорожном одеянии, а Санчо идет пешком, потому что на осла навьючены доспехи. «Полагаю, однако ж, не лишним заметить, что никакой Фортуны на свете нет, — говорит он Санчо, — а все, что на свете творится, доброе или же дурное, совершается не случайно, но по особому предопределению Неба, и вот откуда известное изречение: "Каждый человек — кузнец своего счастья". Я также был кузнецом своего счастья, но я не выказал должного благоразумия, меня подвела моя самонадеянность: ведь я же должен был понять, что тощий мой Росинант не устоит против могучего и громадного коня Рыцаря Белой Луны. Словом, я дерзнул, собрал все свое мужество, меня сбросили с коня, и хотя я утратил честь, но зато не утратил, да и не мог утратить, добродетели, заключающейся в верности своему слову. Когда я был странствующим рыцарем, дерзновенным и отважным, я собственной своею рукою, своими подвигами доказывал, каков я на деле, ныне же, когда я стал обыкновенным идальго, я исполню свое обещание и тем докажу, что я господин своему слову. Итак, вперед, друг мой Санчо: мы проведем этот год искуса у себя дома, накопим сил за время нашего заточения и вновь устремимся на бранное поприще, вовеки незабвенное».

Неужели Дульсинея так никогда и не появится?

По пути домой, в семьдесят второй главе, Дон Кихот встречает — не мнимого Дон Кихота, как можно было бы надеяться, а одного из персонажей подложного продолжения, а именно дон Альваро Тарфе, играющего в книге Авельянеды приблизительно ту же роль, которую в оригинале играют герцог или дон Антоньо. Выведенный Авельянедой Дон Кихот — мой ближайший друг, говорит дон Альваро настоящему Дон Кихоту. «<...> это я вытащил его из родного края, во всяком случае я подвинул его отправиться на турнир в Сарагосу, куда я собирался сам. Признаться, я оказал ему немало дружеских услуг, и только благодаря мне палач не разукрасил ему спину за чрезмерную дерзость». Решив покончить с этим делом раз и навсегда, Дон Кихот нотариально заверяет документ о том, что настоящие Дон Кихот и Санчо Панса не имеют никакого отношения к персонажам книги Авельянеды. «Весь этот день, равно как и следующую ночь, они провели в пути, и за это время с ними не случилось ничего такого, что заслуживало бы описания, за исключением разве того, что ночью Санчо выполнил свой урок, чему Дон Кихот возрадовался несказанно, — он с нетерпением стал ожидать рассвета, оттого что днем, казалось ему, он непременно должен встретить уже расколдованную владычицу свою Дульсинею; и, продолжая свой путь, он не пропускал ни одной женщины без того, чтобы не поглядеть: уж не Дульсинея ли это Тобосская, а что Мерлин мог не исполнить своего обещания — это представлялось ему невероятным. Занятый этими мыслями и мечтами, он вместе с Санчо въехал на холм, с вершины которого открывался вид на их родное село <...>»

Дон Кихота тревожат дурные предзнаменования: спор мальчишек из-за клетки со сверчками и заяц, который, спасаясь от борзых, спрятался под брюхо осла и которого Санчо изловил и преподнес Дон Кихоту. «*Malum signum! Malum signum!*^[10] — бормочет про себя рыцарь — Заяц бежит, за ним гонятся борзые, — не увижу я Дульсинею». В доме Дон Кихота они встречают священника, цирюльника, бакалавра Карраско и всех остальных: «Не дав никому опомниться, Дон Кихот тотчас заперся с бакалавром и священником и в кратких словах рассказал им о своем поражении и о том, что он принял на себя обязательство в течение года не выезжать из села, каковое обязательство он-де намерен выполнять буквально, не отступая от него ни на йоту, как подобает странствующему рыцарю, свято соблюдающему свой устав, и что он собирается на этот год стать пастухом и уйти в безлюдные поля, где можно дать полную волю своим любовным думам, подвизаясь на поприще добродетельной пастушеской жизни; и он-де просит священника и бакалавра, если только они не очень заняты и им не помешают более важные дела, к нему присоединиться <...>».

И вновь мне вспоминается та особая интонация в «Короле Лире», когда Лир утешает Корделию (V, III):

...Так вдвоем и будем
Жить, радоваться, песни распевать,
И сказки сказывать, и любоваться
Порханьем пестрокрылых мотыльков.^[11]

Кончина Дон Кихота последовала совершенно для него неожиданно. «<...> может статься, он сильно затосковал после своего поражения, или уж так предуготовало и распорядилось Небо, но только он заболел горячкой, продержавшей его шесть дней в постели, и все это время его навещали друзья: священник, бакалавр и цирюльник, добрый же оруженосец Санчо Панса не отходил от его изголовья.<...> Друзья послали за лекарем; тот пощупал пульс, остался им недоволен и посоветовал Дон Кихоту на всякий случай подумать о душевном здравии, ибо телесному его здравью грозит, мол, опасность.

<...> Дон Кихот попросил оставить его одного, ибо его, дескать, клонит ко сну. Желание это было исполнено, и он проспал более шести часов подряд, как говорится, без просыпу, так что ключница и племянница уже забеспокоились, не умер ли он во сне».

Проснувшись, он громко возблагодарил Бога за явленную ему милость. И прибавил, что говорит «о том самом милосердии, племянница, которое в этот миг, невзирая на мои прегрешения, проявил ко мне Господь <...>. Разум мой прояснился, теперь он уже свободен от густого мрака невежества, в который его погрузило злополучное и постоянное чтение мерзких рыцарских романов. Теперь я вижу всю их вздорность и лживость, и единственно, что меня огорчает, это что отрезвление настало слишком поздно и у меня уже нет времени исправить ошибку и приняться за чтение других книг, которые являются светочами для души. Послушай, племянница: я чувствую, что умираю, и мне бы хотелось умереть так, чтобы люди удостоверились, что жил я не напрасно, и чтобы за мной не оставалось прозвание сумасшедшего, — пусть я и был таковым, однако же смертью своей я хочу доказать обратное».

Он говорит своим друзьям: «я уже не Дон Кихот Ламанчский, а Алонсо Кихано, за свой нрав и обычай прозванный *Добрым*». Трогательная сцена, становящаяся еще более пронзительной.

«— Ах! — со слезами воскликнул Санчо. — Не умирайте, государь мой, послушайтесь моего совета: живите много-много лет, потому величайшее безумие со стороны человека — взять да ни с того ни с сего и помереть, когда никто тебя не убивал и никто не сживал со свету, кроме разве одной тоски. Полно вам в постели валяться, вставайте-ка, одевайтесь пастухом — и пошли в поле, как у нас было решено [любоваться порханьем пестрокрылых мотыльков]: глядишь, где-нибудь за кустом отыщем расколдованную сеньору Дульсинею, а уж *это* на что бы лучше! Если же вы умираете от огорчения, что вас одолели, то свалите все на меня: дескать, вы упали с Росинанта, оттого что я плохо подтянул подругу <...>». Дульсинея расколдована. Она — смерть.

Дон Кихот составил завещание, затем, «лишившись чувств, вытянулся на постели. Все в испуге бросились ему на помощь; и в течение трех дней, которые Дон Кихот еще прожил после того, как составил завещание, он поминутно впадал в забытие. Весь дом был в тревоге; впрочем, это отнюдь не мешало племяннице кушать, а ключнице прикладываться к стаканчику, да и Санчо Панса себя не забывал: надобно признаться, что мысль о наследстве всегда умаляет и рассеивает ту невольную скорбь, *которую* вызывает в душе у наследников умирающий».

Последний болезненный укол, под стать безответственному, инфантильному, жестокому и варварскому миру книги.

ПОБЕДЫ И ПОРАЖЕНИЯ

В известном эссе о Сервантесе один из критиков заметил, что в длинной череде битв «[Дон Кихот] никогда и ни при каких условиях не одерживает победу» ^{32}. Разумеется, чтобы писать о книге, нужно ее прочесть. Мы ее прочли и в состоянии опровергнуть непостижимое утверждение нашего критика.

И не только опровергнуть. Подробно рассмотрев все сорок эпизодов, в которых Дон Кихот выступает в роли странствующего рыцаря, я намерен доказать, что в них обнаруживаются некоторые любопытные особенности художественного построения романа; определенное равновесие и определенное единство; если бы все поединки кончались поражением, то впечатление от романа было бы другим.

В своих сорока поединках Дон Кихот сталкивается с самыми разнообразными существами и предметами:

Животные: львы, дикий кабан, быки, овцы, коты.

Всадники и пастухи: погонщики мулов, погонщики волов, козопасы и овцепасы.

Путники: священники, студенты, преступники, бродяги и несколько девиц.

Механизмы: ветряные мельницы, сукновальни, водяные мельницы и летающий конь.

Странствующий рыцарь Дон Кихот выступает как *Защитник страждущих влюбленных*, в двух сражениях:

Тридцатый эпизод: часть вторая, главы 25–26, «Кукольное представление».

Тридцать четвертый эпизод: часть вторая, глава 41, «Летающий конь» ^{33}.

В двух сражениях Дон Кихот действует как *покоритель королей и королевств*:

Пятый эпизод: часть первая, глава 7, «Обретение оруженосца».

Шестнадцатый эпизод: часть первая, глава 21, «Мамбринов шлем».

В двух сражениях он действует как *победитель чудовищ*:

Двадцать восьмой эпизод: часть вторая, глава 17, «Львы».

Тридцать третий эпизод: часть вторая, глава 34, «Дикий кабан».

В четырех сражениях он действует как *защитник своей чести*:

Первый эпизод: часть первая, глава 3, «Бдение над оружием».

Восьмой эпизод: часть первая, глава 8, «Поединок с бискайцем».

Десятый эпизод: часть первая, глава 15, «Погонщики».

Двадцать седьмой эпизод: часть вторая, главы 14–15, «Первая битва с Карраско».

В пяти сражениях он действует как *миротворец*:

Двадцатый эпизод: часть первая, главы 37–38, «Ужин».

Двадцать второй эпизод: часть первая, глава 44, «Непрошенные гости».

Двадцать третий эпизод: часть первая, глава 45, «Драка на постоялом дворе».

Двадцать девятый эпизод: часть вторая, глава 21, «Распри на свадьбе» ^{34}.

Тридцать первый эпизод: часть вторая, главы 27–28, «Ревучие деревни».

В пяти поединках он действует как *покровитель обиженных девиц*:

Седьмой эпизод: часть первая, глава 8, «Бегство монахов».

Девятый эпизод: часть первая, глава 14, «Марсела».

Девятнадцатый эпизод: часть первая, главы 35 и 37, «Вторая воображаемая битва».

Двадцать шестой эпизод: часть первая, глава 52, «Процессия молящихся о дожде».

Тридцать седьмой эпизод: часть вторая, главы 54–56, «Лакей-гасконец»^{35}.

В шести сражениях Дон Кихот действует как *избавитель Дульсинеи и других принцесс:*

Третий эпизод: часть первая, глава 4, «Встреча с купцами».

Восемнадцатый эпизод: часть первая, глава 24, «Обносившийся рыцарь».

Двадцать четвертый эпизод: часть первая, глава 46, «Заключение Дон Кихота в клетку»^{36}.

Тридцать восьмой эпизод: часть вторая, глава 58, «Быки».

Тридцать девятый эпизод: часть вторая, глава 60, «Битва с Санчо».

Сороковой эпизод: часть вторая, главы 64–65, «Вторая и последняя битва с Карраско».

В девяти сражениях Дон Кихот действует как *борец с неправдой:*

Второй эпизод: часть первая, глава 4, «Избиение мальчугана».

Четырнадцатый эпизод: часть первая, глава 19, «Разгром похоронной процессии».

Семнадцатый эпизод: часть первая, глава 22, «Освобождение каторжников».

Двадцать второй эпизод: часть первая, глава 44, «Непрошенные гости».

Двадцать третий эпизод: часть первая, глава 45, «Драка на постоялом дворе».

Двадцать девятый эпизод: часть вторая, глава 21, «Распри на свадьбе».

Тридцатый эпизод: часть вторая, главы 25–26, «Кукольное представление».

Тридцать четвертый эпизод: часть вторая, глава 41, «Летающий конь».

Тридцать седьмой эпизод: часть вторая, главы 54–56, «Лакей-гасконец»^{37}.

В восемнадцати сражениях Дон Кихот действует как *враг чародеев*, это почти половина от общего числа сорок^{38}:

Четвертый эпизод: часть первая, глава 7, «Первая воображаемая битва».

Шестой эпизод: часть первая, глава 8, «Ветряные мельницы».

Седьмой эпизод: часть первая, глава 8, «Бегство монахов».

Одиннадцатый эпизод: часть первая, главы 16–17, «Ревнивый погонщик».

Двенадцатый эпизод: часть первая, глава 17, «Стражник».

Тринадцатый эпизод: часть первая, глава 18, «Овцы».

Четырнадцатый эпизод: часть первая, глава 18, «Разгром похоронной процессии».

Пятнадцатый эпизод: часть первая, глава 20, «Сукновальни».

Двадцать первый эпизод: часть первая, глава 43, «Дыба».

Двадцать четвертый эпизод: часть первая, глава 46, «Заключение Дон Кихота в клетку».

Двадцать пятый эпизод: часть первая, глава 52, «Битва с козопасом».

Двадцать седьмой эпизод: часть вторая, главы 14–15, «Первая битва с Карраско».

Тридцатый эпизод: часть вторая, главы 25–27, «Кукольное представление».

Тридцать второй эпизод: часть вторая, глава 29, «Водяные мельницы».

Тридцать четвертый эпизод: часть вторая, глава 41, «Летающий конь».

Тридцать пятый эпизод: часть вторая, глава 46, «Коты».

Тридцать шестой эпизод: часть вторая, глава 48, «Щипки».

Тридцать седьмой эпизод: часть вторая, главы 54–56, «Лакей-гасконец».

Прежде всего нам надо помнить: главные враги Дон Кихота — чародеи.

Теперь рассмотрим по порядку все сорок сражений. Они по большей части — результат иллюзии, обмана чувств. Иллюзия заканчивается либо победой, либо поражением, победа же нередко бывает нравственной. За иллюзией стоит реальное событие. По мере продвижения вперед мы будем подсчитывать потерянные и выигранные очки. Матч начинается. Посмотрим, кто выиграет: Дон Кихот или его враги.

Сорок эпизодов, составляющих книгу, охватывают 175 дней, включая перерыв длиной в месяц посередине, то есть происходят с начала июля по середину декабря — согласно подсчетам одного испанца.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПЕРВЫЙ ЭПИЗОД: БДЕНИЕ НАД ОРУЖИЕМ (ГЛ. 3)

Иллюзия: Защитник своей чести. Попав на постоялый двор, который он принимает за замок, Дон Кихот совершает обряд бдения над оружием и готов уничтожить любого, кто ему помешает.

Результат: Его первая победа — в преддверии рыцарства.

Реальность: Пока он вышагивает по постоялому двору в лунном свете, два погонщика сбрасывают его доспехи с корыта, чтобы напоить своих мулов. Дон Кихот дает им отпор и жестоко избивает.

Счет 1:0.

ВТОРОЙ ЭПИЗОД: ИЗБИЕНИЕ МАЛЬЧУГАНА (ГЛ. 4)

Иллюзия: Борец с неправдой. Дон Кихот принимает крестьянина, стегающего мальчика ремнем, за рыцаря.

Результат: Его вторая победа, неполная нравственная победа.

Реальность: Угрожая крестьянину копьем, он заставляет его отпустить пастушонка Андреса. Позже, в главе 31, Андрес появляется вновь и упрекает смущенного Дон Кихота в том, что хозяин жестоко избил его, как только борец с неправдой бодро уехал прочь. Благонамеренный комментатор (Белл, «Сервантес», с. 209) замечает, что «Дон Кихот наказан за то, что... часто вмешивался не в свои дела» — как будто, позволю себе заметить, справедливость и милосердие не касаются всех.

Счет 2:0.

ТРЕТИЙ ЭПИЗОД: ВСТРЕЧА С КУЩАМИ (ГЛ. 4)

Иллюзия: Избавитель принцесс. Дон Кихот нападает на тринадцать разбойников, отказывающихся признать, что Дульсинея Тобосская прекраснее всех на свете.

Результат: Его первое поражение. *Реальность:* Дон Кихот бросается в атаку на шестерых купцов, четверых слуг и троих погонщиков, один из которых колотит упавшего с коня Дон Кихота обломком его собственного копья. Рыцарь, на которого сыплется град ударов,

бесстрашно грозит отомстить обидчикам. (Позже, в главе 7, его фантазия преобразует так называемого «разбойника» в Неистового Роланда, героя книги Ариосто «Неистовый Роланд».) На этом первая вылазка Дон Кихота заканчивается. *Счет 2:1.*

ЧЕТВЕРТЫЙ ЭПИЗОД: ПЕРВАЯ ВООБРАЖАЕМАЯ БИТВА (ГЛ. 7)

Иллюзия: Враг чародеев. Он ведет воображаемую битву со сторонниками Роланда.

Результат: Его второе поражение (но не окончательное, так как битва прервана).

Реальность: Поднявшись с кровати, он тычет во все стороны мечом, и священник с цирюльником насильно укладывают его в постель. Они выносят его книги во двор (где ключница их сжигает) и замуровывают дверь в книгохранилище. Дон Кихот упрекает волшебника Фрестона в том, что он уничтожил его комнату.

Счет 2:2.

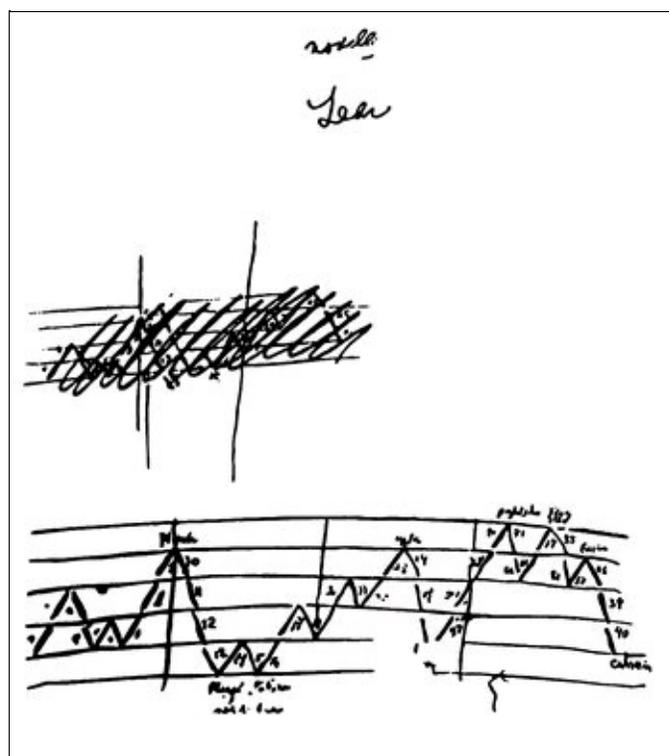
ПЯТЫЙ ЭПИЗОД: ОБРЕТЕНИЕ ОРУЖЕНОСЦА (ГЛ. 7)

Иллюзия: Покоритель королевств. Дон Кихоту всеми правдами и неправдами удается убедить знакомого хлебопашца в том, что, став его оруженосцем, он получит во владение богатый остров.

Результат: Его третья победа, нравственная.

Реальность: После долгих уговоров Санчо Панса соглашается оставить семью и последовать за Дон Кихотом. Позже, в главе 10, его господин говорит, что если не найдется острова, он даст ему «какое-нибудь государство вроде Дании» (которую недавно [1601] аннексировал другой копьеносец [\[12\]](#)). Это начало второго выезда.

Счет 3:2

Набоковская схема побед и поражений Дон Кихота

ШЕСТОЙ ЭПИЗОД: ВЕТРЯНЫЕ МЕЛЬНИЦЫ (ГЛ. 8)

Иллюзия: Враг чародеев. Дон Кихот вступает в бой с тридцатью пятью машущими руками великанами, которых волшебник Фрестон превращает в ветряные мельницы, лишая его тем самым плодов победы.

Результат: Его третье поражение.

Реальность: Когда перед Дон Кихотом возникают ветряные мельницы — в ту пору модное нововведение, — поднимается ветер, мельничные крылья начинают вращаться, и одно из них пребольно ранит атакующего рыцаря.

Счет 3:3.

Затем он одерживает три блестящие победы подряд.

СЕДЬМОЙ ЭПИЗОД: БЕГСТВО МОНАХОВ (ГЛ. 8)

Иллюзия: Враг чародеев и покровитель обиженных девиц. Дон Кихот нападает на двух монахов в дорожных очках и под зонтиками, вообразив, что это едущие на верблюдах волшебники, похитившие карету с принцессой.

Результат: Его четвертая победа.

Реальность: Два бенедиктинца в дорожных очках верхом на больших толстых мулах оказываются случайными попутчиками дамы, направляющейся в Севилью в сопровождении пяти верховых и двух погонщиков, которые дубасят Санчо, пока его господин обращает в бегство монахов.

Счет 4:3.

ВОСЬМОЙ ЭПИЗОД: ПОЕДИНОК С БИСКАЙЦЕМ (ГЛ. 8–9)

Иллюзия: Защитник своей чести. Дон Кихот вступает в бой с оскорбившим его рыцарем-бискайцем.

Результат: Его пятая победа.

Реальность: Дон Кихот наносит удар мечом бискайцу (слуге появившейся в предыдущем эпизоде дамы), тот падает на землю, и кровь хлещет у него из носа, рта и ушей. (Сервантес любит перечислять все отверстия.)

После этой самой впечатляющей победы Дон Кихот на время обретает здравость рассудка.

Счет 5:3.

ДЕВЯТЫЙ ЭПИЗОД: МАРСЕЛА (ГЛ. 14)

Иллюзия: Нет.

Результат: Его шестая победа, нравственная.

Реальность: Покровитель обиженных девиц. У могилы Хризостома, погибшего от неразделенной любви к Марселе, Дон Кихот угрозами заставляет жаждущих мщения пастухов отказаться от своего намерения ей отомстить.

(Что касается терминологии, которой я здесь пользуюсь при подсчете побед и поражений, то хочу напомнить вам, что древняя игра в королевский теннис — от которой происходит современный — нередко упоминается писателями того времени; в «Дон Кихоте» в нее, по словам Альтисидоры, играют черти в аду, которые вместо мячей перебрасываются книгами, наполненными воздухом и пухом.)

Счет 6:3, и Дон Кихот выигрывает первый сет в матче со Злом. (Ожидается матч из пяти партий, но сыграно будет лишь четыре сета.)

Теперь Дон Кихот проиграет подряд четыре гейма.

ДЕСЯТЫЙ ЭПИЗОД: ПОГОНЩИКИ (ГЛ. 15)

Иллюзия. Нет.

Результат: Его четвертое поражение. Находясь в совершенно здоровом уме, Дон Кихот упрекает себя за то, что обнажил меч против черни. Сражаться только с равными себе по общественному положению — одно из рыцарских правил, получивших отражение в современном дуэльном кодексе Европы и Латинской Америки^[39].

Реальность: Защитник своей чести. Дон Кихот вступает в бой с более чем двадцатью погонщиками, которые жестоко колотят дубинками сначала его коня, а потом и его самого.

Счет 6:4 (0:1 во втором сете).

ОДИННАДЦАТЫЙ ЭПИЗОД: РЕВНИВЫЙ ПОГОНЩИК (ГЛ. 16–17)

Иллюзия: Враг чародеев. На Дон Кихота нападает великан, заколдованный мавр.

Результат: Его пятое поражение.

Реальность: На постоялом дворе его жестоко избивает погонщик, вообразив, что целомудренный сухопарый Дон проводит ночь с его уродливой подружкой, служанкой Мариторнес.

Счет 6:5 (0:2 во втором сете).

ДВЕНАДЦАТЫЙ ЭПИЗОД: СТРАЖНИК (ГЛ. 17)

Иллюзия: Враг чародеев. На Дон Кихота нападает призрак — заколдованный мавр, принявший иной облик (по мнению Санчо).

Результат: Его шестое поражение.

Реальность: Стражник, с которым повздорил Дон, запускает ему в голову железным светильником. (За этой сценой следует изготовление целебного бальзама — розмарин, масло, соль и вино, — выпив кварту которого Дон Кихот и Санчо Панса страдают от средневековых последствий.)

Счет 6:6 (0:3 во втором сете).

ТРИНАДЦАТЫЙ ЭПИЗОД: ОВЦЫ (ГЛ. 18)

Иллюзия: Враг чародеев. Дон Кихот сражается с войском великанов и рыцарей.

Результат: Его седьмое поражение.

Реальность: Он атакует стадо овец, поднявшее облако пыли, и пастухи забрасывают его пущенными из пращи камнями. (Кстати, сравните настоящих пастухов с аркадскими.)

Обратите в этой сцене внимание на тему реальности и ее преобразования. По мнению Дон Кихота, армия великанов и рыцарей силою колдовства была превращена в стадо овец, так же как прежде великаны — в ветряные мельницы. (В последней главе романа чародей Сервантес превратит красу и цвет рыцарства, самого Дон Кихота, в раскаявшегося здравомыслящего буржуа.) *Счет 6:7 (0:4 во втором сете).*

ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ ЭПИЗОД: РАЗГРОМ ПОХОРОННОЙ ПРОЦЕССИИ (ГЛ. 19)

Иллюзия: Враг чародеев и борец с неправдой. Дон Кихот сражается с двадцатью шестью бесами, везущими на колеснице раненого или убитого рыцаря.

Результат: Его седьмая победа.

Реальность: Он нападает на похоронную процессию — двадцать всадников в белых балахонах с пылающими факелами в руках и шестеро в черных. Эти боязливые люди бросаются врассыпную, не выпуская факелов из рук и став в темноте похожими на движущиеся звезды или на ряженых в праздничную ночь. Заметьте, с какой невозмутимостью Дон Кихот выслушивает объяснения ни в чем не повинных людей, которых он отколотил, сломав ненароком ногу магистру искусств, язвительному, педантичному и довольно приятному молодому священнику. Дон Кихот признает свою ошибку, но, как всегда, перекладывает вину на волшебников: «<...> я и не подозревал, что нападаю на священнослужителей и духовных особ, которых я как ревностный христианин и католик чту и уважаю, — мне казалось, что это какие-то чудища, выходцы с того света». (После этой победы оруженосец нарекает его Рыцарем Печального Образа — намек на щеки, ввалившиеся из-за выбитых в прежних битвах зубов.)

Счет 7:7 (1:4 во втором сете).

ПЯТНАДЦАТЫЙ ЭПИЗОД: СУКНОВАЛЬНИ (ГЛ. 20)

Иллюзия: Враг чародеев. Дон Кихот хочет поехать в темноте на шум, производимый шестью исполинами, но обнаруживает, что его конь не может двинуться с места под действием чар.

Результат: Его восьмое поражение.

Реальность: Здесь в роли чародея выступает Санчо: мечтающий о ночном отдыхе и страшющийся новых приключений, он спутывает задние ноги Росинанта недоуздом своего осла. Наутро исполины оказываются сукновальными молотами.

Счет 7:8 (1:5 во втором сете).

ШЕСТНАДЦАТЫЙ ЭПИЗОД: МАМБРИНОВ ШЛЕМ (ГЛ. 21)

Иллюзия: Покоритель королевств. Дон Кихот, увидев на голове у едущего навстречу всадника нечто блестящее под солнцем и дождем, принимает сверкающий предмет за шлем мавританского короля Мамбрин (из поэмы «Влюбленный Роланд» итальянского поэта XV века Боярдо). И устремляется в бой.

Результат: Его восьмая победа.

Реальность: Едущий навстречу цирюльник (цирюльник номер два), попав под дождь, надел на голову орудие своего ремесла — медный таз.

Счет 8:2 (2:5 во втором сете).

СЕМНАДЦАТЫЙ ЭПИЗОД: ОСВОБОЖДЕНИЕ КАТОРЖНИКОВ (ГЛ. 22)

Иллюзия: Борец с неправдой. Дон Кихот не может понять, зачем людей сковывают цепью и посылают на каторгу — зачем их принуждают служить королю на галерах (дешевая тяговая сила того времени).

Результат: Его девятая победа, чреватая поражением.

Реальность: Он освобождает из рук четырех вооруженных конвойных четырех воров, двух других преступников, почтенного сводника и студента, который слишком много баловался. Шестеро освобожденных каторжников забрасывают его камнями. Заметьте, как сверкает в этой главе его нимб — медный таз. Вся сцена пронизана странным мистическим смыслом. И впрямь, Дон Кихот здесь не столько пародия на странствующего рыцаря, сколько брат Иисуса, и эта второстепенная тема будет неявно повторяться в двух-трех последующих сценах.

Счет 9:8 (3:5 во втором сете).

ВОСЕМНАДЦАТЫЙ ЭПИЗОД: ОБНОСИВШИЙСЯ РЫЦАРЬ (ГЛ. 24)

Иллюзия: Нет.

Результат: Его девятое поражение.

Реальность: Избавитель принцесс. Дон Кихот ссорится с влюбленным бродягой Карденьо, которого встречает в горах. Предмет их спора — целомудрие одной из героинь «Амадиса Галльского». Карденьо сбивает Дон Кихота с ног булыжником.

Счет 9:9.

Счет во втором сете становится 3:6. После победы в первом сете со счетом 6:3 Дон Кихот проигрывает второй. Примите во внимание, что именно здесь начинает плестись паутина вставных повестей, число действующих лиц стремительно растет, и все они встречаются на постоялом дворе. В этой неразберихе приключения Дон Кихота отодвигаются на задний план.

ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ЭПИЗОД: ВТОРАЯ ВООБРАЖАЕМАЯ БИТВА (ГЛ. 35, 37)

Иллюзия: Покровитель обиженных девиц. Дон Кихот обезглавливает великана.

Результат: Его десятая победа.

Реальность: Дон Кихот сражается во сне с бурдюками красного вина. Мы вновь оказываемся в отправной точке его выезда, когда он затевает битву с воображаемыми волшебниками во сне.

Счет 10:9 (1:0 в третьем сете).

Обратите внимание на следующее: преисполненные благих намерений, священник и первый цирюльник обманом заставляют Дон Кихота покинуть горы, где он вдобавок к своему основному безумию искусно разыгрывает второе ложное безумие в честь Дульсины, подражая покаянию рыцарей из книг. С помощью блуждающей по горам девицы по имени Доротея удается убедить Дон Кихота вступить за нее перед великаном, якобы захватившим ее королевство. Сочиненная Доротеей история не более фантастична, чем ее истинные злоключения. В тот самый момент, когда Дон Кихот во сне обезглавливает придуманного ею великана, Доротея наяву встречает на постоялом дворе своего возлюбленного, такого же нереального, как любой из великанов. Битва во сне, происходящая на одном уровне нереальности (рыцарские романы), как бы влияет на события на другом уровне нереальности (тема итальянской новеллы), заставляя их развиваться в определенном направлении.

ДВАДЦАТЫЙ ЭПИЗОД: УЖИН (ГЛ. 37–38)

Иллюзия: Нет.

Результат: Я должен назвать этот эпизод Одиннадцатым и Величайшим Триумфом Дон Кихота.

Реальность: Дон Кихота как миротворца сажают на почетное место во главе стола. Компания из двенадцати человек прониклась к нему теплыми чувствами и уважением. Благодаря ему они соединились, благодаря ему воцарился мир. В торжественной речи Дон Кихот рассуждает о военном поприще и учености, на тему, близкую душе Сервантеса, который был и воином, и писателем. Дон Кихот полагает, что поприще военного выше учености. Цель науки — познание, ведущее к установлению справедливых законов, цель же военного искусства, говорит он, — мир, а мир есть наивысшее из всех земных благ. Эта меланхолическая сцена — кульминационный пункт первой части. Гротесковая чепуха романа уходит в тень. Вся тональность этой сцены — благородный Дон, сидящий в свой последний час (вскоре он будет предан на муки и заключен в клетку) за ужином с двенадцатью гостями, почти учениками, — смутно напоминает картину Тайной вечери в Новом Завете. Мы забываем о том, что ни один из гостей не особенно добр этически, а эстетически — не особенно убедителен, мы слышим лишь печальный тихий голос, говорящий о мире: «И оттого первую благою вестью, которую услышали земля и люди, была весть, принесенная ангелами, певшими в вышине в ту ночь, что для всех нас обратилась в день: "Слава в вышних Богу, и на земле мир, в человеках благоволение". И лучший Учитель земли и неба заповедал искренним своим и избранным при входе в чей-либо дом приветствовать его, говоря: "Мир дому сему"».

Счет 11:9 (2:0 в третьем сете).

ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ ЭПИЗОД: ДЫБА (ГЛ. 43)

Иллюзия: Враг чародеев. Один из волшебников подвесил Дон Кихота за запястье к окну изнемогающей от любви девицы.

Результат: Его десятое поражение.

Реальность: Проказливая служанка Мариторнес привязывает Дон Кихота к окну недоуздом Санчева осла; конь, на котором он стоит, отходит в сторону, и Дон Кихот, испытывая нестерпимую боль, два часа висит, как на дыбе — или как на кресте.

Счет 11:10 (2:1 в третьем сете).

ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ ЭПИЗОД: НЕПРОШЕННЫЕ ГОСТИ (ГЛ. 44)

Иллюзия: Нет.

Результат: Его двенадцатая победа, нравственная.

Реальность: Два постояльца пытаются уехать с постоялого двора, не уплатив за ночлег. Когда хозяин требует с них плату, они пускают в ход кулаки. На помощь приходит миротворец и борец с неправдой Дон Кихот. Выслушав его спокойные и убедительные речи, негодники платят сполна.

Счет 12:10 (3:1 в третьем сете).

ДВАДЦАТЬ ТРЕТИЙ ЭПИЗОД: ДРАКА НА ПОСТОЯЛОМ ДВОРЕ (ГЛ. 45)

Иллюзия: Нет.

Результат: Его тринадцатая победа, тоже нравственная.

Реальность: Во время беспорядочной драки на постоялом дворе, участники которой не помнят, как и почему она началась, Дон Кихот, миротворец и *борец с неправдой*, кричит громовым голосом: «Стой! Мечи в ножны!» И драка прекращается.

Счет 13:10 (4:1 в третьем сете).

Далее он терпит три поражения подряд.

ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ ЭПИЗОД: ЗАКЛЮЧЕНИЕ ДОН КИХОТА В КЛЕТКУ (ГЛ. 46)

Иллюзия: *Враг чародеев и избавитель принцесс.* Призраки в масках сажают Дон Кихота в клетку, которую ставят на запряженную волами телегу, затем страшный голос возвещает: ему следует претерпеть волшебный плен, чтобы в конце концов соединиться брачными узами с Дульсинеей.

Результат: Его одиннадцатое поражение.

Реальность: Священник и первый цирюльник подговаривают постояльцев надеть маски и обманом везут Дон Кихота домой. Вы, вероятно, отметили невероятную жестокость этого предприятия: меланхоличный, тихий, зачарованный узник предается размышлениям в деревянной клетке, в то время как два духовных лица (священник и встреченный по дороге каноник) обсуждают тонкие литературные вопросы — искусство писать изящные по стилю и в то же время полезные книги.

Счет 13:11 (4:2 в третьем сете).

ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ ЭПИЗОД: БИТВА С КОЗОПАСОМ (ГЛ. 52)

Иллюзия: *Защитник своей чести и враг чародеев.* Дон Кихот вступает в битву с оскорбившим его бесом.

Результат: Его двенадцатое поражение (не абсолютное, так как битва прервана).

Реальность: Это не бес, а козопас. Я уже обсуждал эту сцену в другой связи.

Счет 13:12 (4:3 в третьем сете).

ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ ЭПИЗОД: ПРОЦЕССИЯ МОЛЯЩИХСЯ О ДОЖДЕ (ГЛ. 52)

Иллюзия: *Покровитель обиженных девиц.* Дон Кихот (которого ненадолго выпустили из клетки, чтобы он развлек околдовавших его волшебников) бросается на банду негодяев, похитивших знатную сеньору.

Результат: Его тринадцатое поражение.

Реальность: Он принимает образ Непорочной Девы, который несет процессия бичующихся, за знатную сеньору. Один из несущих изваяние едва не убивает Дон Кихота шестом от носилок. Дон Кихота привозят домой в оцепенении, и он остается там на месяц.

Конец первой части книги. Счет равный — тринадцать побед против тринадцати поражений (или, согласно теннисному счету, 6:3, 3:6, 4:4, матч прерван из-за дождя).

Вторая часть книги начинается с четырех побед подряд.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ ЭПИЗОД: ПЕРВАЯ БИТВА С КАРРАСКО (ГЛ. 14–15)

Иллюзия: Защитник своей чести и враг чародеев. Дон Кихот сражается с Рыцарем Зеркал, который утверждает, что встречал Дон Кихота прежде и победил в бою. После битвы волшебники меняют облик Рыцаря Зеркал на облик Самсона Карраско.

Результат: Четырнадцатая победа Дон Кихота.

Реальность: Преисполненный благих намерений, Карраско задумал, переодевшись рыцарем, одолеть в бою безумца Дон Кихота и приказать ему вернуться домой. Вся вторая часть книги разворачивается в промежутке между поражением Карраско и его вторым победоносным поединком с Дон Кихотом в сороковом эпизоде — последней битве. Приключения Дон Кихота во второй части будут продолжаться ровно столько, сколько времени понадобится разъяренному, но по-прежнему полному благих намерений Карраско, чтобы восстановить силы.

Счет 14:13 (5:4 в третьем сете).

ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ ЭПИЗОД: ЛЬВЫ (ГЛ. 17)

Иллюзия: Никакой, если не считать смутного намека на волшебников.

Результат: Его пятнадцатая победа, великая нравственная победа.

Реальность: В клетке сидят два свирепых голодных льва, посланных губернатором оранским в подарок испанскому королю. Сторож объясняет это победителю чудовищ Дон Кихоту, преграждающему им дорогу. «Львят — против меня? — говорит Дон Кихот, чуть заметно усмехнувшись и прищурился глазами. — Теперь против меня — львят? Ну так эти сеньоры, пославшие их сюда, вот как перед Богом говорю, сейчас увидят, такой ли я человек, чтобы устрашиться львов! Слезай с повозки, добрый человек, и если ты сторож, то открой клетки и выпусти зверей, — назло и наперекор тем волшебникам, которые их на меня натравили, я сейчас покажу, кто таков Дон Кихот Ламанчский». Одну из клеток открывают. Следует прекрасное описание льва: великолепное ленивое животное тянется всем телом, зевает, протирает языком себе глаза. Глядя на него в упор, Дон Кихот с нетерпением ждет, когда тот спрыгнет с повозки, однако в конце концов позволяет сторожу захлопнуть клетку. В этой сцене нет ничего фантастического — перед нами реальный человек перед реальным львом.

Счет 15:13 (Дон Кихот выигрывает третий сет со счетом 6:4; два выигранных сета против одного: игра становится чрезвычайно интересной).

ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ ЭПИЗОД: РАСПРИ НА СВАДЬБЕ (ГЛ. 21)

Иллюзия: Нет.

Результат: Его шестнадцатая победа.

Реальность: Борец с неправдой и миротворец. Гневными словами и копьем Дон Кихот предотвращает битву между сторонниками двух разных женихов на одной свадьбе, и все оценивают его как человека достойного и не робкого десятка.

Счет 16:13 (1:0 в четвертом сете).

ТРИДЦАТЫЙ ЭПИЗОД: КУКОЛЬНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ (ГЛ. 25–26)

Иллюзия: Борец с неправдой, враг чародеев, защитник страждущих влюбленных (в данном

случае — дона Гайфероса, бордосского короля, одного из военачальников Карла Великого, и прекрасной Мелисендры). Дон Кихот рубит мечом множество мавров, которых волшебники затем превращают в кукол.

Результат: Его семнадцатая победа.

Реальность: Хинес де Пасамонте, один из освобожденных Дон Кихотом каторжников, изменивший свою внешность при помощи зеленой шелковой повязки на глазу, дает представление марионеток, за порчу которых Дон Кихот хладнокровно платит, продолжая утверждать, что помогал влюбленным благополучно бежать во Францию.

Счет 17:13 (Взяв два сета, в четвертом Дон Кихот ведет со счетом 2:0. Он должен выиграть матч!)

ТРИДЦАТЬ ПЕРВЫЙ ЭПИЗОД: РЕВУЧИЕ ДЕРЕВНИ (ГЛ. 27–28)

Иллюзия: Нет.

Результат: Его четырнадцатое поражение (психологически весьма неприятное и злое).

Реальность: Дон Кихоту в благородной роли миротворца почти удается предотвратить драку, которой кончается состязание двух деревень в ослином реве (кто лучше подражает крику осла), — он объясняет, в каких случаях природа, честь, патриотизм и католическая церковь позволяют человеку братья за оружие. Однако неудачная выходка Санчо мешает ему закончить речь, и впервые в жизни Дон Кихот под градом камней удирает от толпы.

Счет 17: 14 (2:1 во втором сете).

ТРИДЦАТЬ ВТОРОЙ ЭПИЗОД: ВОДЯНЫЕ МЕЛЬНИЦЫ (ГЛ. 29)

Иллюзия: Враг чародеев. Дон Кихот прыгает в пустую лодку, спеша на выручку к рыцарю или принцессе, но чародеи не пускают его и Санчо в открывшийся глазам замок.

Результат: Его пятнадцатое поражение.

Реальность: Лодка попадает в водоворот, образуемый колесами больших водяных мельниц, стоящих на реке. Дон Кихота и его оруженосца спасают мукомолы.

Счет 17:15 (2:2 в четвертом сете).

ТРИДЦАТЬ ТРЕТИЙ ЭПИЗОД: ДИКИЙ КАБАН (ГЛ. 34)

Иллюзия: Никакой, если не считать того, что, выхватив меч и заградившись щитом, Дон Кихот ведет себя скорее как истребитель драконов, чем сельский охотник.

Результат: Его восемнадцатая победа, самая незначительная.

Реальность: Охотясь с герцогской четой, он вместе с другими убивает огромного кабана.

Счет 18:15 (3:2 в четвертом сете).

ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ ЭПИЗОД: ЛЕТАЮЩИЙ КОНЬ (ГЛ. 41)

Иллюзия: Борец с неправдой, враг чародеев, защитник страждущих влюбленных. Он отправляется на летающем коне в далекое королевство, но после взрыва машины обнаруживает, что одним тем, что он отважился на это доблестное деяние, он его совершил.

Результат: Его девятнадцатая победа.

Реальность: Одна из самых продолжительных и тщательно продуманных герцогских забав, о которых говорилось выше (см. с. 100).

Счет 19:15. (Дон Кихот ведет в четвертом сете со счетом 4:2.)

ТРИДЦАТЬ ПЯТЫЙ ЭПИЗОД: КОТЫ (ГЛ. 46)

Иллюзия: *Враг чародеев.* На Дон Кихота нападает демон.

Результат: Его шестнадцатое поражение (не абсолютное, так как он рвется продолжать прерванную битву).

Реальность: В герцогском замке к окну Дон Кихота спускают на веревке мешок с котами, к хвостам которых привязаны колокольчики; один из котов впивается зубами и когтями ему в лицо.

Счет 19:16 (4:3 в четвертом сете).

ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЙ ЭПИЗОД: ЩИПКИ (ГЛ. 48)

Иллюзия: *Враг чародеев.* Безмолвные чародеи терзают в темноте Дон Кихота.

Результат: Его семнадцатое поражение.

Реальность: Герцогиня, впад в ярость оттого, что Дон Кихот узнает о фонтанелях на ее очаровательных ножках (один из неизбежных тайных пороков дьявольской красоты!), набрасывается на него в темноте вместе со своей горничной, прелестной Альтисидорой, и около получаса нещадно щиплет его изможденную плоть.

Счет 19:17 (4:4 в четвертом сете).

ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЙ ЭПИЗОД: ЛАКЕЙ-ГАСКОНЕЦ (ГЛ. 54–56)

Иллюзия: *Борец с неправдой, покровитель обиженных девиц, враг чародеев.* Дон Кихот бросает вызов одному из герцогских вассалов, сбежавшему от невесты, но перед самым поединком волшебники превращают неверного жениха в лакея Тосилоса. Влюбившийся в девушку Тосилос сдается на милость Дон Кихота и при его поддержке предлагает руку и сердце покинутой невесте.

Результат: двадцатая победа Дон Кихота.

Реальность: Герцог и герцогиня, устроители дуэли, подменяют своего сбежавшего во Фландрию вассала лакеем; лишившись жестокой забавы, они негодуют из-за того, что их перехитрили.

Счет 20:17. (теперь Дон Кихот уже не может проиграть, но выиграет ли он?)

В четвертом сете Дон Кихот ведет со счетом 5:4; если он одержит победу в следующем гейме, то выиграет и сет, и матч.

ТРИДЦАТЬ ВОСЬМОЙ ЭПИЗОД: БЫКИ (ГЛ. 58)

Иллюзия: *Избавитель принцесс.* Только в честь любезных девушек, нарядившихся пастушками, Дон Кихот легко и беспечно обещает встать посреди дороги и вызвать на поединок первого, кто на ней появится. Появляется стадо быков с пастухами.

Результат: Восемнадцатое поражение.

Реальность: Обратите, пожалуйста, внимание на то, что пастушеская тема возвращает нас к аркадской атмосфере девятого эпизода; после второй битвы с Карраско в сороковом эпизоде сам Дон Кихот мечтает переодеться пастухом и жить среди полей и лугов. Также отметьте, что реальные овцы и бараны и реальные пастухи совершенно не вписываются в искусственный, увитый лентами мир аркадских сказок. В тринадцатом эпизоде, когда Дон Кихот бросается на стадо овец, которых принимает за вражескую рать, настоящие пастухи забрасывают его камнями. Здесь, в тридцать восьмом эпизоде, его сбивает с ног и топчет стадо быков: Дон Кихот оглушен, ошеломлен, но трогательно пытается бежать за ним вдогонку, крича, торопясь, спотыкаясь, падая — и наконец, выбившись из сил и плача от ярости, садится среди пыльной безжалостной дороги. С этой сцены начинается его окончательное падение.

Счет 20:18 (5:5 в четвертом сете).

ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ ЭПИЗОД: БИТВА С САНЧО (ГЛ. 60)

Иллюзия: Избавитель принцесс. Герцогской чете удается внушить Дон Кихоту, что если Санчо получит по голым ягодицам определенное количество плетей, то Дульсинея будет расколдована.

Результат: Деятнадцатое поражение Дон Кихота.

Реальность: Похоже, в то осеннее утро по дороге в Барселону у Дон Кихота возникает предчувствие, что дни его сочтены и Дульсинею надо расколдовать любой ценой. Решив, что он сам нанесет эти три тысячи ударов, Дон Кихот подкрадывается к спящему оруженосцу. Мы видим, как он старается стянуть одежду с Санчо, но тот бросается на своего господина, валит на землю, придавливает коленом грудь, и Дон Кихот не может ни пошевелиться, ни вздохнуть. Взяв с Дон Кихота обещание предоставить бичевание его собственной воле, Санчо его обманывает, хлеща не себя, а мягкие буковые стволы недоуздки своего осла — тем самым недоуздкой, которым он спутал ноги Росинанта в пятнадцатом эпизоде, тем самым, которым Мариторнес привязала Дон Кихота за запястье к окну. Из всех поражений эта потасовка с собственным оруженосцем самая нелепая, постыдная и отталкивающая. Вскоре печальный и безоружный Дон Кихот сдается на милость *некоего добросердечного Робин Гуда*, что отчасти можно отнести к тому же поражению.

Счет 20:19 (5:6 в четвертом сете).

СОРОКОВОЙ ЭПИЗОД: ВТОРАЯ И ПОСЛЕДНЯЯ БИТВА С КАРРАСКО (ГЛ. 64–65)

(Последний шанс выиграть матч)

Иллюзия: Избавитель принцесс. Встретив на набережной Барселоны Рыцаря Белой Луны, Дон Кихот принимает его вызов.

Результат: Его двадцатое, решающее, поражение.

Реальность: Переодетый Карраско ловко сбрасывает Дон Кихота на землю и берет с него клятву вернуться в родное село. На этом странствия рыцаря Дон Кихота заканчиваются. Пока он и Санчо уныло плетутся домой, им вновь приходится претерпеть страдания: сначала их топчет стадо свиней, потом герцогская чета еще раз заманивает их в пыточную камеру, но это теперь не поражения, а несчастья — Дон Кихот уже больше не рыцарь.

Итак, финальный счет 20:20, или — если придерживаться теннисного счета — 6:3, 3:6, 6:4,

5:7. Но пятый сет так и не будет сыгран; матч прерывает Смерть. Счет поединков равный: двадцать побед против двадцати поражений. Более того, в первой и второй частях книги счет тоже равный: соответственно 13:13 и 7:7. Странно видеть столь устойчивое равновесие побед и поражений в не слишком связной, сметанной на живую нитку книге. Причина тому — таинственное чутье писателя, художественная интуиция, стремящаяся к гармонии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе обсуждения книги под названием «Дон Кихот» я старался создать в ваших открытых умах определенные впечатления. Надеюсь, мне удалось кое-чем поделиться даже с теми из вас, чьи умы лишь слегка приоткрыты. Я повторю то, что говорил в начале нашего путешествия: вы — любознательные, взволнованные экскурсанты, я — просто влюбленный в слово гид со стертymi ногами. Каковы эти впечатления? Я обсуждал следующие вопросы: «где?» и «когда?» книги; связь между так называемой «жизнью» и вымыслом; физические и душевные качества Дон Кихота и его оруженосца; различные аспекты структурного построения: рыцарскую тему, аркадскую тему, вставные повести, темы летописцев и жестоких мистификаций, жертвой которых становятся, оказавшись в руках волшебников, все трое — Дон Кихот, Санчо Панса и сам Сервантес. Я говорил о Дульсине и о смерти. Приводил примеры высокого мастерства и поэзии книги, а также выступал против того, чтобы считать ее гуманной и веселой.

Испанский комментатор Диего Клеменсин^{40} замечает, что Сервантес «сочинял свою книгу с беззаботностью, не поддающейся объяснению: не имея определенного плана, он слепо следовал своей фантазии, своей богатой могучей фантазии. Более того, он питал непреодолимое отвращение к перечитыванию написанного — отсюда множество грубых ошибок, забытых или неподходящих к случаю эпизодов, несообразностей в деталях, именах и событиях, претерпевающих досадную трансформацию при развитии сюжета или повторях, а также других недостатков, разбросанных по книге». С еще большей беспощадностью было сказано, что, за исключением увлекательных бесед Дон Кихота и Санчо и великолепных иллюзий, из которых по большей части и складываются приключения Дон Кихота, роман состоит из смеси избитых историй, набивших оскомину интриг, посредственных стихов, банальных вставок, немыслимых переодеваний и невероятных совпадений; однако благодаря гениальной интуиции художника Сервантесу удастся соединить эти разрозненные части, придать роману о величавом безумце и его простодушном слуге стимул к развитию и единство.

Современному читателю трудно поверить в то, что в прежние времена каждая глава этой книги вызвала у читателей приступы безудержного смеха, юмор книги ему представляется грубым и мрачным. Порой веселье скатывается до низшего уровня средневекового фарса со всеми его традиционными посмешищами. Грустно, если автор полагает, что некоторые вещи смешны сами по себе: ослы, обжоры, животные, над которыми издеваются, расквашенные носы и т. д. — привычный ассортимент в торговле готовым весельем. Если Сервантесу это в конце концов и сходит с рук, то лишь благодаря тому, что в нем всегда побеждает художник. Как мыслитель Сервантес беспечно разделял почти все заблуждения и предрассудки своего времени: он мирился с инквизицией, безоговорочно одобрял нетерпимое отношение к маврам и прочим еретикам, верил, что знать поставлена Богом, а монахи Им вдохновлены^{41}.

Но у него были взгляд и хватка художника, и когда он создавал своего трогательного героя, искусство оказывалось выше предрассудков. Мораль книги не повлияла напрямую на мастерство, с каким она написана. Сервантес-мыслитель скован классическими и академическими идеями своего времени. Сервантес-творец наслаждается свободой гения^{42}.

Каким же будет наше окончательное суждение?

Пожалуй, «Дон Кихот» — одна из тех книг, значение которых за пределами страны, где они были созданы, возрастает. Примечательно, что сочинение Сервантеса было немедленно переведено за границей; в самом деле, английский перевод первой части появился еще в 1612 году, до того как в Испании была опубликована вторая часть; за первым французским переводом 1614 года последовало более пятидесяти различных переводов только на французский. (Примечательно, что в 1660 году Мольер, известнейший французский драматург и актер, сыграл роль Дон Кихота в переложении для французской сцены.) Примеру Франции и Англии последовали другие страны: Италия — в 1622 году, Голландия — в 1657, Дания — в 1676, Германия — в 1794, а позже и Россия. Я привожу здесь только полные переводы с оригинала, а не выдержки или пересказы с французского, появившиеся, например, в Германии соответственно в 1612 и 1682 годах.

О Санчо почти нечего сказать. Он существует лишь постольку, поскольку существует его господин. Любой актер, играющий толстяков, может легко перевоплотиться в этот персонаж, прибавив к нему новые смешные черты. Но с Дон Кихотом дело обстоит иначе. Его образ сложен и неуловим.

С самого начала, в самом оригинале, фигура Дон Кихота предстает в различных туманных ипостасях: 1) вначале есть сеньор Кихана, ничем не примечательный сельский дворянин; 2) в конце есть Кихано Добрый, нечто вроде синтеза, соединяющего антитезис Дон Кихота с тезисом сельского дворянина; 3) есть предполагаемый «оригинал», «исторический» Дон Кихот, которого Сервантес ловко помещает где-то позади книги, чтобы придать ей оттенок «подлинной истории»; 4) есть Дон Кихот вымышленного арабского летописца Сиды Ахмета Бен-инхали, который, возможно, склонен преуменьшать заслуги испанского рыцаря; 5) есть Дон Кихот второй части романа, Рыцарь Львов, сосуществующий с Рыцарем Печального Образа из первой части; 6) есть Дон Кихот в представлении Карраско; 7) есть неотесанный Дон Кихот подложного продолжения Авельянеды, притаившийся на заднем плане подлинной второй части. Итак, мы различаем в спектре Дон Кихота по меньшей мере семь цветов, которые сливаются, расходятся и сливаются вновь ^{43}. А за горизонтом книги толпится армия Дон Кихотов, рожденных в клоаках или оранжереях небрежных или добросовестных переводов. Неудивительно, что добрый рыцарь благополучно покорил весь мир и наконец повсюду сделался своим: в качестве карнавальной фигуры на празднике в Боливии или абстрактного символа благородных, но бесхребетных политических намерений в старой России.

Перед нами интересный феномен: литературный герой постепенно теряет связь с породившей его книгой, покидает отечество, письменный стол своего создателя и место своих скитаний — Испанию. Поэтому сегодня Дон Кихот более велик, чем при своем появлении на свет. Три с половиной столетия он скакал по джунглям и тундре человеческого мышления — и приумножил свою силу и достоинство. Мы перестали над ним смеяться. Его герб — милосердие, его знамя — красота. Он выступает в защиту благородства, страдания, чистоты, бескорыстия и галантности. Пародия превратилась в образец.

ПОВЕСТВОВАНИЕ И КОММЕНТАРИЙ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ (1605)

ГЛАВА 1

Некий сельский идалго с таким жаром и увлечением отдавался чтению рыцарских романов, что вообразил, будто описанные в них фантастические приключения правдивы и достойны подражания. «И вот, когда он уже окончательно свихнулся, в голову ему пришла такая странная мысль, какая еще не приходила ни одному безумцу на свете, а именно: он почел благоразумным и даже необходимым как для собственной славы, так и для пользы отечества сделаться странствующим рыцарем, сесть на коня и, с оружием в руках отправившись на поиски приключений, начать заниматься тем же, чем, как это ему было известно из книг, все странствующие рыцари, скитаясь по свету, обыкновенно занимались, то есть искоренять всякого рода неправду и в борении со всевозможными случайностями и опасностями стяжать себе бессмертное имя и почет. Бедняга уже представлял себя увенчанным за свои подвиги, по малой мере, короной Трапезундского царства; и, весь отдавшись во власть столь отрадных мечтаний, доставлявших ему наслаждение неизъяснимое, поспешил он достигнуть цели своих стремлений». Начистив до блеска старые доспехи, доставшиеся ему от прадеда, он стал подыскивать славное имя для своей клячи и окрестил ее в конце концов Росинантом, сам же — прозываясь Алонсо Кихадой, Кесадой или Кеханой — по примеру доблестного Амадиса, присовокупившего к собственному имени название своего королевства, «решил, что и ему, как истинному рыцарю, надлежит присовокупить к своему имени название своей родины и стать *Дон Кихотом Ламанчским*, чем, по его мнению, он сразу даст понять, из какого он рода и из какого края, и при этом окажет честь своей отчизне». Затем «он пришел к заключению, что ему остается лишь найти даму, в которую он мог бы влюбиться, ибо странствующий рыцарь без любви — это все равно, что дерево без плодов и листьев или же тело без души». Тогда он вспомнил о миловидной деревенской девушке, в которую он одно время был влюблен, хотя она об этом не подозревала, и «выбирая для нее имя, которое не слишком резко отличалось бы от ее собственного и в то же время напоминало и приближалось бы к имени какой-нибудь принцессы или знатной сеньоры, положил он назвать ее *Дульсинеей Тобоскою*, — ибо родом она была из Тобосо».

ГЛАВА 2

«Покончив со всеми этими приготовлениями, наш идалго решил тотчас же осуществить свой замысел, ибо он полагал, что всякое промедление с его стороны может пагубно отозваться на человеческом роде: сколько беззаконий предстоит ему устранить, сколько кривды выпрямить, несправедливостей загладить, злоупотреблений искоренить, скольких обездоленных удовлетворить! И вот, чуть свет, в один из июльских дней, обещавший быть весьма жарким, никому ни слова не сказав о своем намерении и оставшись незамеченным, облачился он во все свои доспехи, сел на Росинанта и... выехал в поле». Пародия на рыцарские романы продолжается, когда он рассуждает о себе в манере книг, которых начитался.

«— Блаженны времена и блажен тот век, — продолжал он, — когда увидят свет мои славные подвиги, достойные быть вычеканенными на меди, высеченными на мраморе и

изображенными на полотне в назидание потомкам! Кто б ни был ты, о мудрый волшебник, коему суждено стать летописцем необычайных моих приключений, молю: не забудь доброго Росинанта, вечного моего спутника, странствующего вместе со мною по всем дорогам.

Потом он заговорил так, как если бы точно был влюблен:

— О принцесса Дульсинея, владычица моего сердца, покоренного вами! Горько обидели вы меня тем, что, осыпав упреками, изгнали меня и в порыве гнева велели не показываться на глаза красоте вашей! Заклинаю вас, сеньора: сжальтесь над преданным вам сердцем, которое, любя вас, тягчайшие терпит муки!

На эти нелепости он нагромождал другие, точь-в-точь как в его любимых романах, стараясь при этом по мере возможности подражать их слогу, и оттого ехал так медленно, солнце же стояло теперь так высоко и столь нещадно палило, что если б в голове у Дон Кихота еще оставался мозг, то растопился бы неминуемо». Смущенный тем, что еще не посвящен в рыцари, он решает просить об этой милости первого встречного. Прибыв на постоянный двор, он принимает его за замок, а его хозяина — за кастеляна.

ГЛАВА 3

Покончив со скудным ужином, который представляется ему пиром, Дон Кихот падает на колени перед опешившим хозяином.

«— Итак, да будет вам известно, что просьба, с которой я к вам обратился и которую ваше человеколюбие обещало исполнить, состоит в том, чтобы завтра утром вы посвятили меня в рыцари; ночь я проведу в часовне вашего замка, в бдении над оружием, а завтра, повторяю, сбудется то, чего я так жажду, и я обрету законное право объезжать все четыре страны света, искать приключений и защищать обиженных, тем самым исполняя долг всего рыцарства, а также долг рыцаря странствующего, каковым я являюсь и каковой обязан стремиться к совершению указанных мною подвигов». Мечта Дон Кихота осуществляется лишь потому, что плутоватому хозяину не чуждо грубое чувство юмора. Пародия на рыцарскую литературу приобретает у Сервантеса новую форму. И вот шельма хозяин подыгрывает мечтателю Дон Кихоту, напоминая о некоторых деликатных вещах: у всех доблестных рыцарей — и это ничуть не умаляло их доблести — «кошельки на всякий случай были туго набиты; брали они с собой и чистые сорочки, а также баночки с мазью, коей врачевали они свои раны». Далее следует бдение над оружием, которое прерывает потасовка с погонщиками мулов, сбросившими доспехи с водопойного корыта. В конце концов хозяин постоянного двора совершает над Дон Кихотом шутовскую церемонию посвящения в рыцари, и тот отправляется на поиски приключений, предварительно изъявив благодарность хозяину. «В ответ хозяин на радостях, что отделался от него, произнес не менее высокопарную, хотя и не столь пространную речь и, ничего не взяв за ночлег, отпустил его с миром».

ГЛАВА 4

Направляясь в свое село, чтобы взять себе оруженосца, Дон Кихот освобождает пастушонка из рук жестокого сельчанина, стегающего его ремнем, но как только рыцарь удаляется, довольный тем, что заступился за обиженного, хозяин избивает мальчугана до полусмерти. На перекрестке четырех дорог Дон Кихот встречает шестерых купцов в сопровождении слуг. Обуреваемый жаждой рыцарских подвигов, он преграждает им путь, принимает воинственную позу и кричит:

«— Все, сколько вас ни есть, — ни с места до тех пор, пока все, сколько вас ни есть, не признают, что, сколько бы ни было красавиц на свете, прекраснее всех ламанчская императрица Дульсинея Тобосская!» Один из купцов, видя, что они имеют дело с сумасшедшим, просит показать им девицу, о которой идет речь, прежде чем они смогут засвидетельствовать эту истину.

«— Если я вам ее покажу, — возразил Дон Кихот, — то что вам будет стоить засвидетельствовать непреложную истину? Все дело в том, чтобы, не видя, уверовать, засвидетельствовать, подтвердить, присягнуть и стать на защиту, а не то я вызову вас на бой, дерзкий и надменный сброд». После дальнейших придинок купца разгневанный Дон Кихот, взяв копье наперевес, бросается на своего собеседника, но Росинант, как назло, спотыкается на полпути, и рыцарь падает на землю, где его до полусмерти избивает один из погонщиков мулов, да так и остается лежать на дороге, не в силах пошевелиться.

ГЛАВА 5

Там его находит односельчанин и отвозит домой. Дон Кихот говорит своим домочадцам:

«— Погодите! Я тяжело ранен по вине моего коня. Отнесите меня на постель и, если можно, позовите мудрую Урганду, чтобы она осмотрела и залечила мои раны.

— Вот беда-то! — воскликнула ключница. — Чуюло мое сердце, на какую ногу захромал мой хозяин! Слезайте с Богом, ваша милость, мы и без этой *Поганды* сумеем вас вылечить. До чего же довели вас эти рыцарские книжки, будь они трижды прокляты!

Дон Кихота отнесли на постель, осмотрели его, однако ран на нем не обнаружили. Он же сказал, что просто ушибся, ибо, сражаясь с десятью исполинами, такими страшными и дерзкими, каких еще не видывал свет, он вместе со своим конем Росинантом грянулся оземь».

ГЛАВА 6

Друзья Дон Кихота, священник и цирюльник, осматривают его библиотеку. Священник полагает, что некоторые из книг могут быть помилованы и спасены от разожженного на скотном дворе костра, цирюльник еще более снисходителен, но ключница с племянницей требуют самых решительных мер. (Это великолепная сцена для чтения вслух.) Среди книг, которые называют друзья перед тем, как предать их огню или отложить в сторону, упоминается и «Галатея» Сервантеса. Симпатии и антипатии священника не слишком ясны, но он явно предпочитает изысканные стихи и прозу. Любопытно, что в диалоге из шестой главы есть нечто шекспировское. Разумеется, для современников Сервантеса эти литературные аллюзии были значительно смешнее и несравненно тоньше, чем кажутся нам теперь.

«— Это «Зерцало рыцарства».

— Знаю я сию почтенную книгу, — сказал священник. — В ней действуют сеньор Ринальд Монтальванский со своими друзьями-приятелями, жуликами почище самого Кака, и Двенадцать Пэров Франции вместе с их правдивым летописцем Турпином. Впрочем, откровенно говоря, я отправил бы их на вечное поселение — и только, хотя бы потому, что они причастны к замыслу знаменитого Маттео Боярдо, сочинение же Боярдо, в свою очередь, послужило канвой для Лудовико Ариосто, поэта, проникнутого истинно христианским чувством, и вот если мне попадется здесь Ариосто и если при этом обнаружится, что он говорит не на своем родном, а на чужом языке, то я не почувствую к нему никакого уважения, если же на своем, то возложу его себе на главу [в знак уважения].

— У меня он есть по-итальянски, — сказал цирюльник, — но я его не понимаю.

— И хорошо, что не понимаете, — заметил священник, — мы бы и сеньору военачальнику это простили, лишь бы он не переносил Ариосто в Испанию и не делал из него кастильца: ведь через то он лишил его многих природных достоинств, как это случается со всеми, кто берется переводить поэтические произведения, ибо самому добросовестному и самому искусному переводчику никогда не подняться на такую высоту, какой достигают они в первоначальном своем виде. Словом, я хочу сказать, что эту книгу вместе с прочими досужими вымыслами французских сочинителей следует бросить на дно высохшего колодца, и пусть они там и лежат, пока мы, по зрелом размышлении, не придумаем, как с ними поступить...» Прелестные замечания о переводе вообще.

ГЛАВА 7

В этой главе, несмотря на добродушную снисходительность священника, ключница — живой символ невежества, грубого здравого смысла и старческого тупоумия — сжигает все книги в доме, и мы начинаем еще яснее ощущать, что пародия на рыцарские романы бледнеет и растворяется в интересе автора к «необычному безумцу». Важно отметить этот сдвиг в тоне повествования шестой и седьмой глав. И еще: когда священник и цирюльник замуровывают вход в книгохранилище, потратив на это немало средств и усилий, их действия представляются не менее бредовыми и далекими от реальности, чем колдовские чары, которые всюду мерещатся Дон Кихоту. Людей, придумавших и осуществивших подобную хитрость, нельзя считать вполне нормальными, хотя тут можно возразить, что друзья Дон Кихота всего лишь подыгрывали его безумию. То же можно сказать о чарах, которые пробует на нашем рыцаре и его оруженосце ужасная герцогская чета во второй части книги. На вопрос Дон Кихота о том, куда подевалось его книгохранилище, ключница заученно отвечает:

«— О каком таком книгохранилище вы говорите, ваша милость? — в свою очередь спросила она. — Нет у нас теперь ни книг, ни хранилища, все унес дьявол.

— Вовсе не дьявол, а волшебник, — возразила племянница. — После того как вы от нас уехали, ваша милость, на следующую ночь он прилетел сюда на облаке, спрыгнул с дракона, на котором сидел верхом, и проник в книгохранилище. Не знаю, что он там делал, только немного погодя, гляжу, вылетает через крышу, а в комнатах полно дыму. Пошли мы посмотреть, что он натворил, а уж ни книг, ни комнаты нет и в помине. Одно только обе мы отлично помним: улетаая, этот злой старик громко крикнул, что по злобе, которую он втайне питает к владельцу книг и помещения, он нанес его дому урон и что урон этот впоследствии обнаружится. Еще он сказал, что зовут его мудрый Муньятон.

— Не Муньятон, а Фрестон, — поправил ее Дон Кихот.

— Не то Фрестон, не то Фритон, — вмешалась ключница, — помню только, что имя его оканчивается на *тон*.

— Так, так, — подхватил Дон Кихот, — это один мудрый волшебник, злейший мой враг: он меня ненавидит, ибо колдовские чары и тайнопись открыли ему, что по прошествии некоторого времени мне предстоит единоборство с рыцарем, коему он покровительствует, и что, несмотря на все его козни, я над тем рыцарем одержу победу, оттого-то он всеми силами и старается мне досадить. Но да будет ему известно, что ни нарушить, ни обойти предустановленного Небесами он не властен».

Безупречность и артистизм этой интонации: «Не Муньятон, а Фрестон» — сродни персику, который мы поглаживаем перед тем, как благоговейно надкусить.

Третий появляющийся в книге сельчанин — Санчо Панса, которого Дон Кихот убеждает стать его оруженосцем. В некотором смысле Санчо Панса — это более грубый вариант Дон Кихота. Ради *мечты* он покидает жену и детей. Бедного простака соблазнили красноречивые посулы Дон Кихота сделать его губернатором острова. В начале романа Санчо Панса представлен туповатым. Но он изменится. Уже к концу главы его рассуждения не так глупы.

ГЛАВА 8

Следует знаменитая глава о ветряных мельницах. Предприняв ряд приуготовлений (новый щит, оруженосец, серый осел, на котором тот едет верхом), Дон Кихот вновь отправляется на поиски приключений. Автор намерен начать эту новую вылазку удивительным подвигом, который затмил бы все прежние приключения. Обратите внимание, мельницы в описании Сервантеса кажутся нам совершенно *живыми*. Когда Дон Кихот устремился на них в атаку, «подул легкий ветерок», и огромные крылья мельниц начали кружиться — как раз вовремя. Мощный удар крыла отрезвил Дон Кихота, заставив предположить, что машущие руками великаны, которых он видел сквозь мерцающую дымку воображения, теперь превратились в ветряные мельницы — как и утверждал Санчо. В то, за что принимал их простодушный оруженосец. И здесь не обошлось без волшебника Фрестона.

Весьма любопытно, что Дон Кихот от всей души хохочет над одним из замечаний Санчо Пансы: «...одному Богу известно, как бы я был рад, если б вы, ваша милость, пожаловались, когда у вас что-нибудь заболит. А уж доведись до меня, так я начну стонать от самой пустячной боли, если только этот закон не распространяется и на оруженосцев странствующих рыцарей.

Дон Кихот не мог не посмеяться простодушию своего оруженосца, а затем объявил, что тот волен стонать, когда и сколько ему вздумается, как по необходимости, так и без всякой необходимости, ибо в рыцарском уставе ничего на сей предмет не сказано».

Отметим прелестное описание, с которого начинается следующий подвиг: верблюды, дорожные очки, упоминание Америки — с литературной точки зрения все первоклассно: «...впереди показались два монаха-бенедиктинца верхом на верблюдах, именно на верблюдах, иначе не скажешь, — такой невероятной величины достигали их мулы. Монахи были в дорожных очках и под зонтиками. Двое слуг шли пешком и погоняли мулов, а позади ехала карета в сопровождении не то четырех, не то пяти верховых. Как выяснилось впоследствии, в карете сидела дама из Бискайи, — ехала она в Севилью, к мужу, который собирался в Америку, где его ожидала весьма почетная должность, монахи же были ее случайными спутниками, а вовсе не провожатыми. Но Дон Кихот, едва завидев их, тотчас же сказал своему оруженосцу:

— Если я не ошибаюсь, нас ожидает самое удивительное приключение, какое только можно себе представить. Вон те черные страшилища, что показались вдали, — это, само собой разумеется, волшебники: они похитили принцессу и увозят ее в карете, мне же во что бы то ни стало надлежит расстроить этот злой умысел».

Автор старается уравновесить грубую сцену с ветряными мельницами романтической сценой. Вспомним, всю ночь Дон Кихот грезил о воображаемой возлюбленной. Теперь перед нами естественное продолжение. И снова за дело берутся погонщики, однако на этот раз они накидываются на Санчо Пансу, тогда как Дон Кихот обращает в бегство одного из монахов. Сражение разворачивается весьма успешно, несмотря на то что один из слуг, сопровождающих даму, родом бискаец, бросается на Дон Кихота. Получив жестокий удар по плечу, Дон Кихот высоко поднимает меч для решающего удара и устремляется на перепуганного бискайца, а дама в карете вместе со своими служанками призывает на помощь Бога. «Но тут, к величайшему

нашему сожалению, первый летописец Дон Кихота, сославшись на то, что о дальнейших его подвигах история умалчивает, прерывает описание поединка и ставит точку. Однако ж второй его биограф [сам Сервантес], откровенно говоря, не мог допустить, чтобы эти достойные внимания события были преданы забвению и чтобы ламанчские писатели оказались настолько нелюбознательными, что не сохранили у себя в архивах или же в письменных столах каких-либо рукописей, к славному нашему рыцарю относящихся; оттого-то, утешаясь этой мыслью, и не терял он надежды отыскать конец занятной этой истории, и точно: Небу угодно было, чтобы он его нашел...»

ГЛАВА 9

В Толедо Сервантес находит рукопись арабского историка Сида Ахмета Бен-инхали, которую просит перевести. В ней он находит картинку битвы с бискайцем, на которой во всех подробностях изображены Дон Кихот с высоко поднятым мечом, Санчо и Росинант. Далее Сервантес незаметно вводит еще один прием (прерванная хроника — излюбленный прием рыцарских романов): «всякая история только тогда и хороша, когда она правдива», — пишет он и продолжает: «Единственно, что вызывает сомнение в правдивости именно этой истории, так это то, что автор ее араб», ибо там, где он обязан был бы не поскудиться на похвалы, «он, кажется, намеренно обходит его заслуги молчанием», что, отмечает Сервантес, «очень дурно» с его стороны, так как историки обязаны быть «точными, правдивыми и беспристрастными». Так или иначе, битва в изложении Бен-инхали кончается блестящей победой Дон Кихота, который пощадил бискайца, вняв мольбам женщин, обещавших, что тот предстанет перед Дульсиной Тобосской, а уж она поступит с ним, как ей заблагорассудится. «Перепуганные и удрученные дамы, не вникнув в то, чего он от них требовал, и даже не узнав, кто такая эта Дульсинея, обещали, что слуга в точности исполнит его приказание». Итак, как мы еще увидим, в мнимом переводе мнимой арабской хроники дела Дон Кихота обстоят совсем не так плохо, как казалось мнимому обладателю рукописи.

ГЛАВА 10

После победоносного сражения (хотя и стоившего ему пол-уха) Дон Кихот на всем скаку устремился вперед. Рыцарь хвастливо спрашивает Санчо, читал ли он в книгах, чтобы какой-нибудь рыцарь смелее бился с врагом. «По правде сказать, я за всю свою жизнь не прочел ни одной книги, потому как не умею ни читать, ни писать, — признался Санчо. — Но могу побиться об заклад, что никогда в жизни не служил я такому храброму господину, как вы, ваша милость, — вот только дай Бог, чтобы вам не пришлось расплачиваться за вашу храбрость в одном малоприятном месте [в тюрьме]. А теперь послушайте меня, ваша милость: вам непременно надобно полечиться, — кровь так и течет у вас из уха, а у меня в сумке имеется корпия и немножко белой мази». Эти слова произносит не болван, а человек с практической сметкой, движимый дружеским участием. Дон Кихот действительно отважен и в данный момент действительно нуждается в корпии и мази. Когда Дон Кихот принимается рассуждать о волшебном напитке, пародия на рыцарский роман предстает в новом свете: «Рецепт этого бальзама я знаю наизусть, <...> с ним нечего бояться смерти и не страшны никакие раны. Так вот, я приготовлю его и отдам тебе, ты же, как увидишь, что меня в пылу битвы рассекли пополам, — а такие случаи со странствующими рыцарями бывают постоянно, — не долго думая, бережно подними ту половину, которая упала на землю, и, пока еще не свернулась кровь, с

величайшею осторожностью приставь к той, которая осталась в седле, — при этом надобно так ухитриться, чтобы они пришлись одна к другой в самый раз. Затем дай мне только два глотка помянутого бальзама — и я вновь предстану пред тобой свежим и бодрым».

Далее Сервантес продолжает играть ссылками Дон Кихота на рыцарские романы. Обратите внимание на то, каким обедом полагается довольствоваться Дон Кихоту:

«— У меня есть луковица, немного сыру и несколько сухих корок, — объявил Санчо, — но столь доблестному рыцарю, как вы, ваша милость, такие яства вкушать не пристало.

— Как мало ты в этом смыслишь! — воскликнул Дон Кихот. — Да будет тебе известно, Санчо, что странствующие рыцари за особую для себя честь почитают целый месяц не принимать пищи или уж едят что придется. И если б ты прочел столько книг, сколько я, то для тебя это не явилось бы новостью». Трапеза и впрямь скромная. Пир витаминов. Здесь можно отметить красивую концовку главы:

«Затем снова сели верхами и, чтобы засветло прибыть в селение, быстрым шагом поехали дальше; однако вскоре солнечные лучи погасли, а вместе с ними погасла и надежда наших путешественников достигнуть желаемого, — погасли как раз, *когда* они проезжали мимо шалашей козопасов, и потому они решились здесь заночевать. И насколько прискорбно было Санчо Пансе, что они не добрались до села, настолько же отрадно было Дон Кихоту думать, что он проведет эту ночь под открытым небом: подобные случаи, казалось ему, являются лишним доказательством того, что он настоящий рыцарь».

ГЛАВА 11

Козопасы радушно угощают их ужином, на десерт подается сыр с желудями, и растроганный Дон Кихот принимается рассуждать о достоинствах золотого века и добродетелях пастушеской жизни. «Рыцарь наш произнес эту длинную речь, которую он с таким же успехом мог бы и не произносить вовсе, единственно потому, что, взглянув на желуды, коими его угостили, он вспомнил о золотом веке, и ему захотелось поделиться своими размышлениями с козопасами, а те слушали его молча, с вытянутыми лицами, выразившими совершенное недоумение. Санчо также помалкивал; он поедал желуды и то и дело навещал второй бурдюк, который пастухи, чтобы вино не нагревалось, подвесили к дубу.

Ужин давно кончился, а Дон Кихот все еще говорил без умолку; наконец один из козопасов обратился к нему с такими словами:

— Дабы вы, ваша милость, сеньор странствующий рыцарь, положи руку на сердце могли признать, что мы и правда оказали вам искренний и радужный прием, мы попросим одного пастуха, который с минуту на минуту должен быть здесь, позабавить вас и усладить ваш слух своим пением. Он малый смысленый, чувствительный, главное, умеет читать и писать, а на равели играет так, что лучше и нельзя». Появляется юноша по имени Антоньо и начинает петь любовную балладу. Дон Кихот жалуется на боль в ухе, и тогда один из пастухов срывает несколько листиков розмарина, разжевывает, смешивает с солью, прикладывает к уху вместо бальзама, и боль проходит. Дон Кихот слегка пьян: мы чувствуем это в конце главы без всяких указаний автора.

ГЛАВА 12

Приходит один из пастухов. Его рассказ о гибели влюбленного в Марселу Хризостома служит как бы отголоском Дон-Кихотовых размышлений о пастушеской жизни — есть там и

пробковый дуб, давший имя источнику, возле которого пастух завещал себя похоронить. Поначалу деревенский парень Педро коверкает слова, и хотя Сервантес, стараясь следовать правилам драматического искусства, заставляет его говорить с ошибками, под конец он вкладывает в уста Педро столь же отточенные фразы и столь же длинные слова, какие произносит Дон Кихот. В романе эти две главы, 11 и 12, служат мечтательной передышкой. Впрочем, вот он, прекрасный отрывок из лирического рассказа пастуха, который три века спустя, когда подобные ситуации взялись описывать юные романтики, так и остался непревзойденным.

«Неподалеку отсюда есть одно место, где растет более двадцати высоких буков, и на гладкой коре каждого из них вырезано и начертано имя Марселы, а на некоторых сверху вырезана еще и корона, словно красноречивыми этими знаками влюбленный хотел сказать, что Марсела достойна носить венец земной красоты. Один пастух вздыхает, другой сетует, здесь слышатся любовные, там — скорбные пени. Иной всю ночь напролет у подошвы скалы или под дубом не смыкает заплаканных своих очей, и там его, возносящегося на крыльях упоительной мечты, находит утренняя заря, а иного нестерпимый зной летнего полдня застаёт распростертым на раскаленном песке, беспрестанно и непрерывно вздыхающим и воссылающим свои жалобы сострадательным Небесам».

ГЛАВЫ 13 и 14

Когда Дон Кихот обсуждает в этих главах свое призвание с веселыми попугайчиками, принявшими его за не совсем обычного безумца, пародия — если там была пародия — наконец совершенно растворяется в сочувствии. Дон Кихот выиграл поединок с читателем; любой человек, наделенный чувством жалости и чувством прекрасного — которые и составляют подлинно художественное чувство, — теперь на стороне Дон Кихота. Обратите внимание на отрывок, где рыцарь сравнивает свой обет с обетом священников, особенно монахов: «Я хочу сказать, что иноки, в тишине и спокойствии проводя все дни свои, молятся Небу о благоденствии земли, мы же, воины и рыцари, осуществляем то, о чем они молятся: мы защищаем землю доблестными нашими дланями и лезвиями наших мечей — и не под кровлей, а под открытым небом, летом подставляя грудь лучам палящего солнца и жгучим морозам — зимой. Итак, мы слуги Господа на земле, мы орудия, посредством которых вершит он свой правый суд. Но исполнение воинских обязанностей и всего, что с ними сопряжено и имеет к ним касательство, достигается ценою тяжких усилий, в поте лица, следственно, тот, кто таковые обязанности на себя принимает, затрачивает, разумеется, больше усилий, нежели тот, кто в мирном, тихом и безмятежном своем житии молит Бога о заступлении беспомощных. Я не хочу сказать и весьма далек от мысли, что подвиг странствующего рыцаря и подвиг затворника равно священны, но на основании собственного горького опыта я пришел к убеждению, что странствующий рыцарь, вечно алчущий и жаждущий, страждущий и изнуренный, неприютный, полураздетый и усыпанный насекомыми, терпит, разумеется, больше лишений, нежели схимник, ибо не подлежит сомнению, что на долю странствующего рыцаря былых времен всечасно выпадали невзгоды. Если же кто-нибудь из них доблестною своею дланью и завоевал себе императорскую корону, то, смею вас уверить, ради этого ему должно было пролить немало пота и крови, и если б тем, кто удостоился столь высоких степеней, вовремя не пришли на помощь мудрецы и волшебники, то они скоро убедились бы в призрачности и обманчивости мечтаний своих и надежд».

Эта и следующая, четырнадцатая глава служат чем-то вроде интермеццо. Реальное событие,

любовь студента-пастуха к пастушке, представляется гораздо более фантастическим, чем галлюцинации Дон Кихота. Вся история Хризостома отдает пасторалью, манерностью и сентиментальностью, но она призвана подчеркнуть пыл и отвагу Дон Кихота, богатство его воображения. Четырнадцатая глава спокойно завершает еще один раздел книги. Пастушка Марсела появляется у могилы безответно любившего ее Хризостома и весьма убедительно излагает свои доводы. Участие Дон Кихота в истории Хризостома и Марселы кончается тем, что он «вообразил, что ему представляется случай исполнить свой рыцарский долг, повелевающий оказывать помощь преследуемым девицам, и, положив руку на рукоять меча, он громко и властно заговорил:

— Ни один человек, какого бы звания он ни был и к какому бы состоянию ни принадлежал, не осмелится преследовать прекрасную Марселу, если не желает навлечь на себя лютой мой гнев. Она ясно и убедительно доказала, что она почти или, вернее, совсем не повинна в смерти Хризостома и что она отнюдь не намерена снисходить к мольбам кого бы то ни было из своих поклонников, а потому все добрые люди, какие только есть на свете, должны не гоняться за нею, но почитать ее и уважать, ибо уже доказано, что на всем свете вряд ли найдется другая девушка, у которой были бы такие же честные намерения, как у нее». И пока Хризостома не похоронили, никто не двинулся с места.

ГЛАВА 15

В поисках нового способа ввести в роман новое приключение Сервантес вспоминает о коне своего героя и заставляет Росинанта претерпеть жестокие побои от рук погонщиков-янгусцев (жителей севера Кастилии), которые «так его отколотили, что он чуть живой повалился на землю». Когда Дон Кихот кидается на янгусцев, те берутся за дубинки и рыцарь разделяет участь своего скакуна, оставленного в самом бедственном для всякого животного положении; но в некотором смысле Росинант, как и его хозяин, заколдован — ведь им обоим удается уцелеть после жесточайшей расправы. Как бы там ни было, Дон Кихот припоминает, что Амадис Галльский как-то получил двести ударов поводами, тогда как другому рыцарю поставили клистир из ледяной воды с песком. Между прочим, мы замечаем, что Санчо Панса, присоединившийся к драке без всякой надежды на успех, не такой уж трус.

«— Какая тут к черту месть, — воскликнул Санчо Панса, — когда их больше двадцати, нас же всего только двое, а вернее сказать — полтора!»

Примечательно, что в этой главе Дон Кихот не страдает галлюцинациями, не принимает погонщиков с дубинами за вооруженных копьями рыцарей. Напротив, он находится в здравом уме и позже упрекает себя за то, что обнажил меч против простолюдинов, не посвященных в рыцари.

ГЛАВА 16

В романе действуют несколько добрых, сострадательных людей: одним из них был сосед, в начале книги отвезший Дон Кихота в родную деревню, теперь мы встречаем трех других: жену хозяина постоянного двора, его дочь и служанку, все они принимают сердечное участие в страданиях ближнего. Уродливую служанку — горбатую Мэри — автор называет «доброй Мариторнес». Но обратите внимание на то, что в шестьдесят третьей главе она обречет Дон Кихота на двухчасовые муки. До сих пор Сервантес воздерживался от непристойностей, но в эту главу он вводит скабресный отрывок: Мариторнес, пробираясь в ночной рубашке к ложу

погонщика, спящего в одной комнате с Дон Кихотом и Санчо, попадает в объятия рыцаря, вообразившего, что к нему явилась принцесса, погонщик бросается ей на помощь, он колотит рыцаря, а Мариторнес прыгает на кровать Санчо, и они принимаются отвечать друг другу тумаки. Эта сцена с озорной служанкой и скандалом полностью соответствует литературным вкусам того времени. Но обратите, пожалуйста, внимание на то, что совершенно независимо от работы воображения, глава за главой вовлеченного в сочинение книги, здесь также присутствует искусная, тонкая, а порой несколько отчаянная сосредоточенность на том, чтобы подогреть читательский интерес, варьируя художественные средства. Посмотрите, какие точные и красочные детали использует Сервантес. Здесь он опять выступает предтечей истинных романтиков, а не пресных абстрактных произведений XVIII века с их чисто нравоучительными ландшафтами.

«Вообще говоря, Сид Ахмет Бен-инхали — повествователь чрезвычайно любознательный и во всех отношениях добросовестный: это явствует из того, что все, о чем мы здесь сообщаем, даже низменное и ничтожное [порядок расположения кроватей в «звездном стойле», где спали рыцарь, оруженосец и погонщик], не пожелал он обойти молчанием, и с него не худо бы взять пример историкам солидным, чей слишком беглый и чересчур сжатый рассказ о событиях течет у нас по усам, а в рот не попадает, и которые то ли по собственной небрежности, то ли из коварных побуждений, то ли по своему невежеству оставляют самую суть дела на дне чернильницы. Но да будут стократ прославлены автор [анонимный] «Табланта Рикамонтского» [1531] и автор [на самом деле несколько авторов] книги о подвигах графа Томильяса [1498]: до чего же обстоятельно они все описывают!»

Впрочем, с тех пор отношение к рыцарским романам заметно изменилось в лучшую сторону. Как для Мольера существовали «хорошие» жеманницы и «плохие» (т. е. «смехотворные») жеманницы, так, очевидно, и для Сервантеса, как и для мнимого летописца Бен-инхали, — а также для священника на первых страницах книги — есть «хорошие» и «плохие» рыцарские романы. Из-за того что «доселе невиданное умопомешательство» Дон Кихота вызвано как плохими, так и хорошими романами — с незначительным преимуществом хороших, потому что он был опытный, впечатлительный и разборчивый читатель, — пародия на жанр оказалась в тяжелом положении; иными словами, тема пародии, включавшая в себя по меньшей мере шесть различных аспектов, теперь должна либо исчезнуть, либо принять совершенно иной оборот.

ГЛАВА 17

Дон Кихот затевает ссору со стражником Святого братства (дорожной полиции), и тот запускает ему в голову железным светильником. Чтобы вылечить рану, Дон Кихот изготавливает по памяти целебный бальзам Фьерабраса, в состав которого входят розмарин (разновидность мяты), оливковое масло, соль и вино. И тут же изъявляет желание его испытать. Описание воздействия полквартиры бальзама на два различных организма, Дон Кихота и Санчо Пансы — один после жестокой рвоты засыпает и просыпается совершенно здоровым, другой страдает от жестокой боли в животе, а после, извергнув выпитое, бьется в судорогах и проводит ночь без сна, — это описание сродни точному клиническому наблюдению. Разумеется, главной причиной всех несчастий стало оливковое масло.

Вся эта глава, с подкидыванием Санчо на одеяле и великодушным поступком уродливой и распутной служанки в конце ^{44}, великолепна.

Испытывая очередной приступ «доселе невиданного умопомешательства», Дон Кихот принимает два стада овец, поднявших облако пыли, за две вражеские рати. Санчо протестует:

«— Сеньор! Верно, черт унес всех ваших великанов и рыцарей, я по крайней мере их не вижу: они тоже, поди, заколдованы не хуже вчерашних привидений.

— Как ты можешь так говорить! — воскликнул Дон Кихот. — Разве ты не слышишь ржанья коней, трубною звука и барабанного боя?

— Я слышу только бляенье овец и баранов, — отвечал Санчо».

Чтобы закончить описание битвы, Сервантес обращается к проверенному средству: погонщики мулов или пастухи поспешно покидают сцену действия, увидев, что они не только выбили безумцу несколько зубов, но сшибли его с коня, а возможно, и убили. Тема реальности и ее трансформации в этой главе также заслуживает внимания. Чтобы окончательно удостовериться в том, что все случившееся — происки волшебников, Дон Кихот предлагает даже провести научный эксперимент.

«— Не говорил ли я вам, сеньор Дон Кихот, чтобы вы не вступали в бой, а возвращались назад, потому что это не войско, а стадо баранов?

— Вот на какие ухищрения и подделки способен этот гнусный волшебник, мой враг. Знай, Санчо, что таким, как он, ничего не стоит ввести нас в обман, и вот этот преследующий меня злодей, позавидовав славе, которую мне предстояло стяжать в бою, превратил вражескую рать в стадо овец. Если же ты все еще сомневаешься, Санчо, то, дабы ты разуверился и признал мою правоту, я очень прошу тебя сделать одну вещь: садись на осла и не торопясь следуй за ними, — ты увидишь, что, отойдя на незначительное расстояние, они вновь примут первоначальный свой вид и из баранов снова превратятся в самых настоящих людей, в тех людей, о которых я тебе рассказывал. Но только ты погоди, — сейчас я нуждаюсь в твоей помощи и поддержке. Подойди поближе и посмотри, сколько мне выбили коренных и передних зубов, — по-моему, у меня ни одного не осталось».

Вскоре Дон Кихота, в очередной раз прибегшего к помощи магического бальзама, вновь стошнит, и это представляется нам явным излишеством, в особенности после балагана в прошлой главе.

Рыцарь и его оруженосец находятся в весьма плачевном состоянии.

Дон Кихот обращает в бегство похоронную процессию, вообразив, что это черти, везущие на колеснице тело убитого или раненого рыцаря.

«Люди в балахонах, народ боязливый и к тому же еще безоружный, мгновенно, не оказав ни малейшего сопротивления, покинули поле битвы и с горящими факелами в руках помчались в разные стороны, так что, глядя на них, можно было подумать, что это ряженные затеяли веселую игру в праздничную ночь. Что же касается облаченных в траур, то они, запутавшись в долгополом своем одеянии, не могли сдвинуться с места, вследствие чего Дон Кихот совершенно безнаказанно и отколотил их всех до единого <...>».

Все это — первоклассная описательная проза. Нам остается полагаться здесь на переводчика. К сожалению, мы лишены возможности восхищаться этим отрывком по-испански и непосредственно ощутить чистоту кастильского стиля.

«Санчо смотрел на все это и, дивясь смелости своего господина, говорил себе: "Стало быть,

мой господин и на деле так же храбр и силен, как на словах"».

ГЛАВА 20

Тонкое искусство, с которым Сервантес чередует приключения своего героя, выше всяких похвал. В интересах художественного равновесия нашему рыцарю совершенно необходимо одержать легкую и красивую победу в девятнадцатой главе. Участники похоронной процессии получили по заслугам — незачем было рядиться в ку-клукс-клановские балахоны и зажигать факелы. Вот что, в сущности, говорит Дон Кихот молодому священнику, которому он сломал ногу. Читатель ничуть не обеспокоен плачевным положением плакальщиков в белом, его радует не только абстрактная победа Дон Кихота, но и то, что Санчо Панса позаимствовал у ряженых священников съестные припасы.

Двадцатая глава начинается с великолепного научного наблюдения Санчо Пансы:

«— Эта трава, государь мой, указывает не на что иное, как на то, что где-нибудь поблизости протекает источник или же ручей, питающий ее своею влагой, а потому нам следовало бы пройти чуть подалее: уж верно, мы найдем, где утолить страшную жажду, а ведь жажда доставляет куда больше мучений, нежели голод». С тех пор как мы встретились с ними впервые, и рыцарь, и оруженосец заметно поумнели. В этой же главе Санчо демонстрирует способности рассказчика; история о переправе коз через реку весьма занята.

Пастух со своим стадом покидает родные края, чтобы не видеть больше вероломной возлюбленной. Он подходит к берегу реки Гуадианы, через которую нет переправы. «Между тем, оглядевшись по сторонам, заметил он рыбака подле лодки, такой маленькой, что поместиться в ней могли только один человек и одна коза. Все же он окликнул рыбака и уговорился, что тот переправит и его самого, и все его триста коз. Сел рыбак в лодку и перевез одну козу, вернулся и перевез другую, потом опять вернулся и перевез третью. Ведите счет, ваша милость, тем козам, которых переправляет рыбак, потому если только вы на одну ошибетесь, то и сказке моей конец, и мне уже нельзя будет прибавить к ней ни единого слова. Так вот, стало быть, тот берег был глинистый, скользкий, и из-за этого пастух тратил много времени на переправу. Как бы то ни было, он вернулся еще за одной козой, потом еще за одной, потом еще за одной.

— Считаю, что он уже перевез всех, — сказал Дон Кихот, — и перестань снова по реке, иначе ты их и за год не перевезешь.

— Сколько он их до сего времени переправил? — спросил Санчо.

— А черт его знает! — отвечал Дон Кихот.

— Говорил я вам: хорошенько ведите счет. Вот и кончилась моя сказка, — рассказывать дальше нельзя, клянусь Богом.

— Как же это? — воскликнул Дон Кихот. — Неужели так важно знать, сколько именно коз перевезено на тот берег, и если хоть раз сбиться со счета, то ты уже не сможешь рассказывать дальше свою историю?

— Нет, сеньор, никак не могу, — отвечал Санчо. — Потому, когда я спросил вашу милость, сколько коз было перевезено, а вы мне ответили, что не знаете, в ту же минуту у меня вылетело из головы все, что я должен был досказать, а ведь история моя, право, занятная и поучительная.

— Итак, — сказал Дон Кихот, — история твоя кончилась?»

Кончилась. История, которую взялся рассказывать Санчо, — это старый трюк, возможно, восточного происхождения. Далее следует еще одна сцена в грубом духе того времени — Санчо опорожняет кишечник, — а за ней приключение — или, скорее, отсутствие приключения — с

ГЛАВА 21

Вдали на дороге появляется человек с каким-то предметом на голове, сверкающим под дождем и солнцем, точно золото. Дон Кихот спрашивает:

«— Скажи, разве ты не видишь, что навстречу нам едет всадник на сером в яблоках коне и что на голове у него золотой шлем?»

— Я ничего не вижу и не различаю, — отвечал Санчо, — кроме человека верхом на пегом осле, совершенно таком же, как мой, а на голове у этого человека что-то блестит.

— Это и есть шлем Мамбрина, — сказал Дон Кихот. — Удались же и оставь меня с ним вдвоем. Ты увидишь, что я, даром времени не теряя, без лишних слов покончу с этим делом, и шлем, о котором я так мечтал, будет мой».

Шлем, доставшийся Дон Кихоту от поверженного цирюльника — цирюльника номер два, — был тазом для бритья, который цирюльник, спасаясь от непогоды, водрузил себе на голову. В конце главы Дон Кихот пускается в пространное описание приема, который оказывают во дворце странствующему рыцарю; здесь Сервантес, не опускаясь до карикатуры, предлагает нам восхитительный образчик рыцарского романа. «У каждого эпизода, — говорит цитируемый Путнамом Джон Ормсби, автор выполненного в XIX веке перевода «Дон Кихота», — «отыщется множество источников в этих романах». Эта очень лиричная и трогательная глава заслуживает пристального рассмотрения.

ГЛАВА 22

Дон Кихот видит, «что навстречу ему по той же самой дороге идут пешком человек двенадцать, нанизанных, словно четки, на длинную железную цепь, обмотанную вокруг их шеи, все до одного в наручниках. Цепь эту сопровождали двое верховых и двое пеших, верховые — с самопалами, пешие же — с копьями и мечами». В этой цепи каторжников, угоняемых на галеры, были: 1) молодой парень, укравший корзину с бельем (осужденный за *любовь* к белью); 2) грустный каторжник, который «спел» — признался под пыткой, — что он занимался конокрадством (*невец* на дыбе); 3) осужденный за долг в пять дукатов (около двенадцати долларов); 4) человек с благородным лицом, «торговец живым товаром» (сводник), которого *нарядили* и торжественно *прокатили верхом*; 5) студент, который слишком много баловался (*знаток латыни*); 6) загадочный вор Хинес де Пасамонте, тюремный гений, написавший историю своей жизни, который вскоре омрачит победу Дон Кихота, украв у Санчо Пансы осла.

Дон Кихот зовет их «любезнейшими братьями». Он здесь затем, чтобы «защищать обиженных и утесняемых власть имущими». Однако одержанная им победа над конвойными, обращается в поражение от тех, кого он избавил от цепей. То, что освобожденные каторжники забрасывают его камнями, — логический результат его безумия (он требует, чтобы они явились к Дульсинее), равно как и их освобождение.

ГЛАВА 23

В Сьерре-Морене Дон Кихот встречает Карденьо, Оборванца Жалкого Образа. (Кража Санчева осла — вставка самого Сервантеса, при этом он не потрудился исправить последующие отрывки, где Санчо, как и прежде, разъезжает верхом на сером.) Сразу же начинается

приключение с найденной записной книжкой, принадлежащей отвергнутому влюбленному, Карденьо. Эта рукопись находится внутри другой рукописи — не будем забывать, что с некоторых пор (если быть точным, начиная с девятой главы) история Дон Кихота якобы выходит из-под пера арабского летописца.

«Перелистав почти всю книжку, он [Дон Кихот] обнаружил еще несколько стихотворений и писем, причем одни ему удалось разобрать, а другие нет, но все они заключали в себе жалобы, пени, упреки, выражения удовольствия и неудовольствия, восторг обласканного и плач отвергнутого. В то время как Дон Кихот просматривал книжку, Санчо подверг осмотру чемодан, и во всем чемодане, равно как и в подушке, не осталось ни единого уголка, который он не обыскал бы, не изучил и не исследовал, ни единого шва, который он не распорол бы, ни единого клочка шерсти, который он не растрепал бы, дабы ничего не пропустить по своему небрежению или оплошности — до того разлакомился он, найдя более ста золотых монет. И хотя сверх найденного ему больше ничего не удалось найти, однако он пришел к мысли, что и полеты на одеяле, и изверженный напиток, и дубинки, коими его вздули, и кулаки погонщика, и исчезновение дорожной сумы, и похищение пыльника, а также голод, жажда и утомление, которые он изведal на службе у доброго своего господина, — все это было не зря, ибо нашему оруженосцу казалось, что его с лихвою вознаграждает милость, какую явил ему Дон Кихот, отказавшись в его пользу от этой находки».

Важное наблюдение: мы знаем, что Дон Кихот готов превратить любую «самую тусклую» действительность в украшенную разноцветными перьями иллюзию. Но теперь сама действительность принимает цвета вдохновивших его рыцарских романов. Рассказанная в этой главе история отвергнутого влюбленного имеет все атрибуты этих самых романов. На горном перевале Дон Кихот достигает вершины, где иллюзия сливается с реальностью. Вопрос о пародии на странствующих рыцарей здесь снимается.

«Подойдя к ним, юноша [Карденьо] приветствовал их голосом сдавленным и хриплым, с отменною, впрочем, учтивостью. Дон Кихот ответил на его поклон не менее любезно и, спешившись, с чрезвычайным дружелюбием и непринужденностью обнял его, и так долго сжимал он его в своих объятиях, словно они были век знакомы. Юноша, которого мы могли бы назвать *Оборванцем Жалкого Образа*, подобно как Дон Кихот есть *Рыцарь Печального Образа*, прежде дал себя обнять, а затем слегка отстранил Дон Кихота и, положив ему руки на плечи, стал в него всматриваться с таким видом, будто желая уяснить себе, знаком он с ним или нет; по всей вероятности, облик, фигура и доспехи Дон Кихота повергли его в такое же точно изумление, в какое он сам поверг Дон Кихота. В конце концов после объятия первым заговорил оборванец и повел речь, о которой будет речь впереди».

ГЛАВА 24

В этой главе Оборванец Жалкого Образа рассказывает свою историю, которую Дон Кихот выслушивает с профессиональным интересом. Юноша также называет себя Рыцарем Гор или Рыцарем Леса. И тот и другой теперь прочно стоят на почве реальности, которая совершенно слилась с иллюзией рыцарских романов.

«— Что до меня, то я твердо намерен быть вам полезным, <...> я заклинаю вас, сеньор, тою великою учтивостью, какою, я вижу, вы отличаетесь, и ради того, что вы больше всего на свете любили или же любите, молю вас: скажите мне, кто вы таков и почему вы приняли решение жить и умереть, подобно дикому зверю, в пустынных этих местах, где вы принуждены нарушить весь свой привычный уклад жизни, о котором свидетельствуют одежда ваша и облик? Я же,

грешный и недостойный, — примолвил Дон Кихот, — клянусь тем рыцарским орденом, к которому я принадлежу, и саном странствующего рыцаря, что если вы, сеньор, уважите мою просьбу, то я буду служить вам с тою преданностью, к которой меня обязывает мое звание, и либо выручу вас из беды, если только она поправима, либо, как я вам уже обещал, вместе с вами буду лить слезы». Заметьте, что Дон Кихот проявляет незаурядное остроумие: когда Карденьо попросил не прерывать его печального рассказа, «слова оборванца привели Дон Кихоту на память тот случай, когда он, слушая сказку своего оруженосца, все никак не мог сосчитать коз, которых переправляли через реку, вследствие чего конец этой истории остался неизвестен».

Влюбленный Карденьо горько сетует на судьбу. «О небо, сколько писем написал я ей! Сколько трогательных и невинных посланий получил в ответ! Сколько песен я сочинил и стихов о любви, в коих душа изъясняла и изливала свои чувства, выражала пламенные свои желания, тешила себя воспоминаниями и давала волю своему влечению!» и т. д. и т. п. «Случилось, однако ж, так, что Лусинда попросила у меня почитать один рыцарский роман, до которого она была большая охотница, а именно «Амадиса Галльского» <...>

— Если б ваша милость с самого начала предуведомила меня, что ее милость сеньора Лусинда — охотница до рыцарских романов, то никаких других славословий не понадобилось бы для того, чтобы уверить меня в возвышенности ее ума, да ум у нее и не был бы столь тонким, как это вы, сеньор, утверждаете, когда бы она к столь занимательному чтению не имела пристрастия, а потому ради меня не должно тратить много слов на описание ее красоты, добродетели и ума, — довольно мне узнать ее вкус, и я сей же час признаю ее прекраснейшею и разумнейшею женщиною в мире. И мне бы очень хотелось, сеньор, чтобы вместе с «Амадисом Галльским» ваша милость послала ей «Дона Рухела Греческого», — я уверен, что сеньоре Лусинде очень понравятся Дараида и Гарайя, остроумие пастушка Даринеля, а также чудесные стихи его буколик, которые он с величайшей приятностью, искусно и непринужденно пел и исполнял. Однако со временем замеченный мною пробел будет восполнен, и время его восполнения настанет, как скоро ваша милость соизволит отправиться вместе со мною в мою деревню, ибо там я предоставляю в ваше распоряжение более трехсот романов, каковые суть услада моей души и радость моей жизни. Впрочем, не остается сомнений, что у меня ни одного романа уже не осталось, — по милости злых волшебников, завистливых и коварных. Простите же меня, ваша милость, за то, что я нарушил обещание не прерывать вас, но когда при мне говорят о рыцарских делах и о странствующих рыцарях, то не поддержать разговор зависит от меня в такой же мере, в какой от лучей солнца зависит не греть, а от лучей месяца — не увлажнять землю. Итак, прошу простить меня и продолжать, что было бы сейчас как нельзя более кстати.

Пока Дон Кихот вел с Карденьо вышеприведенную речь, тот, свесив голову на грудь, казалось, впал в глубокое раздумье. Дон Кихот дважды обращался к нему с просьбой продолжать свой рассказ, но он не поднимал головы и не отвечал ни слова; по истечении долгого времени он, однако же, вскинул голову и сказал:

— Я стою на том, — и не родился еще такой человек, который бы меня с этого сбил или же доказал обратное, да и дурак тот, кто думает и рассуждает иначе, — что эта архибестия лекарь Элисабат сожительствовал с королевой Мадасимой.

— Ах вы, такой-сякой! — в великом гневе вскричал Дон Кихот (по своему обыкновению выразившийся сильнее). — Да это есть величайшее с вашей стороны вероломство или, лучше сказать, низость! Королева Мадасима — весьма почтенная сеньора, и нельзя себе представить, чтобы столь знатная особа сошлась с каким-то коновалом, а кто утверждает противное — тот лжет, как последний мерзавец. И я берусь ему это доказать пеший и конный, вооруженный и безоружный, и ночью и днем, словом, как ему будет угодно.

Карденьо смотрел на него весьма внимательно; он уже находился в состоянии умоисступления и не способен был продолжать рассказ, точно так же как Дон Кихот — слушать, ибо то, что он услышал о королеве Мадасиме, возмутило его. Странное дело: он вступился за нее так, как если бы она воистину была его истинною и природною сеньорой, и все из-за этих богомерзких романов! Карденьо, как известно, и без того был не в себе, когда же ему надавали всяких оскорбительных названий вроде лжеца, мерзавца и тому подобных, то он рассердился не на шутку и, запустив в Дон Кихота первым попавшимся булыжником, угодил ему в грудь, так что тот повалился навзничь».

Какой мастерский прием! Соединив иллюзию рыцарских романов с реальностью скалистых гор и оборванной нищеты, автор переключает передачу на безумие, причина которого кроется не в чувствах героев рыцарских историй (такими героями в данном случае являются Дон Кихот с Карденьо), а в чтении подобных историй. Лусинда, эта нежная абстракция, заменяется еще более абстрактной абстракцией — королевой Мадасимой из старинных романов. Вся история Дон-Кихотовых приключений возвращается к своей предпосылке: низкопробная литература размягчает мозги. В конце главы Санчо бросается на защиту своего господина, но Карденьо одним ударом сшибает его с ног; козопаса, пытавшегося защитить Санчо, постигает та же участь. Карденьо убегает, а Санчо с козопасом колотят друг друга.

ГЛАВА 25

Рыцарь со своим оруженосцем поднимаются на самую крутизну, продолжая обсуждать историю Мадасимы и Элисабата. Оказывается, Амадис, любимый рыцарь Дон Кихота, «был одним из лучших рыцарей в мире. <...> Единственным, первым, непревзойденным, возвышавшимся над всеми, кто только жил в ту пору на свете». Гомер и Вергилий «изображали и описывали своих героев [Одиссея и Энея] не такими, каковы они были, а такими, каковыми они должны были бы быть, и тем самым указали грядущим поколениям на их доблести как на достойный подражания пример. Так же точно и Амадис был путеводною звездой, ярким светилом, солнцем отважных и влюбленных рыцарей, и мы все, сражающиеся под стягом любви и рыцарства, должны ему подражать».

Дон Кихот намеревается подражать Амадису, делая вид, что обезумел и впал в отчаяние.

«— Сдается мне, — сказал Санчо, — что вытворять все это рыцарей заставляла необходимость, что у них была причина каяться и валять дурака. Ну, а у вашей милости что за причина сходить с ума? Что, вас отвергла дама, что ли, или вы нашли следы и установили, что сеньора Дульсинея Тобосская резвилась с каким-нибудь мавром или христианином?

— В этом-то вся соль и есть, — отвечал Дон Кихот, — в этом-то и заключается необычность задуманного мною предприятия. Кто из странствующих рыцарей по какой-либо причине сошел с ума, тот ни награды, ни благодарности не спрашивай. Весь фокус в том, чтобы помешаться без всякого повода и дать понять моей даме, что если я, здорово живешь, свихнулся, то что же будет, когда меня до этого доведут.

Встреча с отвергнутым рыцарем наводит Дон Кихота на мысль послать письмо Дульсинее. Узнав, кто она такая на самом деле, Санчо Панса описывает ее так:

«— Те-те-те! — воскликнул Санчо. — Стало быть, дочь Лоренсо Корчуэло, — иначе говоря, Альдонса Лоренсо, и есть сеньора Дульсинея Тобосская?

— Она самая, — подтвердил Дон Кихот, — и она же достойна быть владычицею всей вселенной.

— Да я ее прекрасно знаю, — молвил Санчо, — и могу сказать, что барру она мечет не хуже

самого здорового парня изо всей нашей деревни. Девка ой-ой-ой, с ней не шути, и швея, и жница, и в дуду игрица, и за себя постоять мастерица, и любой странствующий или только еще собирающийся странствовать рыцарь, коли она согласится стать его возлюбленной, будет за ней как за каменной стеной. А уж плотка, мать честная, а уж голосина! Взобралась она как-то, изволите ли видеть, на нашу деревенскую колокольню и давай скликать отцовских батраков, и хотя они работали в поле, больше чем за полмили от деревни, а слышно им было ее, как будто они внизу, под самой колокольней, стояли. А главное, она совсем не кривляка — вот что дорого, готова к любым услугам, со всеми посмеется и изо всего устроит веселье и потеху. <...> И я бы уж хотел быть в дороге для того только, чтобы повидать ее, ведь я ее давно не видел, она, наверное, здорово изменилась, день-деньской в поле, на солнце, на воздухе, а от этого цвет лица у женщин портится.

И вот восхитительный, благородный и абсолютно логичный ответ Дон Кихота: «Надобно тебе знать, Санчо, если ты только этого еще не знаешь, что более, чем что-либо, возбуждают любовь две вещи, каковы суть великая красота и доброе имя, а Дульсинея имеет право гордиться и тем и другим: в красоте она не имеет соперниц, и лишь у весьма немногих столь же доброе имя, как у нее. Коротко говоря, я полагаю, что все сказанное мною сейчас — это сушая правда и что тут нельзя прибавить или убавить ни единого слова, и воображению моему она представляется так, как я того хочу: и в рассуждении красоты и в рассуждении знатности, и с нею не сравнится Елена, и до нее не поднимется Лукреция и никакая другая из славных женщин протекших столетий, — равной ей не сыщешь ни у греков, ни у латинян, ни у варваров. А люди пусть говорят что угодно, ибо если невежды станут меня порицать, то строгие судьи меня обелят».

Дон Кихот пишет письмо в записной книжке Карденьо, и Санчо отправляется в путь на Росинанте (его серый украден Хинесом де Пасамонте).

ГЛАВА 26

Сюжет постепенно набирает обороты и вызывает уже не просто эпизодический интерес. Мы горим желанием сопровождать Санчо Пансу в Тобосо. По пути он встречается священника с цирюльником и говорит: «Мой господин в свое удовольствие кается сейчас в горах», что точно определяет происходящее. «И тут Санчо единым духом все выпалил и рассказал о том, в каком состоянии оставил он Дон Кихота, какие были у его господина приключения и как он, Санчо Панса, отправился с письмом к сеньоре Дульсинее Тобосской. <...> Санчо Панса сунул руку за пазуху и поискал книжку, но так и не нашел, да если б он искал ее даже до сего дня, то все равно не нашел бы, потому что она осталась у Дон Кихота, и тот забыл ему передать, а Санчо невдомек было напомнить». То, что Санчо забыл взять записную книжку и письмо, — восхитительный, гениальный ход. Перевирая отрывки из письма, он рассуждает об ожидающих его, Санчо Пансу, богатствах. «Все это Санчо проговорил весьма хладнокровно, время от времени прочищая нос и с таким глупым видом, что его односельчане снова дались диву при мысли о том, сколь пылким должно быть безумие Дон Кихота, если увлекло оно за собою рассудок бедняги Санчо».

Чтобы убедить Дон Кихота спуститься с гор, священник предлагает следующий план: он сам переоденется девицей, а цирюльник — ее слугой и девица попросит Дон Кихота последовать за ней, чтобы отомстить за оскорбление, нанесенное неким злым рыцарем.

ГЛАВА 27

Теперь сюжет развивается в двух направлениях: мы с нетерпением ждем встречи Санчо Пансы с Дульсинеей, не забывая в то же время о маскараде, который задумали устроить священник с цирюльником, чтобы вернуть домой Дон Кихота. Однако Санчо Панса поворачивает назад, присоединившись к друзьям своего господина.

Священник отличный парень, он озабочен не тем, что Дон Кихот приносит покаяние самым фантастическим образом, совсем не так, как подобает христианину, а тем, что друг его болен и нуждается в помощи и лечении. Как я уже замечал в связи с замуровыванием книгохранилища Дон Кихота, поступки священника (переодевание женщиной и т. д.) свидетельствуют о том, что этому доброму человеку также присуща веселая склонность к помешательству.

Дон Кихот не слышал конца истории Карденьо, но теперь два его друга встречают юношу в горах, и он рассказывает о том, как потерял Лусинду из-за предательства своего друга дона Фернандо. Весьма любопытно, что поистине романтические и драматические события развиваются, так сказать, за спиной у Дон-Кихотовых книг. Злодей дон Фернандо — подходящий соперник для нашего героя, мысли которого заняты теперь совсем другим. Смотрите, с каким мастерством передана игра цвета и света в описании свадьбы Лусинды: «Немного спустя из гардеробной вышла Лусинда вместе с матерью и двумя своими служанками, в приличествующем ее знатности и красоте великолепном уборе и наряде, как, и подобало быть наряженною той, что являла собой верх изящества и благородного в самой роскоши вкуса. Изумление и гнев помешали мне во всех подробностях рассмотреть и запомнить ее наряд. Мне бросились в глаза лишь его цвета: алый и белый, и сверканье драгоценных камней, коими был унизан головной убор и одежда, но все это меркло в сравнении с необычайною красотой чудесных ее золотистых волос, которые, успешно состязаясь с драгоценными камнями и светом четырех факелов, горевших в зале, во всем своем блеске глазам представлялись».

ГЛАВА 28

Автор находит, что его сюжет похож на клубок яркой пряжи — в начале этой главы он упоминает «чесаную, крученую и намотанную нить» своей истории.

Появляется второе существо, подверженное романтическому умопомешательству, — переодетая юношей Доротея. В сердце Сьерры-Морены^[45], считая Дон Кихота, безумствуют трое. Доротея являет собой образец утонченности и многоречивости — преамбулу Доротеи можно свести к пяти простым фразам. Заметим далее забавное, типичное для романтических историй совпадение: совратитель Доротеи Фернандо — враг нашего друга Карденьо. Посмотрите, как ведет себя Карденьо при упоминании имени Лусинды: он «тотчас передернул плечами, закусил губу, нахмурил брови, и вслед за тем из глаз его хлынули потоки слез».

Доротея продолжает рассказ в стиле, удивительно напоминающем «Теннессикий вальс». Карденьо приятно удивлен описанием свадьбы Лусинды:

«<...> в тот вечер, когда дон Фернандо обручился с Лусиндой, после того, как она изъявила согласие быть его супругой, с ней приключился глубокий обморок, супруг же ее, расстегнув ей корсаж, чтобы легче было дышать, обнаружил у нее на груди написанную собственной ее рукой записку, в коей она уведомляла и объявляла, что не может быть женою дона Фернандо, ибо она жена Карденьо, некоего весьма знатного, по словам того, кто мне это рассказывал, кавальеро, местного уроженца, и что она дала согласие дону Фернандо единственно потому, что не желала выходить из родительской воли». Смотрите, как искусно разворачивается на шестидесяти страницах (до настоящего момента) приключение Карденьо-Лусинды, прерываемое лишь затем, чтобы, во-первых, заставить читателя гадать, какую именно обиду Фернандо нанес Карденьо, и

во-вторых, каково содержание письма, обнаруженного Фернандо за корсажем его невесты. С художественной и структурной точки зрения эти заурядные интерполяции нужны лишь для того, чтобы произвести определенное воздействие на Дон Кихота, способствуя тем самым дальнейшему развитию романа. Я уже говорил об их связи с прочитанными Дон Кихотом книгами. В самом деле, между Доротеей и хорошо вам известной юной леди в рваных шортах, с декольте ниже уровня моря и грушевидной слезой на щеке — Дейзи Мей, нет почти никакого различия. Но Доротея и подобные ей девицы появились на свет первыми, четыреста лет назад, когда европейская литература переживала период своего младенчества, и иногда становится грустно оттого, что нам приходится рассматривать этих героинь через призму современной коммерческой стряпни.

ГЛАВА 29

История Карденьо-Лусинды-Фернандо-Доротеи продолжается. Карденьо говорит Доротее: «И клянусь честью кавальеро и честью христианина, я не покину вас до тех пор, пока дон Фернандо не вернется к вам, и коли мне не удастся словами убеждения пробудить в нем сознание долга, то, позабыв обиды, которые он нанес мне, и предоставив покарать его за них Небу с тем, чтобы здесь, на земле, отомстить за нанесенные вам, я воспользуюсь тою свободой действий, какую предоставляет звание кавальеро, и с полным правом вызову его на поединок за ту неправду, которую он по отношению к вам учинил». Именно так и сказал бы Дон Кихот. Здесь пародия на галантный роман совершенно теряется в самом галантном романе, каким бы глупым он ни был. Жизнь играет Дон Кихотом и его книгами, но если ветряные мельницы и трактирщики в романе кажутся нам более или менее реальными, то есть соответствуют представлению среднего читателя о ветряных мельницах и трактирщиках, то изнывающие от любви юноша и девушка представляются нам порождением той самой сентиментальной литературы, которая и свела с ума Дон Кихота. Прошу вас обратить на это особое внимание.

Теперь Дон Кихот у нас в руках. Доротея очень вовремя заявляет, что «<...> лучше цирюльника сыграет беззащитную девицу, — к тому же у нее есть соответствующий наряд, так что у нее это выйдет натуральнее, и пусть-де ей поручат изобразить все, что нужно для того, чтобы их начинание увенчалось успехом, ибо она прочла много рыцарских романов и отлично знает, как изъясняются обиженные девицы, когда просят помощи у странствующих рыцарей».

Мы не улавливаем тонкого различия между ее истинным положением и положением оскорбленной девицы из рыцарских романов. Мы не отделяем одно от другого, и Дон Кихот таким образом превращается в настоящего странствующего рыцаря, настоящего заступника и мстителя, ведь Доротея в сущности и есть обиженная девица. Для современников автора, читателей начала XVII века, это различие, возможно, было более очевидным, поскольку на их восприятие влияло важное обстоятельство: 1) отсутствие странствующих рыцарей в доспехах на просторах Испании и 2) присутствие Фернандо и Доротеи, а также их любовной истории в романах того времени. Заметьте, как тонко священник перемещает акцент с истинного положения Доротеи на историю, которая может понравиться команде Дон Кихота и Санчо Пансы. Эта девушка, говорит он Санчо, «является, между прочим, прямою наследницею по мужской линии великого королевства Микомиконского, а разыскивает она твоего господина, дабы обратиться к нему с просьбою о заступлении и об отмщении за нанесенные ей неким злым великаном обиду и оскорбление, слава же о столь добром рыцаре, каков твой господин, идет по всей земле, и принцесса сия прибыла из Гвинеи, дабы его сыскать».

Отметим, что Санчо Панса верит выдумке священника, хотя и входит в число заговорщиков,

намеренных вернуть Дон Кихота домой. Подмена истории Фернандо небылицей об убийстве великана, где жертва первого играет роль жертвы последнего, весьма примечательна с точки зрения *построения романа*. Дон Кихот, предполагаем мы, с таким же успехом мог бы защитить Доротею в ее настоящей беде. Захваченное королевство, о котором она говорит, — не что иное, как благовидный эвфемизм похищенной невинности. Тема рыцарских романов, обычно сбивающих Дон Кихота с толку, в своей абсурдности поднялась еще на одну зарубку. Но реакция на этот абсурд со стороны Дон Кихота, который благодаря художественному и нравственному гению своего создателя стал художественной реальностью для читателей всех времен, — эта реакция человечна, божественна, абсолютно восхитительна и трогательна, как и все его жесты, и это искупает недостатки вставных новелл.

«— Кто бы она ни была, — возразил Дон Кихот, — я поступлю так, как я обязан поступить и как мне велит моя совесть, в полном соответствии с данным мною обетом.

И, обратясь к девице, молвил:

— Великая красота ваша да восстанет, — я согласен оказать просимую вами услугу».

Во время беседы рыцаря с Доротеей «цирюльник все еще стоял на коленях, прилагая огромные усилия к тому, чтобы не прыснуть, и придерживая рукой бороду [фальшивую], которой падение могло бы им всем помешать осуществить благое их начинание». Но начинание это не благое, и смеяться тут не над чем. Мы сразу же видим: перед нами настоящая обиженная девица и настоящий рыцарь.

Фантастические мечты Санчо Пансы о неграх, его фантастических вассалах, не так уж фантастичны. Когда вся компания спускается с гор, Санчо, скорбя о потере серого, идет пешком, «<...> однако на сей раз он к этому отнесся легко, — он утешал себя тем, что его господин уже на пути к тому, чтобы сделаться императором, и вот-вот это сбудется: ведь он, разумеется, был уверен, что Дон Кихот женится на этой принцессе и станет, по меньшей мере, королем Микомиконским. Одно лишь огорчало его — то, что королевство это находится в стране негров и что люди, коих определяют к нему в вассалы, будут чернокожие; впрочем, воображение его тут же указало ему недурной выход, и он подумал: "Ну и что ж такого, что вассалами моими будут негры? Погрузить на корабли, привезти в Испанию, продать их тут, получить за них наличными, купить на эти денежки титул или должность — и вся недолга, а там доживай себе беспечально свой век! Будьте спокойны, мы не прозеваем, у нас хватит сметки и смекалки обстричь это дельце и мигом продать тридцать или там десять тысяч вассалов. Ей-богу, я их живо спущу, всех гуртом или уж как так придется, но только продам-то я черных, а вернутся они ко мне серебряными да золотыми. Нет, я не такой дурак, как вы думаете!" И так все это его занимало и радовало, что он забывал о неудобстве пешего хождения».

В прежние дни множество состояний в Голландии, в Южных Штатах и других местах было сколочено вполне здравомыслящими людьми как раз по рецепту Санчо. Он — дедушка всех магнатов.

ГЛАВА 30

В конце предыдущей главы и в начале настоящей осуществляется композиционное возвращение к давнему происшествию — освобождению Дон Кихотом каторжников, — скрепляющее единство действия. Священник заявляет (ложно), будто освобожденные преступники его ограбили. Сначала Дон Кихот меняется в лице, но потом бросает убедительную и благородную реплику в своем духе: «В обязанности странствующих рыцарей не входит дознаваться, за что таким образом угоняют и так мучают тех оскорбленных, закованных в цепи и

утесняемых, которые встречаются им на пути, — за их преступления или же за их благодеяния. Дело странствующих рыцарей помогать обездоленным, принимая в соображение их страдания, а не их мерзости».

Еще один поворот: на первый взгляд представляется не слишком вероятным, чтобы юная Доротея, находясь в столь плачевном положении, участвовала во всеобщей потехе и придумывала о себе фантастические истории. Сочиненная ею историю не столь фантастична, как происшедшая с ней на самом деле.

«— <...> счастье мне наконец улыбнулось, и я разыскала сеньора Дон Кихота, и теперь я уже могу считать себя королевой и правительницей всего моего королевства, ибо он был настолько великодушен и любезен, что обещал оказать мне услугу и отправиться вместе со мной, куда я его поведу, — поведу же я его прямо к Пандафиланду Мрачноокому, дабы он убил его и возвратил мне то, что Пандафиланд столь незаконно у меня отнял. И все это должно совершиться как по писаному, ибо так предсказал добрый мой отец Тинакрий Мудрый, который к этому еще прибавил и записал не то халдейскими, не то греческими буквами, — я их так и не разобрала, — что если этот предвозвещенный мне рыцарь, обезглавив великана, пожелает вступить со мною в брак, то я немедля и без всяких разговоров должна стать законною его супругой и передать ему власть над моим королевством, а равно и над моею особою.

— Как тебе это нравится, друг Санчо? — обратился тут Дон Кихот к своему оруженосцу. — Видишь, как обстоит дело? А что я тебе говорил? Вот у нас уже и королевство и королева — хоть сейчас бери бразды правления и женись».

Теперь автора волнуют две вещи: 1) отсутствие осла у Санчо Пансы (прежде всего, это совершенно ненужная потеря) и 2) то, что из-за запутанности истории Доротеи и ее участия в заговоре священника автор не может предоставить Дон Кихоту и Санчо Пансе возможность поговорить о Дульсине — а по логике вещей этот предмет должен более всего занимать воспаленный мозг Дон Кихота (хотя здесь можно возразить, что ему интереснее найти Дульсинею как бесплотное видение в зеркале рыцарства, а не как реальную женщину, которой можно послать письмо). К концу главы серый возвращается к Санчо (благодаря вставному эпизоду во втором издании), а Дон Кихот расспрашивает своего оруженосца о Дульсине и возложенном на него поручении.

ГЛАВА 31

«— <...> Вот ты пришел, — чем в это время была занята царица красоты? Вернее всего, низала жемчуг или же золотыми нитками вышивала девиз для преданного ей рыцаря?

— Никак нет, — отвечал Санчо, — она просеивала зерно у себя во дворе.

— Так вот знай же, — сказал Дон Кихот, — что зерна, к коим прикасались ее руки, превращались в жемчужины. А ты не обратил внимания, друг мой, какое это было зерно? Верно, самой лучшей пшеницы?

— Ан нет, самой что ни на есть дешевой, — отвечал Санчо.

— Ну так я тебя уверяю, — сказал Дон Кихот, — что из зерна, просеянного ее руками, вне всякого сомнения получается наичистейший белый хлеб. Но продолжай. Когда ты вручил ей мое послание, поцеловала ли она его? Возложила ли себе на главу? Совершила ли приличествующие моему письму церемонии — словом, что она сделала?

— Когда я передавал ей письмо, — отвечал Санчо, — она с увлечением трясла решето, в коем было изрядное количество пшеницы, и сказала мне: "Положи-ка, милый человек, письмо в мешок, — пока всего не просею, я его читать не стану".

— О мудрая сеньора! — воскликнул Дон Кихот. — Уж верно, это она для того, чтобы прочитать на досуге и получить полное удовольствие».

Важное замечание по поводу построения романа: чтобы сохранить цельность романа (который в данный момент грозит развалиться), Сервантес заставляет своих персонажей либо пересказывать прошлые события, либо вновь появляться на страницах романа, если они действовали в предыдущих главах. Так, направляясь к Дульсинее, Санчо минует постоянный двор, где его подбрасывали на одеяле. Так, священник упоминает о каторжниках; так, мальчуган, которого Дон Кихот хотел спасти от рук жестокого селянина, снова обнимает его колени. Продолжение этих эпизодов в главном русле повествования (которое начинается с пузырьков пародии, а затем течет дальше как рассказ о безумных фантазиях трогательного и благородного человека) — продолжение и развитие этих эпизодов придает повествованию некое пространственное единство, которое ассоциируется у нас с формой романа.

ГЛАВА 32

На постоялом дворе, где собралась разношерстная компания, происходит замечательное обсуждение рыцарских романов — это еще одна тема, которую Сервантес с большим искусством выносит на передний план, чтобы продвинуть и сохранить единство построения книги. Интересно процитировать, что думает по этому поводу не слишком счастливая и не слишком красивая девушка, служанка Мариторнес:

«— Совершенная правда, — подтвердила Мариторнес, — и скажу по чести, я тоже страсть люблю послушать романы, уж больно они хороши, особливо когда пишут про какую-нибудь сеньору, как она под апельсиновым деревом обнимается со своим миленьким, а на страже стоит дуэнья, умирает от зависти и ужасно волнуется. Словом, для меня это просто мед. [Обратите внимание на апельсиновые деревья и завистливую дуэнью.]

— А вы что скажете, милая девушка? — спросил священник, обращаясь к хозяйской дочери.

— Сама не знаю, клянусь спасением души, — отвечала она. — Я тоже слушаю чтение и, по правде говоря, хоть и не понимаю, а слушаю с удовольствием. Только нравятся мне не удары — удары нравятся моему отцу, а то, как сетуют рыцари, когда они в разлуке со своими дамами; право, иной раз даже заплачешь от жалости.

— А если бы рыцари плакали из-за вас, вы постарались бы их утешить, милая девушка? — спросила Доротей.

— Не знаю, что бы я сделала, — отвечала девушка, — знаю только, что некоторые дамы до того жестоки, что рыцари называют их тигрицами, львицами и всякой гадостью. Господи Иисусе! И что же это за бесчувственный и бессовестный народ: из-за того, что они нос дерут, честный человек должен умирать или же сходить с ума! Не понимаю, к чему это кривлянье, — коли уж они такие порядочные, так пускай выходят за них замуж: те только того и ждут».

Весь этот разговор весьма занятен. Первоначальный эпизод сжигания книг всплывает вновь, когда священник хочет сжечь несколько рыцарских романов, оставленных у хозяина постоялого двора. Похоже, священник ценит в них сходство с реальностью или историей.

ГЛАВЫ 33-35

Вставная повесть. Рукопись, хранящаяся в небольшой, но тщательно подобранной библиотеке хозяина. Священник предлагает почитать ее вслух, хотя полезнее было бы употребить время на сон, но тут Сервантес вовремя вспоминает, что Доротее, в ее плачевном

положении, уснуть, возможно, будет нелегко.

«— Для меня лучшим отдыхом было бы послушать какую-нибудь историю, — сказала Доротея. — Смятение, в коем еще пребывает мой дух, все равно не даст мне уснуть, хотя сон был бы мне необходим».

В главе 33 воодушевленный Доротеей священник приступает к чтению повести о безрассудно-любопытном. Треугольник — два друга, Ансельмо с Лотарио, и Ансельмова жена Камилла, которую муж задумал испытать с плачевным для себя результатом, совершенно в духе Ренессанса. Современники автора жадно поглощали эти остросюжетные любовные истории. Мне хочется, чтобы вы обратили внимание на трафаретную метафору земных недр:

«Если же все, какие только ты пожелаешь, богатства, содержащиеся в недрах ее чести, красоты, чистоты и скромности, достаются тебе даром, то к чему тебе рыть землю в поисках новых месторождений нового, доселе невиданного сокровища, рискуя тем, что все может рухнуть, ибо в конце концов все держится на неустойчивых креплениях слабой ее природы? Помни, что кто добивается невозможного, тому отказывают и в возможном». Мы назовем это Сравнением Золотоискателей.

Интрига следует по своему извилистому пути. Любые немислимые уловки, обман и подслушивание служат привычной пружиной действия.

ГЛАВА 36

На постоялый двор прибывают четыре всадника в масках и горько вздыхающая женщина. Лусинда, которой оказывается эта женщина, воссоединяется с Карденьо, а дон Фернандо с Доротеей — все это происходит, пока Дон Кихот спит наверху.

ГЛАВА 37

В начале главы 35 чтение священника было прервано Дон Кихотом, которому приснилось, будто он сразил оскорбившего Доротею великана; на самом деле он пропорол мечом бурдюки с вином, висевшие на стене. Друзья Дон Кихота решают продолжать обман, и после того как рыцарь спрашивает, не превратилась ли она в обыкновенную девушку, Доротея вновь становится Принцессой Микомиконской. На постоялый двор прибывает странник, бывший невольником у мавров, и с ним мавританка под покрывалом. Дон Кихот начинает вдохновенную речь о странствующем рыцарстве.

ГЛАВА 38

Дон Кихот продолжает свою речь. Однако комментатор испанского текста замечает, что «подобное обсуждение темы о поприще ученого и военного — кто терпит большие тяготы, нищий студент или воин и т. п. — уходит корнями в древнюю средневековую литературу и в XVI веке становится общим местом». В данном случае этот отрывок играет важную роль в построении романа: в нужное время и в нужном месте он укрепляет и возвышает дух Дон Кихота. Обратите внимание на резкие слова в адрес огнестрельного оружия, появление которого положило конец тому виду странствующего рыцарства и тому способу ведения боя, которым привержен Дон Кихот:

«Благословенны счастливые времена, не знавшие чудовищной ярости этих сатанинских огнестрельных орудий, коих изобретатель, я убежден, получил награду в преисподней за свое

дьявольское изобретение, с помощью которого чья-нибудь трусливая и подлая рука может отнять ныне жизнь у доблестного кавальера, — он полон решимости и отваги, этот кавальер, той отваги, что воспламеняет и воодушевляет храбрые сердца, и вдруг откуда ни возьмись шальная пуля (выпущенная человеком, который, может статься, сам испугался вспышки, произведенной выстрелом из этого проклятого орудия, и удрал) в одно мгновение обрывает и губит нить мыслей и самую жизнь того, кто достоин был наслаждаться ею долгие годы. И вот я вынужден сознаться, что, приняв все это в рассуждение, в глубине души я раскаиваюсь, что избрал поприще странствующего рыцарства в наше подлое время, ибо хотя мне не страшна никакая опасность, а все же меня берет сомнение, когда подумаю, что свинец и порох могут лишить меня возможности стяжать доблестною моею дланью и острием моего меча почет и славу во всех известных нам странах. Но на все воля Неба, и если только мне удастся совершить все, что я задумал, то мне воздадут наибольшие почести, ибо я встречаюсь лицом к лицу с такими опасностями, с какими странствующие рыцари протекших столетий доселе еще не встречались».

ГЛАВЫ 39-41

За речью Дон Кихота следует Повесть о пленном капитане. Исторический фон здесь — борьба союзников (Фландрии, Венеции и Испании) с турками (турками, маврами, арабами), время — 60-70-е годы XVI века. И вновь испанский комментатор указывает, что рассказ об отце, посылающем в мир трех своих сыновей, чтобы те избрали указанный им путь, — вещь в европейском фольклоре обычная. В данном случае им предлагается выбрать «либо церковь, либо моря, либо дворец короля» — попросту говоря, науку, торговлю или военную службу. Пленение капитана (избравшего военное поприще) представляет особый интерес, так как его история напоминает жизненную историю Сервантеса. При Лепанто «я прыгнул на неприятельскую галеру, но в эту самую минуту она отделилась от нашей, в силу чего мои солдаты не могли за мною последовать, и вышло так, что я очутился один среди врагов, коим я не мог оказать сопротивление по причине их многочисленности, — словом, весь израненный, я попал к ним в плен». Эта вставная повесть совершенно иного сорта, чем предыдущие. Но останется ли ее тон «реалистичным»?

Автор выводит себя в романе под именем испанского солдата Сааведры:

«<...> тот проделывал такие вещи, что турки долго его не забудут, и все для того, чтобы вырваться на свободу, однако ж хозяин мой ни разу сам его не ударил, не приказал избить его и не сказал ему худого слова, а между тем мы боялись, что нашего товарища за самую невинную из его проделок посадят на кол, да он и сам не раз этого опасался. И если б мне позволило время, я бы вам кое-что рассказал о подвигах этого солдата, и рассказ о них показался бы вам гораздо более занимательным и удивления достойным, нежели моя история»^[46].

В сороковой главе история пленника принимает романтический оборот, что не идет ей на пользу. Она в самом деле теряет живые краски. В главе 41 история о прекрасной Зораиде, которая помогла молодому испанцу бежать и убежала вместе с ним, тянется невыносимо долго. [NB! ее отца зовут Хаджи Мурат]. Однако в ней появляется некоторая выразительность, когда старый мавр поносит беглянку-дочь.

«О беспутная девка, о дитя неразумное! Почто отдалась ты во власть этих псов, исконных врагов наших! Да будет проклят тот час, когда я тебя породил, и да будут прокляты веселья и приятности, в коих я взрастил тебя!» Но в целом эта повесть лишь немногим превосходит предыдущие вставные повести, написанные на итальянский лад. Однако в ней есть

привлекательные сцены, как, например, эпизод с галантным французским пиратом. «Было, наверное, около полудня, когда нас посадили в шлюпку и дали нам два бочонка с водой и немного сухарей. Когда же в лодку спускалась прелестнейшая Зораида, капитан, внезапным состраданием движимый, вручил ей сорок золотых и не позволил морякам снять с нее те самые одежды, в коих вы ее сейчас видите». А также очаровательный рассказ о первом человеке, которого они увидели, высадившись в Испании: «И вот, когда мы прошли около четверти мили, до слуха нашего долетел звон колокольчика — явный знак того, что поблизости должно было быть стадо. И, внимательно оглядевшись, не видать ли кого-нибудь, заприметили мы юного пастуха: безмятежный и беззаботный, он, сидя под дубом, вырезал ножом палочку».

ГЛАВА 42

Происшествия на постоялом дворе продолжают. Как только капитан закончил свой рассказ, к воротам подъехала карета. «В это время из кареты вышел человек, по одежде коего можно было тотчас определить чин его и звание, ибо длинная его мантия со сборчатыми рукавами свидетельствовала о том, что слуга не солгал и что это и точно судья. Он вел за руку девушку лет шестнадцати в дорожном одеянии, столь привлекательную, хорошенькую и изящную, что все ею залюбовались, так что, не оказись на постоялом дворе Доротеи, Лусинды и Зораиды, можно было бы подумать, что такой красивой девушки скоро не сыщешь».

Какой приятный сюрприз! Это брат солдата со своей дочерью. Судья получил назначение не куда-нибудь, а в Мексику. Сервантес дерзко нагромождает события и, усадив всю компанию за стол, совсем забывает о том, что постояльцы только что поужинали. Третий из трех братьев живет в Перу, где приобрел огромные богатства. Посмотрите, какую огромную площадь покрывают последние главы: Бельгию, Францию, Италию, Малую Азию, Африку, Центральную и Южную Америку. Два брата обнимаются. «Речи обоих братьев, а равно и сердечное их волнение вряд ли, думается мне, можно себе представить, а не только что передать». Здесь автор падает очень низко. Однако он предпринимает попытку подняться до уровня Дон Кихота: «И вот уже Дон Кихот, молча и с неослабным вниманием следивший за всеми этими необыкновенными событиями, истолковал их во вкусе небылиц о странствующем рыцарстве». Позже, когда все отправились спать, «Дон Кихот вызвался охранять замок, дабы предотвратить нападение какого-нибудь великана или же какого-нибудь недоброго человека, который позарится на бесценные сокровища красоты, в этом замке хранящиеся».

Пока Дон Кихот стоит на страже за воротами постоялого двора, главу прелестно завершает звучащая в темноте песня.

«Порою казалось, что поют во дворе, порой — что в конюшне, и они, все еще находясь в полном недоумении, внимательно слушали, когда к дверям приблизился Карденьо и сказал:

— Если вы не спите, то послушайте: это поет погонщик мулов, и голос у него поистине дивный.

— Мы слушаем, сеньор, — отозвалась Доротея. Карденьо в ту же минуту удалился <...>».

ГЛАВА 43

На постоялом дворе становится тесновато. Отметим, что Сервантес прибегает здесь к испытанному приему «острова», когда персонажи собираются вместе в некоем замкнутом пространстве — на острове, в отеле, на корабле, в самолете, загородном доме, железнодорожном вагоне. В сущности, тот же прием использует Достоевский в своих

совершенно безответственных и несколько старомодных романах, где десяток людей устраивают грандиозный скандал в купе спального вагона — который никуда не едет. А если пойти еще дальше, тот же трюк — собрать несколько человек в одном месте — проделывают сочинители современных детективов, помещая потенциальных преступников в заваленный снегом отель или одинокий загородный дом и т. п., чтобы искусно ограничить число возможных разгадок в умишке читателя.

Лусинда, Доротея, Зораида уже рассчитались с читателем, но тут появляется дочь судьи Клара. И разумеется, погонщик, распеваящий под окнами, ее возлюбленный^[47]. Ах, он не погонщик, а сын знатного сеньора. Клара рассказывает свою историю на ушко Доротее.

Служанка Мариторнес и дочь хозяина постоялого двора решают подшутить над Дон Кихотом. Сцена великолепна с художественной точки зрения, но омерзительна по своей жестокости. Дон Кихот встает на спину Росинанта, чтобы дотянуться до зарешеченного окна, за которым, по его представлению, должна находиться раненная любовью дева.

«— Вот вам, сеньора, моя рука или, лучше сказать, этот бич всех злодеев на свете. Вот вам моя рука, говорю я, к коей не прикасалась еще ни одна женщина, даже рука той, которая безраздельно владеет всем моим существом. Я вам ее протягиваю не для того, чтобы вы целовали ее, но для того, чтобы вы рассмотрели сплетение ее сухожилий, сцепление мускулов, протяжение и ширину ее жил, на основании чего вы можете судить о том, какая же сильная должна быть эта рука, если у нее такая кисть.

— Сейчас посмотрим, — сказала Мариторнес и, сделав на недоуздке петлю, накинула ее Дон Кихоту на запястье и затянула, а затем подбежала к воротам сарая и другой конец недоуздка крепко-накрепко привязала к засову».

Затем к постоялому двору подъезжают несколько всадников, Росинант делает шаг в сторону, и Дон Кихот повисает в воздухе — а нам мерещится тень креста.

ГЛАВА 44

Продолжается роман Клары и Луиса, и любовную историю юноши сопровождает драка хозяина с двумя постояльцами, но Дон Кихот умиряет их словами убеждения и разумными доводами. Луис рассказывает о своей любви к Кларе ее отцу; тот, хоть и озадачен, благосклонно принимает сватовство Луиса. Напоминая о прошлом, появляется встреченный ранее на дороге цирюльник и обвиняет Дон Кихота в краже таза, а Санчо Пансу в краже седла.

ГЛАВА 45

Друзья Дон Кихота, цирюльник и священник, вместе с другими постояльцами решают потехи ради встать на сторону Дон Кихота и заявляют второму цирюльнику, что таз — это шлем. Далее следует великолепная сцена.

«— А кто утверждает противное, — подхватил Дон Кихот, — то, коли он рыцарь, я докажу ему, что он лжет, если ж оруженосец — то что он тысячу раз лжет.

Наш цирюльник, который при сем присутствовал и коему хорошо известен был нрав Дон Кихота, решил, дабы позабавить народ, устроить из этого потеху и поддакнуть ему и, обратясь к другому цирюльнику, заговорил:

— Сеньор — если не ошибаюсь — цирюльник! Было бы вам известно, что я ваш собрат по ремеслу, вот уже двадцать с лишним лет, как я получил диплом, и все принадлежности для бритья знаю как свои пять пальцев, в молодости же мне, с вашего позволения, довелось быть

солдатом, и я смеаю также, что такое шлем, что такое шишак, что такое забрало и прочие предметы, к военному делу относящиеся, иначе говоря, все виды оружия мне знакомы. И вот я осмеливаюсь утверждать — а коли что не так, так вы меня поправите, — что предмет, который находится в руках у доброго этого сеньора, совсем не таз для бритвы и так же от него отличается, как белый цвет от черного, а правда от лжи. Полагаю, впрочем, не лишним заметить, что хотя это и шлем, однако же не цельный».

Вся компания присоединяется к мнению цирюльника, что это действительно шлем.

«— С нами крестная сила! — воскликнул одураченный цирюльник. — Статочное ли это дело, чтобы столько почтенных людей уверяло, будто это не таз для бритвы, а шлем? Да ведь тут целый университет при всей своей учености, пожалуй, ахнул бы от удивления. Что там толковать: коли этот таз — шлем, стало быть, и седло — попона, на чем настаивает этот сеньор.

— По-моему, это седло, — заметил Дон Кихот. — Впрочем, я уже сказал, что в это я не вмешиваюсь».

Дону Фернандо поручают провести тайное голосование. «Кто знал о причудах Дон Кихота, те хохотали до упаду, прочим же все это представлялось несусветной чушью, в том числе четверем слугам дона Луиса и самому дону Луису, а также трем проезжающим, в это самое время прибывшим на постоялый двор и походившим на стражников, каковыми они, кстати сказать, и являлись. Но всех более возмущался цирюльник, у коего на глазах его собственный таз превратился в Мамбринов шлем, а вьючное седло, вне всякого сомнения, собиралось превратиться в роскошную попону».

Дон Фернандо объявляет результаты голосования: это не ослиное седло, а попона с породистого коня, но ему возражает один из слуг дона Луиса, а один из новоприбывших стражников сердито восклицает:

«— Это такое же точно седло, как я — родной сын моего отца, а кто говорит или же скажет другое, тот, верно, хватил лишнее.

— Вы лжете, как последний мерзавец, — объявил Дон Кихот.

Тут он поднял копьцо, которое никогда не выпускал из рук, и с такой силой вознамерился опустить его на голову стражника, что если б тот не увернулся, то рухнул бы неминуемо». Завязывается драка, которую вдруг прекращает Дон Кихот, заявив, что никто не знает, за что он бьется. После того как мир провозглашен, ревностный стражник Святого братства едва не арестовывает Дон Кихота как разбойника с большой дороги, освободившего каторжников. Дон Кихот высмеивает полученное стражником предписание: «<...> кто этот невежда, который подписал указ о задержании такого рыцаря, каков я? Кто он, не ведающий, что странствующие рыцари ничьей юрисдикции не подлежат, что их закон — меч, их юрисдикция — отвага, их уложения — собственная добрая воля? Кто этот олух, говорю я, который не подозревает, что ни одна дворянская грамота не дает столько льгот и преимуществ, сколько получает странствующий рыцарь в тот день, когда вступает в рыцарский орден и посвящает себя нелегкому делу рыцарства? Кто из странствующих рыцарей платит «алькавалу», "туфлю королевы", аренду, ввозную, дорожную или речную пошлину? Разве портной берет с него за пошивку платья? Разве владелец замка принимает его у себя не бесплатно? Кто из королей не сажает его за свой стол? Какая девица не питала к нему склонности и всецело не подчинялась воле его и хотению? И наконец, был ли, есть или будет такой странствующий рыцарь, у коего не хватило бы смелости собственными руками вlepить четыреста палочных ударов четверем сотням стражников, которые станут ему поперек дороги?»

Священник убеждает стражников, что Дон Кихот поврежден в уме, платит цирюльнику за таз, и ссоры наконец прекращаются. Дон Кихот, не отказавшийся от своего намерения освободить Доротею от «великана», обрушивается на Санчо, который, увидев, что дон Фернандо тайком поцеловал Доротею, говорит Дон Кихоту, что она никакая не королева. Выступающий в роли миротворца дон Фернандо заявляет, что увиденное Санчо было дьявольским наваждением, чему Дон Кихот охотно верит. Королева Микомикона благосклонно соглашается принять предложенные ей услуги, однако в конце концов священник и цирюльник решают отвезти Дон Кихота домой, не затрудняя дон Фернандо и его невесту. Все постояльцы и хозяин, надев личины и переодевшись, «<...> приблизились к нему [Дон Кихоту] и, схватив его, крепко-накрепко связали ему руки и ноги, так что когда он в испуге проснулся, то не мог пошевелиться и только в недоумении и замешательстве смотрел на диковинные эти образы: и, сообразуясь с тем, что неутомимому и расстроенному его воображению рисовалось, он вообразил, что все это призраки из заколдованного замка и что он сам, вне всякого сомнения, заколдован, ибо не в состоянии ни двинуться, ни обороняться, — словом, все вышло так, как рассчитывал затеявший эту канитель священник». Дон Кихота сажают в клетку, и цирюльник загробным голосом изрекает предсказание о том, что заточение лишь ускорит воссоединение ламанчского льва с тобосской голубицей. «Дон Кихот цирюльником предсказанием утешился, ибо он живо и вполне постиг его смысл и вывел из него, что ему суждено сочетаться законным браком со своею возлюбленною Дульсинеей Тобосской и что плоды блаженного ее чрева, его сыновья, на веки вечные прославят Ламанчу».

ГЛАВА 47

Автору наконец удастся избавиться от марионеток, которых он привел в движение в двадцать третьей главе. «Все обнялись и уговорились, что будут друг друга уведомлять о себе <...>». Никого не беспокоит судьба бедного Дон Кихота. Пока клетку с очарованным рыцарем везут по дороге, священник встречает каноника, и оба пускаются в пространные рассуждения о рыцарских романах как первопричине Дон-Кихотова умопомешательства, в ходе которых оба приходят к заключению, что эстетическое наслаждение несовместимо с небылицами и вздором. Это мнение, хотя и в более краткой форме, мы уже слышали от священника в главе с сожжением книг.

ГЛАВА 48

Каноник продолжает разглагольствовать о недостатках рыцарских романов, затем разговор переходит на глупые современные комедии. «<...> все или, во всяком случае, большинство современных комедий, основанных на вымысле, равно как и на событиях исторических, — гиль, и <...> в них нет ни складу, ни ладу, а между тем чернь смотрит их с удовольствием, одобряет их и признает за хорошие, хотя они отнюдь не заслуживают подобной оценки; авторы, которые их сочиняют, и актеры, которые их представляют, говорят, что иными они и не должны быть, ибо чернь любит-де их такими, каковы они есть, а те, в которых есть связь и в которых действие развивается, как того требует искусство, удовлетворяют, мол, двух-трех знатоков, всем же остальным их мастерство — не в коня корм <...>». Священник присоединяется к возмущению каноника, порицающего прегрешения против единства времени и действия в современных пьесах. «Я видел одну комедию, так там первое действие происходило в Европе, второе в Азии, третье в Африке, а будь в ней четыре действия, то четвертое уж верно происходило бы в

Америке, и таким образом ни одна из четырех частей света не была бы забыта». Он за правду в литературе (как и Толстой). Священник критикует Лопе де Вега: «В доказательство [того, что пьесу никто не купит, если она не будет соответствовать определенным требованиям] можно сослаться на бесчисленное множество комедий одного нашего счастливейшего писателя, исполненных такого блеска и живости, столь изящным стихом написанных, содержащих в себе столь здравые рассуждения и столь глубокомысленные изречения, наконец самый слог которых до такой степени изыскан и высок, что слава о них идет по всему свету, и все же, из-за того, что автор желает угодить вкусам актеров, далеко не все, а только некоторые из них являют собою перл создания». Наконец он предлагает ввести тот вид цензуры, который ныне распространен в полицейских государствах и был впервые предложен Платоном.

ГЛАВА 49

Санчо пытается доказать Дон Кихоту, что он не околдован, так как ему приходится удовлетворять скромные повседневные потребности естества. Дон Кихот возражает, что способы колдовства, возможно, изменились.

«— Так вот, коли уж к слову пришлось [говорит Санчо], хочу я у вас спросить, извините за выражение, не было ли у вашей милости охоты или желания, после того как вас уже посадили в клетку и, как вам кажется, заколдовали, сходить, как говорится, за большой или же за малой нуждой?

— Я не понимаю, что значит ходить за нуждой, Санчо. Выражайся яснее, если желаешь, чтобы я дал тебе прямой ответ.

— Неужто ваша милость не понимает, что значит малая и большая нужда? Да ведь это грудному ребенку ясно. Одним словом, я хочу сказать, не хотелось ли вам сделать нечто такое, чего нельзя избежать?

— А, понимаю, Санчо! Много раз, и сейчас вот хочется. Пожалуй, выручи меня из беды, а то у меня тут не все в порядке!»

«Ага! — воскликнул Санчо [в самом начале главы 49]. — Вот я вас и поймал, это-то мне и хотелось узнать, смерть как хотелось. Послушайте, сеньор, неужто вы станете отрицать, что когда человеку нездоровится, то про него обыкновенно говорят так: "Не знаю, что с ним такое, не ест, не пьет, не спит, отвечает невпопад, точно кто его околдовал"? Стало быть, которые не едят, не пьют, не спят и не отправляют помянутых мною естественных потребностей, те и есть заколдованные, а вовсе не такой человек, которому хочется того, чего хочется вашей милости, который пьет, когда ему дают, кушает, когда у него что-нибудь есть, и отвечает на любые вопросы.

— То правда, Санчо, — заметил Дон Кихот. — Но я уже тебе говорил, что есть много способов колдовства, и может статься, что с течением времени одни сменялись другими и что ныне применяется такой, при котором заколдованные делают все то, что делаю я и чего не делали прежде. Так что против духа времени идти не стоит и не к чему делать отсюда какие-либо выводы. Я знаю и стою на том, что я заколдован, и потому совесть моя спокойна, а ведь она язвила бы меня, когда бы я полагал, что я не заколдован, а просто от лени и из трусости не выхожу из клетки и тем самым лишаю защиты многих обездоленных и утесненных, в моей помощи и заступлении в этот самый час крайнюю и насущную необходимость испытывающих».

Дон Кихот спорит с каноником о том, существуют ли на самом деле странствующие рыцари, приключения которых описаны в рыцарских романах, и «каноника поразило то, как мешается у Дон Кихота правда с ложью и какую осведомленность обнаруживает он во всем, что

касается деяний его любимого странствующего рыцарства и имеет к ним отношение <...>».

ГЛАВА 50

Дон Кихот продолжает защищать так горячо им любимые рыцарские романы.

«— Значит, эти книги, печатавшиеся с дозволения королей, одобренные теми, кому они были отданы на просмотр, и с одинаковым удовольствием читаемые и восхваляемые и старыми и малыми, и бедными и богатыми, и учеными и невеждами, и плебеями и дворянами, словом, людьми всякого чина и звания, — сплошная ложь, несмотря на все их правдоподобие, несмотря на то, что мы знаем отца, мать, родственников, место рождения, возраст того или иного рыцаря и нам подробно, день за днем, описывают его жизнь и подвиги с непременным указанием места, где они были совершены? Полно, ваша милость, не кощунствуйте <...>».

Далее он цитирует восхитительное описание приема Рыцаря Озера, приведенное в третьей лекции, и заключает:

«О себе могу сказать, что с тех пор, как я стал странствующим рыцарем, я храбр, любезен, щедр, благовоспитан, великодушен, учтив, дерзновенен, кроток, терпелив и покорно сношу и плен, и тяготы, и колдовство. И хотя совсем недавно меня приняли за сумасшедшего и посадили в клетку, все же я надеюсь, если только Небо будет ко мне благосклонно и не враждебна Фортуна, с помощью доблестной моей длани не в долгом времени стать королем, и тогда все увидят, сколь я отзывчив и щедр. <...> Поэтому я и хотел бы, чтобы Фортуна как можно скорее предоставила мне возможность стать императором: я бы тогда показал, какое у меня сердце, и благодетельствовал моих друзей, особливо беднягу Санчо Пансу, моего оруженосца, прекраснейшего человека, какого я только знаю, и мне бы хотелось пожаловать ему графство, которое я давно ему обещал, — вот только я боюсь, что у него нет смекалки, чтобы им управлять.

Санчо расслышал эти последние слова своего господина и сказал ему:

— Вы только потрудитесь, сеньор Дон Кихот, выделить мне это графство, которое ваша милость так твердо мне обещала и которого я так жду, а уж я вам ручаюсь, что у меня хватит смекалки им управлять, — буде же не хватит, то я слышал, что есть на свете такие люди, которые берут в аренду поместья сеньоров, сколько-то платят за это в год и принимают на себя обязанность управлять ими, сеньор же лежит себе на боку, живет на арендную плату и ни о чем не заботится. Вот так я и сделаю: морочить себе голову не стану, а тут же сдам все дела и буду жить на арендную плату, что твой герцог, а уж они там как хотят».

ГЛАВА 51

Пока компания закусывает, козопас рассказывает еще одну историю о влюбленных пастухах и преследуемых девицах. В отличие от других поклонников неверной Леандры, которую отец заточил в монастырь после побега с солдатом, пастух не стал проводить дни в сетованиях, а сделался женоненавистником.

ГЛАВА 52

Дон Кихот предлагает козопасу Эухенью освободить Леандру из монастыря, но прежде более могучий волшебник, на которого он уповает, должен освободить его от чар.

«Козопас поглядел на Дон Кихота и, подивившись убогому его наряду и подозрительному

обличью, спросил сидевшего с ним рядом цирюльника:

— Сеньор! Кто этот человек такой странной наружности и который так чудно говорит?

— Кто же еще, как не достославный Дон Кихот Ламанчский, — отвечал цирюльник, — искоренитель зла, борец с неправдой, заступник девиц, пугалище великанов, победитель на ратном поле?

— Это мне напоминает то, о чем пишут в книгах о странствующих рыцарях, — заметил козопас, — они делали то же самое, что ваша милость рассказывает про этого человека, но только мне думается, что или ваша милость шутить изволит, или у этого господина в голове пусто.

— Ты изрядный негодяй, — сказал на это Дон Кихот, — и это ты пустоголовый и безмозглый болван, а у меня голова набита так, как она никогда не была набита у той распотаскушки и потаскушкиной дочери, которая произвела тебя на свет.

Перейдя от слов к делу, он схватил лежавший перед ним хлеб и, в бешенстве швырнув его прямо в лицо пастуху, расквасил ему нос <...>».

Вспыхивает драка, в которой Дон Кихоту достается от козопаса, однако ее прерывает появление процессии, несущей статую Святой Девы, которую рыцарь принимает за знатную сеньору, похищенную шайкой злодеев. Когда он бросается на них с мечом, один из кающихся наносит ему удар палкой, и Дон Кихот без чувств валится на землю.

«Вопли и стенания Санчо воскресили Дон Кихота, и первыми его словами были:

— Кто пребывает в разлуке с вами, сладчайшая Дульсинея, тот и не такие еще бедствия терпит. Помоги мне, друг Санчо, сесть на очарованную повозку, я не в состоянии держаться в Росинантовом седле по той причине, что плечо у меня раздроблено.

— С большим удовольствием, государь мой, — сказал Санчо, — и поедемте прямо к нам в деревню вместе с этими сеньорами, которые вам желают добра, а там уж мы задумаем новый поход, такой, чтоб нам от него было побольше пользы и побольше славы.

— Ты дело говоришь, Санчо, — заметил Дон Кихот, — с нашей стороны будет в высшей степени благоразумно, если мы подождем, пока пройдет ныне действующее зловерное влияние светил».

Так кончается первая часть у Сервантеса и второй выезд у Дон Кихота. Он будет набираться сил и предаваться мечтам у себя дома по меньшей мере в течение месяца. Обратите, пожалуйста, внимание на то, что на протяжении пятидесяти двух глав (более чем четырех сотен страниц) мы ни разу не встретились с Дульсиной. После трех эпитафий и нескольких дурно переведенных сонетов, написанных якобы во славу Дон Кихота, Санчо, Росинанта и Дульсины, завершающих первую часть, Сервантес почти обещает нам третий выезд.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ (1615)

555

Гротесковые «оправдания», предваряющие эту часть, выдержаны в духе современных фашистских или советских диктатур и удостоились бы одобрения Платона, блестящего художника и философа, но скверного социолога.

Сам просвещенный Сервантес находит «забавными» формы жестокости, которые сегодня абсолютно невозможны в этой стране или в Англии и, несомненно, осуждаются цивилизованными людьми во всем мире. Порой закрадывается подозрение, что автор не осознает до конца, какими омерзительно жестокими были священники, цирюльники, хозяева

ГЛАВА 1

Священник с цирюльником пришли навестить Дон Кихота и «застали его сидящим на постели в зеленом байковом камзоле и в красном толедском колпаке; и был он до того худ и изможден, что походил на мумию. Он принял их с отменным радушием; они осведомились о его здоровье, и он рассказал им о себе и о своем здоровье весьма разумно и в самых изысканных выражениях».

Даже при обсуждении государственных дел «Дон Кихот <...> обо всех этих предметах рассуждал в высшей степени умно, и у обоих испытателей не осталось сомнений, что он совершенно здоров и в полном разуме». Но чтобы окончательно удостовериться в выздоровлении Дон Кихота, священник сообщает, что турки вот-вот нападут на христиан.

«— Ах ты, Господи! — вскричал тут Дон Кихот. — Да что стоит его величеству приказать через глашатаев, чтобы все странствующие рыцари, какие только скитаются по Испании, в назначенный день собрались в столице? Хотя бы даже их явилось не более полдюжины, среди них может оказаться такой, который один сокрушит всю султанову мощь. Слушайте меня со вниманием, ваши милости, и следите за моею мыслью. Неужели это для вас новость, что один-единственный странствующий рыцарь способен перерезать войско в двести тысяч человек, как если бы у всех у них было одно горло или же если б они были сделаны из марципана? Нет, правда, скажите: не на каждой ли странице любого романа встречаются подобные чудеса? Даю голову на отсечение, свою собственную, а не чью-нибудь чужую, что живи ныне славный дон Бельянис или же кто-либо из многочисленного потомства Амадиса Галльского <...>

— Ах! — воскликнула тут племянница. — Убейте меня, если мой дядюшка не задумал снова сделаться странствующим рыцарем!

Дон Кихот же ей на это сказал:

— Странствующим рыцарем я и умру, а султан турецкий волен, когда ему вздумается, выходить и приходить с каким угодно огромным флотом, — повторяю: Господь меня понимает».

Цирюльник рассказывает историю о сумасшедшем лиценциате из Севильи, который будто бы излечился и уже собирался покинуть дом умалишенных, как тут другой позавидовавший ему безумец объявил себя Юпитером и пригрозил впредь никогда не посылать на Севилью дождя.

«Присутствовавшие все еще слушали выкрики и речи помешанного, как вдруг лиценциат, обратившись к капеллану и схватив его за руки, молвил:

— Не огорчайтесь, государь мой, и не придавайте значения словам этого сумасшедшего, ибо если он — Юпитер, и он не станет кропить вас дождем, то я — Нептун, отец и бог вод, и я буду кропить вас сколько потребуется л когда мне вздумается».

Дон Кихот понимает смысл сказанного и укоризненно замечает:

«— Ах, сеньор брадобрей, сеньор брадобрей, до чего же люди иной раз бывают неловки! Неужели ваша милость не знает, что сравнение одного ума с другим, одной доблести с другою, одной красоты с другою и одного знатного рода с другим всегда неприятно и вызывает неудовольствие? Я, сеньор цирюльник, не Нептун и не бог вод и, не будучи умен, за умника себя и не выдаю. Единственно, чего я добиваюсь, это объяснить людям, в какую ошибку впадают они, не возрождая блаженнейших тех времен, когда ратоборствовало странствующее рыцарство. Однако же наш развращенный век недостоин наслаждаться тем великим счастьем, каким наслаждались в те века, когда странствующие рыцари вменяли себе в обязанность и брали на себя оборону королевств, охрану девственниц, помощь сирым и малолетним, наказание гордецов

и награждение смиренных. Большинство же рыцарей, подвизающихся ныне, предпочитают шуршать шелками, парчою и прочими дорогими тканями, нежели звенеть кольчугою. Теперь уж нет таких рыцарей, которые согласились бы в любую погоду, вооруженные с головы до ног, ночевать под открытым небом, и никто уже по примеру странствующих рыцарей не клюет, как говорится, носом, опершись на копьё и не слезая с коня. Найдите мне хотя одного такого рыцаря, который, выйдя из лесу, взобравшись потом на гору, а затем спустившись на пустынный и нелюдимый берег моря, вечно бурного и беспокойного, и видя, что к берегу прибило углый челн без весел, ветрила, мачты и снастей, бесстрашно ринулся бы туда и отдался на волю неумолимых зыбей бездонного моря, а волны то вознесут его к небу, то низвергнут в пучину, рыцарь же грудь свою подставляет неукротимой буре; и не успеваешь он оглянуться, как уже оказывается более чем за три тысячи миль от того места, откуда отчалил, и вот он ступает на неведомую и чужедальнюю землю, и тут с ним происходят случаи, достойные быть начертанными не только на пергаменте, но и на меди».

Превосходно написанная глава.

ГЛАВА 2

Несмотря на крики ключницы и племянницы, Санчо Панса проникает к Дон Кихоту. Они обсуждают прежние приключения, потом Дон Кихот спрашивает: «А теперь скажи, друг Санчо, что говорят обо мне в нашем селе? Какого мнения обо мне простонародье, идальго и кавальеро? Что говорят о моей храбрости, о моих подвигах и о моей учтивости? Какие ходят слухи о моем начинании — возродить и вновь учредить во всем мире давно забытый рыцарский орден?»

После некоторых колебаний Санчо говорит правду. «Ну так во-первых, я вам скажу, <...> что народ почитает вашу милость за самого настоящего сумасшедшего, а я, мол, тоже с придурью. Идальго говорят, что звание идальго вашей милости показалось мало и вы приставили к своему имени *дон* и, хотя у вас всего две-три виноградные лозы, землицы — волю развернуться негде, а прикрыт только зад да перед, произвели себя в кавальеро».

Ответ Дон Кихота полон достоинства: «Это ко мне не относится, <...> одет я всегда прилично, чиненого не ношу. Рваное — это другое дело, да и то это больше от доспехов, нежели от времени». (Путнам приводит испанскую пословицу: «Благородный человек скорее наденет рваное, чем чиненое».)

Санчо сообщает также, что сын Бартоломе Карраско, учившийся в Саламанке и ставший бакалавром, вернулся домой и рассказал, что Дон Кихот и Санчо Панса выведены в книге. По просьбе рыцаря Санчо отправляется за молодым человеком.

ГЛАВА 3

«Бакалавр хотя и звался Самсоном, однако ж росту был небольшого, зато был пребольший хитрец; цвет лица у него был безжизненный, зато умом он отличался весьма живым; сей двадцатичетырехлетний молодой человек был круглолиц, курнос, большерот, что выдавало насмешливый нрав и склонность к забавам и шуткам». Он подтверждает, что такая книга и впрямь вышла в свет. По этому поводу Путнам замечает: «Со дня возвращения Дон Кихота из странствий прошло не более месяца, однако история его приключений уже написана, отпечатана и, как нам вскоре сообщат, разослана в количестве двенадцати тысяч экземпляров, впрочем, Сервантеса никогда не смущали подобные несоответствия, и в данном случае он объясняет происшедшее вмешательством какого-нибудь мудреца, напечатавшего книгу силой

волшебства». Здесь автор по-прежнему выступает в роли хитрого волшебника, придумавшего Сиду Ахмета Бен-инхали с его арабской летописью.

«— <...> однако ж скажите мне, сеньор бакалавр: какие из подвигов моих наипаче восславляются в этой истории?»

— На сей предмет, — отвечал бакалавр, — существуют разные мнения, ибо разные у людей вкусы: одни питают пристрастие к приключению с ветряными мельницами, которые ваша милость приняла за Бриареев и великанов, другие — к приключению с сукновальнями, кто — к описанию двух ратей, которые потом оказались стадами баранов, иной восторгается приключением с мертвым телом, которое везли хоронить в Сеговию, один говорит, что лучше нет приключения с освобождением каторжников, другой — что надо всем возвышаются приключения с двумя великанами-бенедиктинцами и схватка с доблестным бискайцем».

Карраско замечает, что некоторые читатели недовольны вставными повестями и тем, что автор забыл сообщить, кто украл у Санчо осла.

ГЛАВА 4

Санчо пытается внести в этот вопрос ясность, но, окончательно запутавшись, признается: «— На это я не знаю, что вам ответить, — сказал Санчо, — видно, сочинитель ошибся, а может, это небрежность наборщика».

Дон Кихот спрашивает:

«— А не собирается ли, чего доброго, автор выдать в свет вторую часть? <...>

— Как же, собирается, — отвечал Самсон, — только он говорит, что еще не разыскал ее и не знает, у кого она хранится, так что это еще под сомнением, выйдет она или нет, да и потом некоторые говорят: "Вторая часть никогда не бывает удачной", а другие: "О Дон Кихоте написано уже довольно", вот и берет сомнение, будет ли вторая часть. Впрочем, люди не угрюмые, а жизнерадостные просят: "Давайте нам еще Дон-Кихотовых походов, пусть Дон Кихот воинствует, а Санчо Панса болтает, рассказывайте о чем угодно — мы всем будем довольны".

— К чему же склоняется автор?

— А вот к чему, — отвечал Самсон. — Он с крайним тщанием историю эту разыскивает, и коль скоро она найдется, он сей же час предаст ее тиснению: ведь он не столько за похвалами гонится, сколько за прибылью».

В разговор тут же вмешивается Санчо:

«— <...> пусть-ка этот самый сеньор мавр, или кто он там такой, постарается, а уж мы с моим господином насчет приключений и разных происшествий не поскупимся, так что он не только вторую, а и целых сто частей написать сумеет. Он-то, сердечный, поди, думает про нас: дескать, как сыр в масле катаются, а поглядел бы, как мы тут благоденствуем, — пожалуй, от такого благоденствия ножки протянешь. А пока вот что я скажу: послушайся меня мой господин, мы бы уж давно были в чистом поле, искореняли бы зло и выпрямляли кривду, как это принято и как это водится у добрых странствующих рыцарей.

Не успел Санчо вымолвить это, как их слуха достигло ржание Росинанта, каковое ржание Дон Кихот почел за весьма добрый знак и положил дня через три, через четыре снова отправиться в поход».

ГЛАВА 5

Глава целиком состоит из беседы Санчо с его женой Тересой, узнавшей, что он намерен сопровождать Дон Кихота в дальнейших поисках приключений. Сервантес начинает эту главу с якобы сделанного задним числом замечания:

«Дойдя до пятой главы, переводчик этой истории объявляет, что глава эта, по его мнению, вымышленная, ибо в ней Санчо Панса изъясняется таким слогом, какого нельзя было бы ожидать от ограниченного его ума, и рассуждает о таких тонкостях, которые не могли быть ему известны; однако ж, дабы исполнить долг службы, переводчик положил перевести ее; итак, он продолжает».

Разговор начинается жена Санчо:

«— Послушай, Санчо, <...> с тех пор как ты стал правою рукою странствующего рыцаря, ты такие петли мечешь, что тебя никто не может понять».

Став губернатором, Санчо вознамерился выдать свою дочь за графа.

«<...> кто не сумел воспользоваться счастьем, когда оно само в руки давалось, тот пусть, мол, не сетует, коли оно прошло мимо. Вот и нехорошо будет, если мы теперь затворим дверь, когда оно само к нам стучится: ветер дует попутный — пускай же он нас и несет». (Подобные обороты речи и заставили переводчика предположить, что данная глава — апокриф). Санчо продолжает: «И вот этот самый проповедник, сколько я помню, говорил так: все, что, мол, является нашему взору в настоящее время, гораздо лучше укладывается и помещается и гораздо сильнее запечатлевается в памяти нашей, нежели то, что было когда-то». (По мнению переводчика, эти замечания Санчо — еще одна причина признать эту главу за вымышленную, ибо они превосходят его умственные возможности.) «И если тот, кого судьба из нечистоты и ничтожества (это подлинное выражение проповедника) вознесла на вершины благополучия, окажется человеком благовоспитанным, щедрым и со всеми любезным и не станет тягаться с древнею знатью, можешь быть уверена, Тереса, что никто и не вспомнит, кем он был прежде, а будут чтить его таким, каков он есть теперь, кроме разве завистников, ну да от них никакая счастливая судьба не спасется».

Но особая тема — планы Санчо на будущее.

«<...> ведь мы не на свадьбу едем, нам предстоит кружить по свету, выдерживать стычки с великанами, андриаками и чудовищами, слышать шип, рык, рев и вопль, и все это, однако ж, сущие пустяки по сравнению с янгуасцами и заколдованными маврами.

— Да уж я вижу, муженек, — сказала Тереса, — что хлеб странствующих оруженосцев — это хлеб трудовой, и я буду Бога молить, чтоб он поскорей избавил тебя от таких напастей.

— Я тебе прямо говорю, жена, — сказал Санчо: — не рассчитывай я в скором времени попасть в губернаторы острова, мне бы и жизнь стала не мила.

— Ну нет, муженечек, — возразила Тереса, — живи, живи, петушок, хотя и на языке типунок, и ты себе живи, и пусть черт унесет все губернаторства на свете: не губернатором вышел ты из чрева матери, не губернатором прожил до сего дня и не губернатором ты сойдешь или, вернее, тебя положат в гроб, когда на то будет Господня воля. Не все же на свете губернаторы — и ничего: люди как люди, живут себе и живут. Самая лучшая приправа — это голод, и у бедняков его всегда вдоволь, оттого-то они и едят в охотку. Но только ты смотри у меня, Санчо: коли ты ненароком выскочишь в губернаторы, то не забудь про меня и про детей. Помни, что Санчику уже исполнилось пятнадцать и ему в школу пора, настоятель, который ему дядюшкой приходится, обещался направить его по духовной части. Еще помни, что дочка твоя, Марисанча, совсем даже не прочь выйти замуж, — мне сдается, что она думает о муже не меньше, чем ты о губернаторстве, да ведь и то сказать: для девушки лучше плохой муженек, нежели хороший дружок».

Планы Санчо сделать свою дочку графиней и выдать замуж за знатного вельможу не радуют

Тересу, и она заливается слезами. «Тогда Санчов утешение сказал ей, что хотя он непременно сделает свою дочь графиней, но только отложит это на возможно более долгий срок. На том и кончилась их беседа, и Санчо возвратился к Дон Кихоту, чтобы окончательно условиться об отъезде».

ГЛАВА 6

Тем временем Дон Кихот беседует с племянницей, которая говорит:

«— Да поймите же вы наконец, ваша милость: все, что рассказывают о странствующих рыцарях, это сплошные враки и побасенки, а книги про них следовало бы сжечь или уж, по крайности, накинуть на них санбенито^{48}, а еще можно ставить на них особые знаки, чтоб всем было ясно, что это бессовестные смутьяны и бунтовщики».

Ответ Дон Кихота вполне предскажем:

«— Клянусь Создателем, — воскликнул Дон Кихот, — что, не будь ты моею родною племянницей, то есть дочерью единоутробной моей сестры, я бы так тебя проучил за кощунственные твои слова, что слух о том прошел бы по всему свету. Возможно ли, чтобы девчонка, которая и с коклюшками-то еще не умеет как должно обращаться, осмеливалась трепать языком и бранить книги о странствующих рыцарях? Что сказал бы сеньор Амадис, если б он это услышал? Впрочем, он, конечно, простил бы тебя, ибо то был самый кроткий и учтивый рыцарь своего времени и к тому же еще великий покровитель девиц».

Дон Кихот утверждает, что все существующие в мире родословные можно свести к четырем видам: 1) те, у которых начало было скромное, но под конец они достигли наивысшего величия; 2) те, кто были и остаются великими; 3) те, у которых начало было высокое, но под конец они сузились наподобие пирамиды; и 4) те, которые были и остаются заурядными. Затем он обращается к племяннице и ключнице: «<...> счастье обладателя богатств заключается не в том, чтобы владеть ими, а в том, чтобы расходовать, и расходовать с толком, а не как попало. Бедному же рыцарю остается только один путь, на котором он может показать, что он рыцарь, то есть путь добродетели, а для того ему надлежит быть приветливым, благовоспитанным, учтивым, обходительным и услужливым, не высокомерным, не заносчивым и не клеветником, главное же — ему надлежит быть сострадательным <...> На свете есть, дети мои, два пути, которые ведут к богатству и почету: один из них — поприще ученое, другой — военное. Я человек скорее военный, нежели ученый, и, судя по моей склонности к военному искусству, должно полагать, родился под знаком Марса, так что я уже как бы по необходимости следуя этим путем и буду им идти, даже если бы весь свет на меня ополчился».

ГЛАВА 7

Дон Кихот и Санчо обсуждают вопрос о жалованье.

«— Тереса говорит, — отвечал Санчо, — чтобы я охулки на руку не клал, уговор, мол, дороже денег, а после, мол, снявши голову, по волосам не плачут, а лучше, дескать, синица в руках, чем журавль в небе. И хоть я и знаю, что женщины болтают пустяки, а все-таки не слушают их одни дураки.

— И я то же говорю, — согласился Дон Кихот. — Ну, друг Санчо, дальше: нынче у тебя что ни слово — то перл.

— Дело состоит вот в чем, — продолжал Санчо. — Ваша милость лучше меня знает, что все люди смертны, сегодня мы живы, а завтра померли, и так же недалек от смерти птенец

желторотый, как и старец седобородый, и никто не может поручиться, что проживет на этом свете хоть на час больше, чем ему положено от Бога, потому смерть глуха, и когда она стучится у ворот нашей жизни, то вечно торопится, и не удержать ее ни мольбою, ни силою, ни скипетром, ни митрою, — такая о ней, по крайности, молва и слава, и так нам говорят с амвона».

Поток пословиц, изливающийся из уст Санчо, немного утомителен. Когда же Дон Кихот нарочно отвечает градом пословиц, нам сразу становится смешно. «Так что, любезный Санчо, ступайте домой и объявите вашей Тересе о моем решении, и если и она и вы согласитесь служить мне за награды, то *bene quidem*,^[13] если же нет, то мы расстанемся друзьями: было бы зерно на голубятне, а голуби-то найдутся. И еще примите в рассуждение, сын мой, что добрая надежда лучше худого имения и хороший иск лучше худого платежа. Выражаюсь я так для того, Санчо, чтобы показать вам, что и я не хуже вашего могу сыпать пословицами». Испугавшись, что его господин возьмет в оруженосцы Карраско, Санчо идет на попятный. Они с Дон Кихотом обнимаются и с благословения Карраско решают через три дня выехать по направлению к Тобосо.

ГЛАВА 8

«"Благословен всемогущий Аллах!" — восклицает [Сид] Ахмет Бен-инхали в начале этой восьмой главы. "Благословен Аллах!" — троекратно повторяет он; произносит же он эти благословения, мол, потому, что Дон Кихот и Санчо давно уже выехали за деревню и что читатели приятной этой истории могут считать, что с этого самого мгновения начинаются деяния Дон Кихота и прибаутки его оруженосца; он советует читателям забыть прежние рыцарские подвиги хитроумного идальго и приковать внимание к будущим, каковые ныне, по дороге в Тобосо, начинаются, подобно как прежние начались на полях Монтъеля».

Сервантес не идет на риск: ему не нужно, чтобы читатель, оглянувшись назад, заметил все несообразности и повторы. Вторую часть Сервантес пишет с еще большей оглядкой на церковь. Возможно, этим объясняется появление речей, наподобие произнесенной Дон Кихотом по пути в Тобосо.

«<...> нам, христианам-католикам и странствующим рыцарям, надлежит более радеть о славе будущего века там, в небесных эфирных пространствах, ибо это слава вечная, нежели о той суетной славе, которую возможно стяжать в земном и преходящем веке и которая, как бы долго она ни длилась, непременно окончится вместе с дольным миром, коего конец предуказан, — вот почему, Санчо, дела наши не должны выходить за пределы, положенные христианскою верою, которую мы исповедуем. Наш долг в лице великанов сокрушать гордыню, зависть побеждать великодушием и добросердечием, гнев — невозмутимостью и спокойствием душевным, чревоугодие и сонливость — малоядением и многободрствованием, любострастие и похотливость — верностью, которую мы храним по отношению к тем, кого мы избрали владычицами наших помыслов, леность же — скитаниями по всем странам света в поисках случаев, благодаря которым мы можем стать и подлинно становимся не только христианами, но и славными рыцарями. Вот каковы, Санчо, средства заслужить наивысшие похвалы, которые всегда несет с собой добрая слава».

«В таких и тому подобных разговорах прошли у них ночь и следующий день, без каких-либо внимания достойных происшествий, что весьма Дон Кихота опечалило. Наконец, на другой день к вечеру, их взорам открылся великий город Тобосо, при виде коего Дон Кихот взыграл духом, Санчо же духом пал, ибо он не имел понятия, где живет Дульсьинья, и ни разу в жизни ее не видел, как не видел ее, впрочем, и его господин^[49]; таким образом, оба они пребывали в

волнении: один — оттого что стремился ее увидеть, а другой — оттого что ни разу не видел ее, и никак не мог Санчо придумать, что ему предпринять, когда сеньор пошлет его в Тобосо. В конце концов Дон Кихот положил не вступать в город до наступления ночи, и временно они расположились в дубраве близ Тобосо».

ГЛАВА 9

Рыцарь со своим оруженосцем в глухую полночь въезжают в город и в темном заkouлке пытаются отыскать дворец Дульсинеи. Наконец Санчо, отчаявшись, предлагает, чтобы Дон Кихот укрылся в лесу, пока он, Санчо, поищет Дульсинею.

ГЛАВА 10

Дон Кихот посылает Санчо с письмом к Дульсинее, которое тот снова не доставляет по назначению. И тогда оруженосец решает воспользоваться помешательством рыцаря:

«И вот как он есть сумасшедший, то и судит он о вещах большею частью вкривь и вкось и белое принимает за черное, а черное за белое, и так это с ним и бывало, когда он говорил, что ветряные мельницы — это великаны, мулы монахов — верблюды, стада баранов — вражьи полчища и прочее тому подобное, а стало быть, не велик труд внушить ему, что первая попавшаяся поселянка и есть сеньора Дульсинея, а коли он не поверит, я поклянусь, <...> а может, подумает, — и, пожалуй, так оно и будет, — что один из этих злых волшебников, которые якобы его ненавидят, нарочно попортил личность его возлюбленной, чтобы досадить ему и причинить неприятность».

Мимо едут три крестьянские девушки верхом на ослицах, одну из поселянок Санчо выдает за Дульсинею, сияющую, как солнце в полдень. И хотя Дон Кихот видит перед собой всего-навсего курносую девку, от которой разит чесноком, он верит утверждению Санчо, что Дульсинея заколдована, и в великой печали продолжает путь в Сарагосу, а Санчо в душе смеется над тем, как легко он провел своего господина. Отныне и на протяжении всей второй части Дон Кихот будет терзаться мыслью о том, как расколдовать Дульсинею: как возвратить уродливой крестьянке изначальный облик прекрасной принцессы.

ГЛАВА 11

По пути в Сарагосу Дон Кихот, погруженный в глубокое раздумье, позволяет Росинанту щипать зеленую траву, в изобилии растущую вдоль дороги. Из этого самозабвения его выводит Санчо. В этой части романа он гораздо сильнее, гораздо хитрее и злее, чем в первой^{50}. На дороге им попадается «телега, битком набитая самыми разнообразными и необыкновенными существами и фигурами, какие только можно себе представить. Сидел за кучера и погонял мулов некий безобразный демон. Повозка была совершенно открытая, без полотняного верха и плетеных стенок. Первою фигурою, представившеюся глазам Дон Кихота, была сама Смерть с лицом человека; рядом с ней ехал Ангел с большими раскрашенными крыльями; с другого боку стоял Император в короне, по виду золотой; у ног Смерти примостился божок, так называемый Купидон, без повязки на глазах, но зато с луком, колчаном и стрелами; тут же ехал Рыцарь, вооруженный с головы до ног, только вместо шишака или шлема на нем была с разноцветными перьями шляпа».

Это бродячие комедианты, и, как ни странно, Дон Кихот, поначалу вызвавший всю труппу на поединок, довольствуется полученным объяснением.

Только когда шум хлопучек пугает Росинанта, Дон Кихот решает проучить «лицедейного черта», но, последовав мудрому совету Санчо, позволяет «летучему отряду» ехать своим путем. Весьма необычное приключение, если сравнить его с предшествующими. Однако автор предостерегает нас против подобных сравнений.

ГЛАВА 12

Дон Кихот уподобляет жизнь комедии, в конце которой императоры и купцы, короли и шуты снимают свои костюмы, которыми они друг от друга отличались, и в могиле становятся равны. Санчо Панса сравнивает жизнь с игрой в шахматы: когда игра заканчивается, королей и пешек складывают в один мешок. Это же сравнение приводится в «Рубайяте» персидского поэта XII века Омара Хайяма:

Мир я сравнил бы с шахматной доской:
То день, то ночь. А пешки? — мы с тобой.
Подвигают, притиснут, — и побили;
И в темный ящик сунут на покой.^[14]

Наконец-то Дон Кихот встречает «странствующего рыцаря» из плоти и стали, разумеется, изнемогающего от любви! Мы слышим, как он произносит нараспев любовный сонет, по поводу которого Пугнам цитирует Ормсби: «Нередко стихотворные отрывки, введенные во вторую часть, — пародия, а иногда, как здесь и в восемнадцатой главе, подражание вычурной поэзии тех дней. Стихи первой части (разумеется, за исключением хвалебных виршей и стихов в конце последней главы) писались всерьез и, несомненно, нравились Сервантесу. Различие между теми и другими разительно».

Рыцарь Леса (впоследствии Рыцарь Зеркал) и Дон Кихот ведут серьезную беседу.

ГЛАВА 13

А между тем оруженосцы обоих рыцарей тоже ведут беседу. Они называют своих господ сумасбродами и сетуют на судьбу, однако в будущем надеются приобрести обещанные богатства. Слуга Рыцаря Леса снабжен едой и питьем не в пример лучше Санчо.

«— По чести, братец, — объявил другой слуга, — мой желудок не способен переваривать чертополох, дикие груши и древесные корни. Ну их ко всем чертям, наших господ, со всеми их мнениями и рыцарскими законами, пусть себе едят, что хотят, — я везу с собой холодное мясо, а к луке седла у меня на всякий случай привязан вот этот бурдюк, и я его так люблю и боготворю — ну прямо минутки не могу пробыть, чтобы не обнять его и не прильнуть к нему устами.

Сказавши это, он сунул бурдюк в руки Санчо, и тот, накренив его и потягивая из горлышка, с четверть часа рассматривал звезды, а когда перестал пить, то склонил голову набок и с глубоким вздохом проговорил <...>».

Великолепное описание древнего жеста в исполнении нашего толстяка.

ГЛАВА 14

Поведав о многочисленных испытаниях, возложенных на него дамой сердца, Касильдеей Вандальской, и о побежденных в ее честь рыцарях, Рыцарь Леса заключает:

«Но больше всего я кичусь и величаюсь тем, что победил в единоборстве славного рыцаря Дон Кихота Ламанчского и заставил его признать, что моя Касильдея Вандальская прекраснее его Дульсины <...>».

Дон Кихот с изумлением слушает его и наконец замечает, что Рыцарь Леса, возможно, одолел какого-нибудь злого волшебника, принявшего облик Дон Кихота и назвавшегося его именем. Он вызывает Рыцаря Леса на поединок, но тот хладнокровно предлагает подождать до рассвета. На рассвете рыцари садятся на коней, но по несчастливой случайности Рыцарь Зеркал (теперь он прозывается так) не может сдвинуть свою жалкую клячу с места, и Дон Кихот сбрасывает его на землю. Развязав ему ленты от шлема, он с изумлением узнает черты бакалавра Самсона Карраско. Оруженосец рыцаря, в свою очередь, оказывается переодетым соседом Санчо. Дон Кихот убежден, что все это козни чародеев, которые в последний момент заменили облик чужаков на облик старых друзей. Такой поворот соответствует нежной мечтательности Дон Кихота, но не практичности прирожденного плута Санчо. В этой книге не стоит искать единства построения.

ГЛАВА 15

«Дон Кихот был чрезвычайно доволен, горд и упоен своею победою над столь отважным рыцарем, каким ему представлялся Рыцарь Зеркал <...>». Такие победы он одерживает не часто (хотя все они неполные, даже эта, где «чары» слегка отравляют удовольствие в конце). Далее следует объяснение: цирюльник, священник и Карраско решили, что бакалавр нагонит Дон Кихота под видом странствующего рыцаря, одержит над ним победу и потребует вернуться в родное село, где рыцарь, возможно, забудет о своих сумасбродствах. Но прежде чем Карраско оправится от поражения и снова вызовет нашего рыцаря на поединок, мы станем свидетелями еще двенадцати битв Дон Кихота.

ГЛАВА 16

На дороге Дон Кихот и Санчо встречают всадника в зеленом, «<...> тот казался ему [Дон Кихоту] человеком незаурядным. На вид всаднику в зеленом можно было дать лет пятьдесят; волосы его были чуть тронуты сединой, нос орлиный, выражение лица веселое и вместе важное; словом, как одежда, так и осанка обличали в нем человека честных правил. Всадник же в зеленом, глядя на Дон Кихота Ламанчского, вывел заключение, что никогда еще не приходилось ему видеть человека подобной наружности и с подобною манерою держаться; он подивился и длинной его шее, и тому, что он такой долговязый, и худобе и бледности его лица, и его доспехам, и его телодвижениям и осанке, всему его облику и наружности, с давних пор в этих краях не виданным».

Всадника зовут дон Дьего де Миранда, он образованный сельский дворянин. Один из немногих добрых людей в книге (оказавший Дон Кихоту поистине сердечный прием). Когда Дон Кихот рассказывает о своем призвании странствующего рыцаря, идальго приходит в недоумение: «Неужели ныне подлинно существуют странствующие рыцари и печатаются истории неложных рыцарских подвигов? Я не могу поверить, чтобы в наши дни кто-либо покровительствовал вдовам, охранял девиц, оказывал почет замужним, помогал сиротам, и так никогда бы и не поверил, если бы собственными глазами не видел вашу милость. Теперь, слава

Богу, с выходом в свет истории высоких ваших и истинных подвигов, которая, как вы говорите, уже отпечатана, позабудутся бесчисленные вымышленные истории странствующих рыцарей, — их всюду полным-полно, и они способствуют лишь порче нравов, вредят сочинениям полезным и подрывают доверие к ним».

Всадник в зеленом сетует на то, что его сын отказывается изучать правоведение или теологию и мечтает посвятить себя поэзии, в ответ Дон Кихот произносит красноречивую речь в защиту юноши. «Вывод же из всего мною сказанного, сеньор идальго, тот, что вашей милости не следует препятствовать своему сыну идти, куда его ведет его звезда, ибо если он, должно полагать, школяр добрый и уже благополучно взошел на первую ступень наук, а именно ступень языков, то теперь, обладая таковыми знаниями, он самостоятельно взойдет и на вершину светских наук, которые так же к лицу истинному дворянину, дворянину, что называется, в плаще и при шпаге, так же возвышают его и служат ему к чести и украшению, как митры украшают епископов, а мантии — опытных судейских. <...> и если короли и вельможи видят, что чудесная наука поэзии в руках людей благоразумных, добродетельных и степенных, то к таким поэтам они проникаются уважением, чтут и награждают их и даже венчают листьями дерева, в которое никогда не ударяет молния, — в знак того, что никто не имеет права обидеть стихотворцев, коих чело подобным венком почтено и украшено».

Едва закончив мирную беседу (с Сервантесом в роли суфлера), наш бедный рыцарь опять готов ввязаться в ужасное и ни с чем не сообразное приключение.

ГЛАВА 17

После фарсовой сцены с творогом, который Санчо положил в шлем Дон Кихоту, следует приключение со львами — львом и львицей, — которых губернатор оранский послал в подарок испанскому королю¹⁵¹¹. Дон Кихот останавливает повозку и требует выпустить зверей, чтобы он мог с ними сразиться. «<...> едва сторож увидел, что Дон Кихот уже наготове и что, из боязни навлечь на себя гнев вспыльчивого и дерзкого кавальеро, ему не миновать выпустить льва, он настезь распахнул дверцу первой клетки, где, повторяем, находился лев величины, как оказалось, непомерной, — чудовищный и страховидный лев. Прежде всего лев повернулся в своей клетке, выставил лапы и потянулся всем телом, засим разинул пасть, сладко зевнул и языком почти в две пяди длиною протер себе глаза и облизал морду, после этого он высунулся из клетки и горящими, как угли, глазами повел во все стороны; при этом вид его и движения могли бы, кажется, навести страх на самоё смелость. Дон Кихот, однако, смотрел на него в упор, — он с нетерпением ждал, когда же наконец лев спрыгнет с повозки и вступит с ним в рукопашную, а он изрубит льва на куски».

Дон Кихот выказывает неподдельную доблесть.

«Однако благородный лев, не столь дерзновенный, сколь учтивый, оглядевшись, как уже было сказано, по сторонам и не обращая внимания на Дон-Кихотово ребячество и молодечество, повернулся и, показав Дон Кихоту зад, прехладнокровно и не торопясь снова вытянулся в клетке; тогда Дон Кихот велел сторожу ударить его, чтобы разозлить и выгнать из клетки.

— Этого я делать не стану, — возразил сторож, — ведь коли я его раздражню, так он первым делом разорвет в клочки меня. Пусть ваша милость, сеньор кавальеро, удовольствуется уже сделанным, ибо по части храбрости лучшего и желать невозможно, испытывать же судьбу дважды не годится. В клетке у льва дверца отворена: он волен выходить или не выходить, но ежели он до сей поры не вышел, стало быть и до вечера не выйдет. Твердость духа вашей милости уже доказана, — от самого храброго бойца, сколько я понимаю, требуется лишь вызвать

недруга на поединок и ожидать его на поле брани, если же неприятель не явился, то позор на нем, а победный венок достается ожидавшему».

Когда вернулись его убежавшие спутники, Дон Кихот восклицает:

«— Что ты на это скажешь, Санчо? <...> Какое чародейство устоит против истинной отваги? Чародеи вольны обречь меня на неудачи, но сломить мое упорство и мужество они не властны». По пути Дон Кихот расхваливает дону Дьего доблести странствующего рыцарства: «<...> рыцарь же странствующий пусть проникает в самые глухие уголки мира, блуждает в непроходимых дебрях, показывает чудеса храбрости, в пустынных местах, в разгар лета, терпит жгучие лучи солнца, зимою — бешеный ветер и жестокий мороз; да не пугают его львы, да не устрашают чудища, да не ужасают андриаки, ибо главная и прямая его обязанность в том именно и состоит, что за первыми он должен охотиться, на вторых нападать и одолеваять всех без изъятия. А как и мне тоже выпало на долю вступить в ряды рыцарства странствующего, то и не могу я не совершать всего того, что, по разумению моему, входит в круг моих обязанностей, и вот почему нападение на львов, на которых я ныне напал, я почел прямым своим долгом, хотя и сознавал, что это из ряду вон выходящее безрассудство <...>».

Дон Кихот выражает желание впредь прозываться Рыцарем Львов, а не Рыцарем Печального Образа.

ГЛАВА 18

Прибыв в свое имение, дон Дьего представляет Дон Кихота жене; он оказывается первым человеком в книге, с искренней похвалой отозвавшимся о рыцаре:

«— Окажите, сеньора, присущее вам гостеприимство находящемуся перед вами Дон Кихоту Ламанчскому; это странствующий рыцарь, самый отважный и самый просвещенный, какой только есть на свете», — говорит он, хотя и сомневается в здравомыслии гостя. Дон Кихот объясняет сыну дона Дьего, дону Лоренсо, почему странствующее рыцарство — это наука, включающая в себя все или почти все науки на свете. Дон Кихот наслаждается жизнью в доме дона Дьего, но через четыре дня решает продолжить путь на турнир в Сарагосе. Санчо Панса набивает съестным суму, и они с Дон Кихотом покидают гостеприимный дом. «Отец с сыном снова подивились сумбурным речам Дон Кихота, разумным и вздорным попеременно, а также тому, с каким упорством и настойчивостью, несмотря ни на что, стремился он к злоключениям своих приключений <...>».

ГЛАВА 19

На дороге они встречают компанию студентов и поселян, приглашающих их на свадьбу Китерии Прекрасной и Камачо Богатого. Один из студентов объясняет, что в Китерию влюблен ее сосед Басильо. «Как скоро оба вошли в возраст, то отец Китерии порешил не пускать Басильо к себе в дом, а чтобы раз навсегда покончить со всякими подозрениями и опасениями, вознамерился он выдать свою дочь за богача Камачо, выдать же ее за Басильо не заблагорассудил, ибо тот более щедро наделен дарами природы, нежели дарами Фортуны. Однако же, если говорить положа руку на сердце, без малейшей примеси зависти, то Басильо — самый ловкий парень, какого я только знаю, здорово мечет барру, изрядный борец, в мяч играет великолепно, бегают, как олень, прыгает, как серна, кегли сбивает точно какой волшебник, поет, как жаворонок, гитара у него прямо так и разговаривает, а главное, шпагой он владеет — лучше нельзя.

— По одному этому, — молвил Дон Кихот, — названный вами юноша достоин жениться не только на прекрасной Китерии, но и, наперекор Ланселоту и всем, кто вздумал бы тому воспрепятствовать, на самой королеве Джиневре.

— Подите скажите об этом моей жене! — вмешался до сих пор молча слушавший Санчо Панса. — Она стоит на том, что каждый должен жениться на ровне, по пословице: два сапога — пара. А мне бы хотелось, чтобы добрый этот Басильо, который мне уже пришелся по душе, женился на сеньоре Китерии, а кто мешает влюбленным жениться, тем, когда помрут, дай Бог царство небесное, место покойное (Санчо хотел сказать нечто противоположное)».

Студент продолжает:

«— Мне остается досказать лишь вот что: с той поры, как Басильо узнал, что прекрасная Китерия выходит за Камачо Богатого, он уже более не смеется и разумного слова не вымолвит; теперь он вечно уныл и задумчив, говорит сам с собой (верный и непреложный знак того, что он тронулся), ест мало и спит мало, а коли и ест, то одни лишь плоды, спит же он, если только это можно назвать сном, не иначе как в поле, на голой земле, словно дикий зверь, по временам поднимает глаза к небу, по временам уставляет их в землю и застывает на месте, так что, глядя на него, можно подумать, будто перед вами одетая статуя, чье платье треплет ветер. Коротко говоря, по всем признакам, он пылает любовью, и мы, его знакомые, все, как один, убеждены, что если завтра прекрасная Китерия скажет Камачо «да», то для Басильо это будет смертным приговором».

ГЛАВА 20

Великолепный перечень блюд, подававшихся на свадьбе, сравним с гастрономическим раем «Мертвых душ» Гоголя. («Целый бычок, насаженный на вертел из цельного вяза и жарившийся на огне»; «в просторном брюхе бычка было зашито двенадцать маленьких молоденьких поросят, отчего мясо его должно было стать еще вкуснее и нежнее»; котлы «столь неприметно вбирали в себя и поглощали бараньи туши, точно это были не бараньи туши, а голуби»; «свыше шестидесяти бурдюков вместимостью более двух арроб каждый [шесть галлонов] <...> с вином лучших сортов».) Санчо оказывается отличным едоком. Из гигантского котла ему вылавливают «трех кур и двух гусей». Пока он уминает угощение, привлекшее его на сторону Камачо, перед собравшимися разыгрывается представление масок. Санчо утомляет своими поговорками не только Дон Кихота, но и читателя.

ГЛАВА 21

Чтобы вернуть любимую, Басильо прибегает к хитрости. Воткнув в землю один конец длинной шпаги, он «с безумною стремительностью и непреклонною решимостью бросился на острие, мгновение спустя окровавленное стальное лезвие вошло в него до половины и пронзило насквозь, и несчастный, проколотый собственным своим оружием, обливаясь кровью, распростерся на земле». С помощью Дон Кихота он убеждает священника обвенчать его перед смертью с Китерией, после чего она сможет выйти замуж за Камачо. Растроганный до слез священник благословляет молодых, «новобрачный же, как скоро получил благословение, с неожиданною легкостью вскочил и с необычайной быстротою извлек шпагу, для которой ножнами являлось его собственное тело. Все присутствовавшие подивились этому, а иные, отличавшиеся не столько сметливостью, сколько простодушием, стали громко кричать:

— Чудо! Чудо!

Однако ж Басильо объявил:

— Не "чудо, чудо", а хитрость, хитрость!

Священник, растерянный и сбитый с толку, бросился к нему и, пощупав обеими руками рану, обнаружил, что лезвие прошло не через мякоть и ребра, а через железную трубочку, в этом месте искусно прилаженную и наполненную кровью, которая, как потом выяснилось, не сворачивалась, оттого что была особым образом изготовлена».

Дон Кихот одерживает еще одну моральную победу — не дает разгореться битве между сторонниками Басильо и Камачо. Громоподобным голосом он кричит: *«что Бог сочетал, того человек да не разлучает*, а кто попытается это сделать, тому прежде надлежит изведать острие моего копья.

И тут он с такой силой и ловкостью начал размахивать своим копьем, что навел страх на всех, кто его не знал». В конце концов Камачо смиряется и приказывает продолжать веселье в честь Китерии и Басильо.

ГЛАВА 22

Еще в доме дона Дьего Дон Кихот сообщил о своем намерении по пути в Сарагосу исследовать пещеру Монтесиноса. Пробыв три дня у молодых, он просит дать ему проводника и отправляется к пещере. Проводник предлагает застись веревками, чтобы потом, обвязавшись ими, спуститься вниз.

«Дон Кихот объявил, что хотя бы то была не пещера, но пропасть, он должен добраться до самого ее дна; и для того купили они около ста брасов веревки и на другой день, в два часа пополудни, достигли пещеры, спуск в которую, широкий и просторный, скрывала и утаивала от взоров стена частого и непроходимого терновника, бурьяна, дикой смоквы и кустов ежевики. Приблизившись к пещере, студент, Санчо и Дон Кихот спешили, после чего первые двое крепко-накрепко обвязали Дон Кихота веревками; и в то время как его опоясывали и стягивали, Санчо обратился к нему с такими словами:

— Подумайте только, государь мой, что вы делаете, не хороните вы себя заживо и не уподобляйтесь бутылки, которую спускают в колодезь, чтобы остудить. Право, ваша милость, не ваше это дело и не ваша забота исследовать пещеру, которая, наверно, хуже всякого подземелья.

— Вяжи меня и помалкивай, — сказал Дон Кихот, — этот подвиг, друг Санчо, уготован только мне».

У входа в пещеру Дон Кихот взывает к Дульсине: «-<...> ведь я ни о чем другом не прошу, кроме как о помощи твоей и покровительстве, в коих я ныне более чем когда-либо нуждаюсь. Я намерен низринуться, низвергнуться и броситься в бездну, которая здесь предо мною разверзлась, броситься единственно для того, чтобы весь мир узнал, что если ты мне покровительствуешь, то нет такого превышающего человеческие возможности подвига, которого я не взял бы на себя и не совершил».

Дон Кихот спускается на глубину в восемьдесят фатомов (480 футов), и через полчаса его извлекают на поверхность в блаженном обмороке.

ГЛАВА 23

Дон Кихот рассказывает о своих приключениях. Спустившись не слишком глубоко, он проник во впадину в стене пещеры и там погрузился в глубочайший сон. Проснулся он на прелестном лугу. Его глазам открылся пышный королевский дворец из прозрачного хрусталя, из

которого вышел его приветствовать Монтесинос.

«Много лет, доблестный рыцарь Дон Кихот Ламанчский, мы ожидаем тебя в заколдованном этом безлюдье, дабы ты поведал миру, что содержит и скрывает в себе глубокая пещера, именуемая пещерою Монтесиноса, куда ты проник, совершив таким образом уготованный тебе подвиг, на который только ты с неодолимою твоею отвагою и изумительною стойкостью и мог решишься. Следуй же за мною, досточтимый сеньор, я хочу показать тебе диковины, таящиеся в прозрачном этом замке, коего я — алькайд и постоянный главный хранитель, ибо я и есть Монтесинос, по имени которого названа эта пещера».

Монтесинос рассказывает о том, как он вырезал сердце из груди Дурандarta, павшего под Ронсевалем, чтобы поднести его возлюбленной рыцаря, а затем ведет к гробнице, в которой, положи на сердце правую руку, покоится рыцарь.

«Это и есть мой друг Дурандарт, цвет и зеркало всех влюбленных и отважных рыцарей своего времени. Его, как и многих других рыцарей и дам, околдовал Мерлин, французский волшебник, а о Мерлине говорят, будто он сын дьявола, мне же сдается, что сын-то он, может, и не сын, но что он самого дьявола, как говорится, за пояс заткнет. Как и для чего он нас околдовал — ничего не известно, однако ж со временем это узнается, и время это, мне думается, недалеко». И хотя Мерлин держит их в заколдованном царстве вот уже более пятисот лет, никто из них не умер. Дон Кихот становится свидетелем множества других чудес, в том числе шествия леди Белермы, возлюбленной Дурандarta, несущей в руках его сердце. От горя ее красота померкла. «<...> не будь этого [продолжает Монтесинос], вряд ли могла бы с нею соперничать по красоте, прелести и изяществу сама великая Дульсинея Тобосская, которая столь широкою пользуется известностью во всей нашей округе, да и во всем мире».

«Ну уж это вы оставьте, сеньор дон Монтесинос, — прервал я [Дон Кихот] его, — пожалуйста, рассказывайте свою историю, как должно. Известно, что всякое сравнение всегда неприятно, следственно, незачем кого бы то ни было с кем-либо сравнивать. Несравненная Дульсинея Тобосская — сама по себе, а сеньора донья Белерма — также сама по себе была и самою по себе останется, и довольно об этом». Монтесинос приносит извинения.

Хотя Дон Кихот провел в пещере не более получаса, но в заколдованном царстве Монтесиноса он пробыл три дня без еды и сна. На лугу он видел трех поселянок, на которых Санчо прежде указал как на Дульсинею и ее спутниц. «Я спросил Монтесиноса, знает ли он их, он ответил, что нет, но что, по его разумению, это какие-то заколдованные знатные сеньоры, которые совсем недавно на этом лугу появились, и что это, мол, не должно меня удивлять, ибо в этих краях пребывают многие другие сеньоры как времен протекших, так и времен нынешних, и сеньорам этим чародеи придали самые разнообразные и необыкновенные облики, среди каковых женщин он, Монтесинос, узнал королеву Джиневру и придворную ее даму Кинтаньону, ту самую, чье вино пил Ланселот, «Из Британии приехав».

Дон Кихот рассказывает, как одна из поселянок подошла к нему, чтобы одолжить денег для сеньоры Дульсинеи, он дал ей все, что у него было, и поклялся «никогда не отдыхать и еще добросовестнее, чем инфант дон Педро Португальский, объезжать все семь частей света до тех пор, пока я сеньору Дульсинею Тобосскую не расколдую". — "Вы еще и не то обязаны сделать для моей госпожи», — сказала мне на это девица».

Тут она схватила четыре реала и вместо поклона подпрыгнула на два локтя от земли».

ГЛАВА 24

Другие фантастические эпизоды романа всегда объяснялись реалистически либо обманом

со стороны других людей, либо самообманом, иллюзией Дон Кихота. Но в данном случае у нас нет оснований игнорировать фактор времени и фактор пространства, к тому же и сам Дон Кихот должен был бы знать, спал он или нет. Глава начинается с попытки переводчика разобраться в этом деле.

«Переводчик великой этой истории объявляет, что, дойдя до главы о приключениях в пещере Монтесиноса, он обнаружил на полях подлинника следующие собственноручные примечания первого автора этой истории Сида Ахмета Бен-инхали:

"Я не могу взять в толк и заставить себя поверить, что с доблестным Дон Кихотом все именно так и происходило, как о том в предыдущей главе повествуется, и вот почему: все приключения, случившиеся с ним до сих пор, были вероятны и правдоподобны, но приключение в пещере в высшей степени несообразно, и у меня нет никаких оснований признать его истинность. И все же я далек от мысли, чтобы Дон Кихот, правдивейший идалго и благороднейший рыцарь своего времени, мог солгать; он не солгал бы, даже если б весь был изранен стрелами. С другой стороны, повествовал и рассказывал он об этом приключении со всеми вышеприведенными подробностями, и я полагаю, что за такой короткий срок он не мог сочинить всю эту кучу нелепостей; словом, если это приключение покажется вымышленным, то я тут ни при чем, и я его описываю, не утверждая, что оно выдуманно, но и не высказываясь за его достоверность. Ты, читатель, понеже ты человек разумный, сам суди обо всем, как тебе будет угодно, мне же нельзя и не должно что-либо к этому прибавлять; впрочем, передают за верное, будто перед самой своей кончиной и смертью Дон Кихот от этого приключения отрекся и объявил, что он сам его выдумал¹⁵²¹, ибо ему казалось, что оно вполне соответствует тем приключениям, о коих он читал в романах, и вполне согласуется с ними".

В конце главы рыцарь со своим оруженосцем подъезжают к постоялому двору «и, к радости Санчо, Дон Кихот принял его не как обыкновенно — за некий замок, а за самый настоящий постоялый двор».

ГЛАВА 25

На постоялый двор прибывает кукольник Педро, левый глаз и половина щеки которого заклеены пластырем из зеленой тафты. С ним путешествует обезьянка-прорицательница.

«— Сеньор! Это животное не дает ответов и ничего не сообщает касательно будущего, вот о прошлом ей кое-что известно и немного — о настоящем.

— Ей-же-ей, — воскликнул Санчо, — я ломаного гроша не дам за то, чтоб мне угадали мое прошлое! Потому кто же знает его лучше, чем я? И платить за то, чтобы мне сказали, что я и сам знаю, это глупее глупого. Но если уж тут знают и настоящее, то вот, пожалуйста, мои два реала, а теперь скажите, ваше высокообезьянство, что поделывает сейчас моя жена Тереса Панса и чем она занимается?

Маэсе Педро не пожелал взять денег и сказал:

— Я не желаю получать вознаграждение вперед, прежде должно его заработать.

Тут он дважды хлопнул себя правой рукой по левому плечу, вслед за тем обезьянка одним прыжком взобралась к нему, нагнулась к его уху и начала быстро-быстро щелкать зубами, а немного погодя другим таким же прыжком очутилась на земле, и тогда маэсе Педро с чрезвычайною поспешностью опустился перед Дон Кихотом на колени и, обнимая его ноги, заговорил:

— Я обнимаю ноги ваши так же точно, как обнял бы Геркулесовы столпы, о бесподобный восстановитель преданного забвению странствующего рыцарства! О рыцарь Дон Кихот

Ламанчский, чьи заслуги выше всяких похвал, ободрение слабых, опора падающих, рука помощи павшим, оплот и утешение всех несчастных!

Дон Кихот остолбенел, Санчо пришел в изумление, <...> хозяин недоумевал — словом, речи раешника ошеломили всех, а он между тем продолжал:

— А ты, о добрый Санчо Панса, лучший оруженосец лучшего рыцаря в мире, возрадуйся, ибо добрая жена твоя Тереса в добром здравии, и в настоящее время она чешет лен, а чтобы у тебя не оставалось сомнений, я еще прибавлю, что слева от нее стоит кувшин с отбитым горлышком, и, чтоб веселей было работать, вина в нем отнюдь не на доньшке».

В то время как Педро расставляет раек, Дон Кихот высказывает подозрение, что кукольник заключил союз с дьяволом.

ГЛАВА 26

Мальчик, помощник Педро, рассказывает о разыгрываемых куклами событиях.

«— Правдивая эта история, которую мы предлагаем вниманию ваших милостей, целиком взята из французских хроник и тех испанских романсов, которые передаются у нас из уст в уста, так что даже малые ребята знают их на память. В ней рассказывается о том, как сеньор дон Гайферос освободил супругу свою Мелисендру, которая находилась в плену у мавров в Испании, в городе Сансуэнье, — так в те времена называлась Сарагоса». <...>

От взора любопытных, которые обыкновенно все замечают, не укрылось, как Мелисендра спускалась с балкона и садилась на коня, о чем они и донесли королю Марсилию, и король велел сей же час бить тревогу. Глядите, как все это у них быстро: вот уже на всех мечетях ударили в колокола, и город дрожит от звона.

— Ну, уж это положим! — вмешался тут Дон Кихот. — Насчет колоколов маэсе Педро оплошал: у мавров не бывает колоколов, а есть литавры и нечто вроде наших гобоев, а чтобы в Сансуэнье звонили колокола — это явный и невообразимый вздор.

После таких слов маэсе Педро перестал звонить и сказал:

— Не придирайтесь, сеньор Дон Кихот, к мелочам и не требуйте совершенства, — все равно вы его нигде не найдете. Разве у нас сплошь да рядом не играют комедий, где всё — сплошная нелепость и бессмыслица? И, однако ж, успехом они пользуются чрезвычайным, и зрители в совершенном восторге им рукоплещут. Продолжай, мальчик, и никого не слушай, пусть в этом моем представлении окажется столько же несообразностей, сколько песчинок на дне морском, — у меня одна забота: набить кошелек».

Мальчик продолжает, и тут на Дон Кихота находит приступ безумия, он в один прыжок оказывается у сцены и принимается кромсать мечом кукольных мавров, пока не опрокидывает раек. Педро сокрушен потерей, и Санчо предлагает Дон Кихоту уплатить за причиненный ущерб.

«— Теперь я совершенно удостоверился в том, в чем мне уже не раз приходилось удостоверяться, — заговорил Дон Кихот, — а именно, что преследующие меня чародеи первоначально показывают мне чей-нибудь облик, как он есть на самом деле, а затем подменяют его и превращают во что им заблагорассудится. Послушайте, сеньоры: говорю вам по чистой совести, мне показалось, будто все, что здесь происходит, происходит воистину, что Мелисендра — это Мелисендра, Гайферос — Гайферос, Марсилиус — Марсилиус, Карл Великий — Карл Великий, вот почему во мне пробудился гнев, и, дабы исполнить долг странствующего рыцаря, я решился выручить и защитить беглецов и, движимый этим благим намерением, совершил все то, чему вы явились свидетелями. Если же вышло не так, как я хотел, то виноват не я, а преследующие меня злодеи, и хотя я допустил оплошность эту неумышленно, однако ж я сам

себя присуждаю к возмещению убытков. Скажите, маэсе Педро, сколько вы хотите за сломанные куклы? Я готов сей же час уплатить вам доброю и имеющею хождение кастильской монетою». Дон Кихот поочередно платит за каждую из кукол, потом все вместе садятся ужинать. На следующий день маэсе Педро поднимается ни свет ни заря и покидает постоялый двор прежде, чем Дон Кихот и Санчо Панса трогаются в путь.

ГЛАВА 27

Выясняется, что кукольник Педро с зеленой повязкой на глазу — это на самом деле Хинес де Пасамонте, один из каторжников, освобожденных Дон Кихотом в двадцать второй главе первой части. Разумеется, предсказания его обезьянки оказываются надувательством: прежде чем расположиться в каком-нибудь селе, он собирал необходимую информацию, а потом делал вид, что повторяет слова обезьянки. Прибыв на постоялый двор, он, разумеется, узнал Дон Кихота и Санчо Пансу и потому смог без труда их поразить. По пути Дон Кихоту с помощью длинной речи удается утихомирить жителей двух сел, в насмешку друг над другом ревуших ослом. Однако мир нарушает Санчо, решивший продемонстрировать свое искусство реветь по-ослиному. Толпа набрасывается на Санчо, а Дон Кихот постыдно спасается бегством.

ГЛАВА 28

Жестоко избитый Санчо Панса хочет вернуться домой. Он начинает подсчитывать причитающееся ему жалованье, однако угрызения совести берут верх. «Государь мой! Я сознаю, что мне недостает только хвоста, иначе был бы я полным ослом. Коли вашей милости угодно мне его привесить, то я буду считать, что он висит на месте, и в качестве осла буду служить вам до конца моих дней. Простите меня, ваша милость, и сжальтесь надо мной, — ведь я сущий младенец и худо во всем разбираюсь, и болтаю я много неумышленно: такая уж у меня слабость, а кто грешит да кается, тому грехи отпускаются».

ГЛАВА 29

Оказавшись на берегу реки Эбро, Дон Кихот воображает, что пустая лодочка, привязанная к стволу дерева, призывает его отправиться на помощь какому-то попавшему в беду рыцарю. «С этими словами он прыгнул в лодку, Санчо следом за ним, затем была перерезана бечевка, и лодка начала медленно удаляться; и вот когда Санчо увидел, что он уже на расстоянии примерно двух локтей от берега, то в предчувствии неотвратимой гибели задрожал всем телом, но особенно он закручинился, услышав рев осла и увидев, что Росинант из сил выбивается, чтобы сорваться с привязи <...>»^{53}.

Через некоторое время «глазам их явились большие мельницы, стоявшие посреди реки, и, едва увидев их, Дон Кихот громким голосом сказал Санчо:

— Смотри, смотри! Вон там, друг мой, виднеется то ли город, то ли замок, то ли крепость, в которой, уж верно, находится заключенный рыцарь, а может статья, некая униженная королева, инфанта или принцесса, и вот ради того, чтобы оказать им помощь, я сюда и доставлен.

— О каком, черт побери, городе, о какой крепости и о каком замке вы, государь мой, толкуете? — возопил Санчо. — Разве вы не видите, что это водяные мельницы, на которых мелют зерно?

— Молчи, Санчо, — сказал Дон Кихот, — они только кажутся мельницами, но это не мельницы. Я уж тебе говорил, что волшебные чары обладают свойством подменять и искажать подлинную сущность любого предмета. Я не хочу сказать, что один предмет превращается в другой на самом деле, — нет, подмена происходит только в нашем воображении, как это показал случай с превращением моей Дульсины, о ней же все упование мое.

Тем временем лодка попала в самую стремнину и начала продвигаться вперед быстрее, чем прежде. Мукомолы, работавшие на мельницах, заметив, что по реке движется лодка и что ее несет прямо в водоворот, образуемый мельничными колесами, схватили длинные шесты и выбежали на плотину, чтобы остановить лодку, а как лица их и одежда были в муке, то вид у них был довольно страшный <...>».

Дон Кихот, выкрикивая угрозы, обнажает меч, но все же мукомолам удается спасти рыцаря и Санчо, хотя и опрокинув их в воду. Владелец лодки требует возмещения убытков, и Дон Кихот соглашается заплатить. «Затем он возвысил голос и, повернувшись лицом к мельницам, молвил:

— Кто бы вы ни были, друзья мои, ввергнутые в это узилище, простите меня: к несчастью для меня и для вас, я не могу выручить вас из беды. Видно, подвиг сей какому-либо другому рыцарю предуготован и предназначен».

Любопытно, что в эпизоде с водяными мельницами ни сам Дон Кихот, ни его оруженосец не вспоминают эпизод с ветряными мельницами из первой части.

ГЛАВА 30

Дон Кихот встречает охотящихся герцога с герцогиней. Они узнают его и, желая позабавиться, приглашают в свой замок, где ему оказывают прием, достойный странствующего рыцаря.

ГЛАВА 31

Дон Кихот приказывает Санчо обуздать свой язык. Но за него вступает герцогиня:

«— Клянусь жизнью моего мужа, — сказала герцогиня, — что Санчо не отойдет от меня ни на шаг. Я его очень люблю и знаю, что он очень умен».

Здравомыслящий священник, оказавшийся за герцогским столом, отчитывает Дон Кихота.

«Духовник, слышавший весь этот разговор про великанов, душегубов и колдовство, догадался, что это и есть Дон Кихот Ламанчский, которого историю герцог читал постоянно, между тем духовник порицал его за это многократно и уверял, что глупо с его стороны читать подобные глупости. И вот теперь, совершенно удостоверившись в правильности своих предположений, он в превеликом гневе заговорил с герцогом:

— Ваша светлость! Вам, государь мой, придется давать ответ Богу за выходки этого молодца. Я склонен думать, что этот самый Дон Кихот, Дон Остолоп или как его там, не столь уж слабоумен, каким ваша светлость себе его представляет, а потому и не след вам потворствовать его дурачествам и сумасбродствам.

Затем он обратился непосредственно к Дон Кихоту и сказал:

— Послушайте вы, пустая голова: кто это вам втемяшил, что вы странствующий рыцарь и что вы побеждаете великанов и берете в плен лиходеев? Опомнитесь и попомните мое слово: возвращайтесь к себе домой, растите детей, если у вас есть таковые, занимайтесь хозяйством и перестаньте мыкаться по свету, ловить в небе журавля и смешить всех добрых людей, знакомых и незнакомых. Откуда вы взяли, что были на свете и сейчас еще существуют странствующие

рыцари, не к ночи будь они помянуты? Где же это в Испании водятся великаны или в Ламанче — душегубы, и где эти заколдованные Дульсинеи и вся эта уйма чепухи, которая про вас написана?»

ГЛАВА 32

Дон Кихот дает священнику красноречивый ответ: «по-вашему, это бесплодное занятие и праздное времяпрепровождение — странствовать по миру, чуждаясь его веселий и взбираясь по крутизнам, по которым доблестные восходят к обители бессмертия?» Потом он беседует о Дульсинеи с герцогом и герцогиней.

«— Одному Богу известно, существует Дульсинея на свете или же не существует, вымышлена она или же не вымышлена, — в исследованиях подобного рода нельзя заходить слишком далеко. Я не выдумывал мою госпожу и не создавал ее в своем воображении, однако все же представляю ее себе такую, какую подобает быть сеньоре, обладающей всеми качествами, которые способны удостоить ее всеобщего преклонения, а именно: она — безупречная красавица, величавая, но не надменная, в любви пылкая, но целомудренная, приветливая в силу своей учтивости, учтивая в силу своей благовоспитанности и наконец бесподобная в силу своей родовитости, ибо на благородной крови расцветает и произрастает красота, достигающая более высоких степеней совершенства, нежели у низкого происхождения красавиц».

Герцогиня уверяет, что верит в существование Дульсинеи: «Одно только обстоятельство все же меня смущает и вызывает несколько недоброжелательное чувство по отношению к Санчо Пансе. Смущает же меня вот что: в упомянутой книге говорится, что Санчо Панса, явившись к сеньоре Дульсинеи с письмом от вашей милости, застал ее за просеиванием зерна, и в довершение всего говорится, что зерно было низкого сорта, и это как раз и вызывает у меня сомнение в знатности ее рода».

Дон Кихот отвечает: «это дает мне основание полагать, что когда мой оруженосец явился к ней от меня с поручением, то они [чародеи] превратили ее в крестьянку и принудили исполнять столь черную работу, как просеивание зерна. Впрочем, как я уже имел случай заметить, то были не зерна, но перлы Востока, и в доказательство того, что это истинная правда, я хочу вам сказать, ваши высочества, что недавно я был в Тобосо, но так и не нашел дворца Дульсинеи, а на другой день она явилась оруженосцу моему Санчо в подлунном своем облике, то есть в облике первой красавицы во всем подлунном мире, а предо мной она предстала в виде невоспитанной, безобразной и не весьма рассудительной сельчанки, хотя на самом деле она вмещает в себе всю мудрость мира. И коль скоро я сам не заколдован и, если вдуматься, не могу быть заколдован, то, следственно, заколдованною, оскорбленною, превращенною, искаженною и подмененною является она, и на ней выместили злобу мои недруги, вот почему я буду всечасно ее оплакивать до той поры, пока она не явится предо мною в первоначальном своем состоянии». Слуги потешаются над Санчо, но герцогиня, наслаждаясь ситуацией, обласкивает его. Герцог обещает сделать Санчо губернатором острова.

ГЛАВА 33

Очень скучная глава, в которой Санчо беседует с герцогиней. Он по секрету сообщает ей о своем обмане с вручением письма, а также с одной из трех поселянок, выданной им за Дульсинею.

Ночью в лесу, следуя тщательно продуманному плану, герцог и герцогиня разыгрывают с Дон Кихотом очередную шутку. Один из их слуг, одетый дьяволом, объявляет, что шесть отрядов волшебников везут сюда Дульсинею Тобосскую, чтобы уведомить Дон Кихота, как ее расколдовать.

«— Когда б ты был дьявол, как ты уверяешь и как это можно заключить по твоей образине [бесстрашно ответил Дон Кихот], ты бы уж давно догадался, что рыцарь Дон Кихот Ламанчский — вот он, перед тобой.

— Клянусь Богом и своею совестью, я его не заметил, — молвил дьявол, — у меня так забита голова, что главное-то я и упустил из виду.

— Стало быть, этот черт — человек почтенный и добрый христианин, — заметил Санчо, — иначе он не стал бы клясться Богом и своею совестью. Я начинаю думать, что и в аду можно встретить добрых людей.

Тут дьявол, не сходя с коня, повернулся лицом к Дон Кихоту и сказал:

— К тебе, Рыцарь Львов (чтоб ты попал к ним в когти!), послал меня злосчастный, но отважный рыцарь Монтесинос и велел передать, чтобы ты дожидался его на том самом месте, где я с тобою встречусь: он везет с собой так называемую Дульсинею Тобосскую и должен тебе поведать, что должно предпринять, дабы расколдовать ее. А как не о чем мне больше с тобой разговаривать, то и незачем мне тут оставаться. Итак, значит, черти — с тобой, такие же точно, как я, а с вами, сеньоры, — добрые ангелы.

Произнеся эти слова, он затрубил в свой чудовищный рог и, не дожидаясь ответа, поворотил коня и исчез.

Все снова пришли в изумление, особливо Санчо и Дон Кихот: Санчо — оттого, что все наперекор истине в один голос твердили, что Дульсинея заколдована, Дон Кихот же — оттого, что он сам не был уверен, точно ли происходили с ним разные события в пещере Монтесиноса. И он все еще занят был этими мыслями, когда герцог спросил его:

— Вы намерены дожидаться, сеньор Дон Кихот?

— А как же иначе? — отвечал Дон Кихот. — Если даже на меня весь ад ополчится, я все равно буду ждать — бесстрашно и неколебимо».

Слышится страшный шум, на колесницах проезжают три волшебника, объявляющие свои имена.

«Тут все увидели, что под звуки этой приятной музыки к ним приближается нечто вроде триумфальной колесницы, запряженной шестеркою гнедых мулов, покрытых белыми попонами, и на каждом из мулов сидел кающийся в белой одежде, с большим зажженным восковым факелом в руке. Была сия колесница раза в два, а то и в три, больше прежних; на самой колеснице и по краям ее помещалось еще двенадцать кающихся в белоснежных одеяниях и с зажженными факелами, каковое зрелище приводило в восхищение и вместе в ужас, а на высоком троне восседала нимфа [Дульсинея] под множеством покрывал из серебристой ткани, сплошь усыпанных золотыми блестками, что придавало не весьма богатому ее наряду особую яркость. Лицо ее было прикрыто прозрачным и легким газом, сквозь его складки проглядывали очаровательные девичьи черты, а множество факелов, ее освещавших, позволяли судить о красоте ее и возрасте, каковой, по-видимому, не достигал двадцати лет и был не ниже семнадцати. Рядом с нею сидела фигура под черным покрывалом, в платье, доходившем до пят, с длинным шлейфом. Колесница остановилась прямо перед герцогом, герцогинею и Дон Кихотом, и в то же мгновение на ней смолкли звуки гобоев, арф и лютней, фигура же встала с места, распахнула длинную свою одежду, откинула покрывало, и тут все ясно увидели, что это

сама Смерть, костлявая и безобразная, при взгляде на которую Дон Кихот содрогнулся. Санчо струхнул, и даже герцогу с герцогиней стало не по себе. Поднявшись и вытянувшись во весь рост, эта живая Смерть несколько сонным голосом и слегка заплетающимся языком заговорила так:

Я — тот Мерлин, которому отцом
Был дьявол, как преданья утверждают.
(Освящена веками эта ложь!)
<...>
Я пребывал в пещерах Дита мрачных,
Вычерчивая там круги, и ромбы,
И прочие таинственные знаки,
Как вдруг туда проник печальный голос
Прекрасной Дульсинеи из Тобосо.
Поняв, что превратило колдовство
Ее из знатной дамы в поселянку,
Я жалостью проникся, заключил
Свой дух в пустую оболочку этой
На вид ужасной, изможденной плоти,
Перелистал сто тысяч фолиантов,
В которых тайны ведовства сокрыты,
И поспешил сюда, чтоб положить
Конец беде, столь тяжелой и неожиданной».

В заключение сообщается, что Санчо должен три тысячи раз отхлестать себя по голым ягодицам. Иначе «<...> либо Дульсинея возвратится в пещеру Монтесиноса и снова примет облик крестьянки, либо в том виде, какой она имеет сейчас, ее восхитят в Елисейские поля, и там она будет ждать, доколе положенное число розог не будет отсчитано полностью». Санчо отчаянно сопротивляется, и тогда Дульсинея откидывает покрывало и «с чисто мужской развязностью и не весьма нежным голосом» принимается упрекать его в нежелании ей помочь, пока, в конце концов, под угрозой потерять обещанный герцогом остров, Санчо с огромной неохотой соглашается. Весь спектакль был поставлен домоправителем герцога, исполнявшим роль Мерлина и подговорившим одного из пажей изобразить Дульсинею.

ГЛАВА 36

Санчо пишет жене в письме, что теперь она губернаторша, и посылает зеленый охотничий кафтан, подаренный ему герцогиней, из которого она может скроить юбку и кофту для их дочери.

«Вот и выходит, что не так, так эдак, а ты у меня, надо надеяться, разбогатеешь
<...>

Писано в этом замке 1614 года июля 20 дня.

Твой супруг, губернатор Санчо Панса».

Домоправитель ставит еще один уморительный спектакль. Мрачный старик Трифальдин Белая Борода (по аналогии с Труффальдином из «Влюбленного Роланда» Боярдо и «Неистового Роланда» Ариосто) просит Дон Кихота выручить из беды госпожу графиню Трифальди, именуемую также дуэньей Гореваной.

ГЛАВА 37

Короткая и поверхностная глава, в которой обсуждаются дуэньи; Санчо придерживается мнения, что все они назойливые и наглые.

ГЛАВА 38

В сопровождении двенадцати дуэний входит графиня Трифальди, главная дуэнья прекрасной наследницы престола Кандайи, принцессы Метонимии. Дуэнья признается, что некий простой кавальеро дон Треньбреньо покорил ее своими достоинствами, и она позволила ему проникнуть в покои Метонимии на правах законного супруга. Эта интрижка оставалась в тайне до тех пор, пока Метонимия не забеременела. Тогда было решено, что дон Треньбреньо в присутствии викария попросит руки инфанты на основании письма, в котором та давала обещание стать его женой, а Метонимию на время поместят в дом почтенного альгуасила.

ГЛАВА 39

Метонимия стала женой дона Треньбреньо, но королева, мать принцессы, была так раздосадована, что умерла спустя три дня и была похоронена. Затем «на могиле королевы верхом на деревянном коне появился великан Злосмрад, двоюродный брат Майнции [королевы], лиходея и притом волшебник, и вот, чтобы отомстить за смерть двоюродной сестры, чтобы наказать дона Треньбреньо за дерзость и с досады на распущенность Метонимии, он при помощи волшебных чар заколдовал их всех прямо на могиле: инфанту превратил в медную мартышку, дона Треньбреньо — в страшного крокодила из какого-то неведомого металла, между ними поставил столб, тоже металлический, а на нем начертал сирийские письмена, которые в переводе сначала на кандайский, а затем на испанский язык заключают в себе вот какой смысл: "Дерзновенные эти любовники не обретут первоначального своего облика, доколе со мною в единоборство не вступит доблестный ламанец, ибо только его великой доблести уготовал рок невиданное сие приключение"».

В довершение всего, чтобы наказать дуэний, нарушивших свой долг, волшебник наложил на них длительную казнь: «При этих словах Горевана и прочие дуэньи откинули с лица вуали, и тут оказалось, что у них у всех растет борода, у кого белокурая, у кого черная, у кого седая, у кого с проседью, каковое зрелище, видимо, поразило герцога и герцогиню, ошеломило Дон Кихота и Санчо и огорошило всех остальных».

ГЛАВА 40

Глава открывается пеаном Сервантеса: «Все охотники до таких историй, как эта, должны быть воистину и вправду благодарны Сиду Ахмету, первому ее автору, который по своей любознательности выведал наимельчайшие ее подробности и ярко их осветил, не пропустив

даже самых незначительных частностей. Он воссоздает мысли, раскрывает мечтания, отвечает на тайные вопросы, разрешает сомнения, заранее предвидит возражения — одним словом, угадывает малейшие прихоти природы самой любознательной. О достохвальный автор! О блаженный Дон Кихот! О славная Дульсинея! О забавный Санчо Панса! Много лет здравствовать вам всем и каждому из вас в отдельности — на радость и утешение живущим!»

Затем дуэнья Горевана сообщает собравшимся, что Злосмрад посылает своего деревянного коня Клавиленьо, чтобы тот по воздуху отвез Дон Кихота с Санчо Пансой за три тысячи миль в Кандаю; Дон Кихот принимает вызов волшебника.

ГЛАВА 41

Четыре дикаря вносят деревянного коня. Прежде чем сесть на волшебного скакуна, Дон Кихот, «уведя Санчо под деревья, <...> схватил его за обе руки и сказал:

— Ты видишь, брат Санчо, что нам предстоит длительное путешествие, Бог знает, когда мы возвратимся и будет ли у нас досуг и удобный случай, вот почему мне бы хотелось, чтобы ты сейчас пошел к себе в комнату, будто бы тебе что-то нужно захватить в дорогу, и в мгновение ока вlepил себе для начала, в счет трех тысяч трехсот плетей, с тебя причитающихся, хотя бы пятьсот, — что-то по крайней мере было бы уже сделано, — а начать какое-нибудь дело — значит уже наполовину его кончить.

— Ей-богу, у вашей милости не все дома! — воскликнул Санчо. — Это мне напоминает пословицу: "Я ребенка донашиваю, а ты с меня девичества спрашиваешь". Мне на голой доске сидеть придется, а ваша милость требует, чтобы я себе задницу отлупцевал? Ей-ей, ваша милость, это вы не подумавши. Давайте-ка лучше брить дуэний, а потом, когда мы вернемся, — вот вам честное слово оруженосца, — я так быстро покончу с моим обязательством, что ваша милость будет ублажена, и кончен разговор.

На это ему Дон Кихот сказал:

— Ну что ж, добрый Санчо, я удовольствуюсь твоим обещанием и буду надеяться, что ты его исполнишь, — по правде говоря, хоть ты и простоват, а все же ты человек солидный.

— Все я не страховидный, а очень даже благовидный, — возразил Санчо, — впрочем, каков бы я ни был, а слово свое сдержу».

После того как им завязывают глаза, они вдвоем садятся на деревянного коня, поворачивают колокол у него на шею, а герцогская чета с помощью различных уловок — с помощью больших мехов поднимают ветер, жгут паклю — заставляет их поверить, что они летели по воздуху, пока конь не взорвался и они, слегка опаленные, не упали на землю.

«Тем временем бородатый отряд дуэний во главе с Трифальди исчез из сада, все же остальные, как будто бы в обмороке, лежали ниц на земле. Дон Кихот и Санчо сильно ушиблись при падении; когда же они стали на ноги, то огляделись по сторонам и так и обомлели: перед ними был все тот же сад, откуда они выехали, а на земле вповалку лежали люди; но каково же было их изумление, когда в одном углу сада они обнаружили воткнутое в землю длинное копьё, к коему были привязаны два зеленых шелковых шнура, на шнурах висел белый гладкий пергамент, а на нем крупными золотыми буквами было написано следующее:

"Достославный рыцарь Дон Кихот Ламанчский завершил и довел до конца приключение с графиней Трифальди, именуемую также дуэньей Гореваной, и со всею ее компанией одним тем, что на приключение это отважился. Злосмрад не имеет к нему более никаких претензий, подбородки дуэний стали гладкими и растительности лишенными, королевская же чета: дон Треньбреньо и Метонимия возвратились в первоначальное свое состояние. Когда же будет

завершено оруженосцево бичевание, то белая голубка вырвется из когтей зловонных коршунов, ныне ее терзающих, и очутится в объятиях своего воркующего возлюбленного, ибо так судил мудрый Мерлин, всем волшебникам волшебник"».

ГЛАВЫ 42-43

Вознамерившись шутить и дальше, герцог дает указание слугам, как им вести себя с Санчо, когда он станет губернатором, и объявляет, что на следующий день тот отправится управлять обещанным островом. Дон Кихот дает Санчо пространные советы, выдержанные в строго классическом духе, а Санчо сыплет поговорками.

ГЛАВА 44

После отъезда Санчо Дон Кихот страдает от одиночества, не столько потому, что скучает по оруженосцу, сколько потому, что полон меланхолическими мечтами о Дульсинее. Ночью под его окном подученная герцогиней горничная Альтисидора поет любовную песню. «И тут послышались нежнейшие звуки арфы. При этих звуках Дон Кихот остолбенел, ибо в сей миг ему припомнились бесчисленные приключения в этом же роде: с окнами, решетками и садами, с музыкой, объяснениями в любви и обмороками — словом, со всем тем, о чем Дон Кихот читал в рыцарских романах, способных обморочить кого угодно. Он тотчас вообразил, что одна из горничных девушек герцогини в него влюбилась и что только девичий стыд не позволяет ей признаться в сердечном своем влечении, и испугавшись, как бы она его не пленила, мысленно дал себе слово держаться твердо; всей душой и всем помышлением отдавшись под покровительство сеньоре Дульсинее Тобосской, он решился, однако ж, послушать пение и, дабы объявить о своем присутствии, притворно чихнул, что чрезвычайно обрадовало девиц: ведь им только того и нужно было, чтобы Дон Кихот их слышал». После того как пение стихает, он сетует на судьбу и подтверждает свою безграничную преданность Дульсинее. «И тут он с силой захлопнул окно и, опечаленный и удрученный, как если бы на него свалилось большое несчастье, лег в постель <...>».

ГЛАВА 45

Санчо становится губернатором одного из лучших владений герцога — обнесенного стеной городка, насчитывающего до тысячи жителей. Благодаря хорошей памяти он с Соломоновой мудростью вершит суд. Пока он разбирает три тяжбы, нас потчуют всевозможными средневековыми забавами и лошадиным здравым смыслом, таким же древним, как сами лошади.

ГЛАВА 46

На следующий день, возвратившись в свою комнату, Дон Кихот находит в ней виолу. «<...> он подтянул струны, затем отворил решетчатый ставень и услышал, что в саду кто-то гуляет; тогда он быстро перебрал лады, с крайним тщанием настроил виолу, прочистил себе гортань, откашлялся, а затем сипловатым, но отнюдь не фальшивым голосом запел романс, который он сам же предварительно сочинил» в честь Дульсины. Герцог с герцогиней подвергают его изощренной пытке: не дослушав пение до конца, с находившейся над его окном галереи

вытряхивают полный мешок котов, к хвостам которых привязаны колокольчики; Дон Кихот, вообразив, что в комнату ворвался легион бесов, бросается на них с мечом; один из котов с такой силой вцепляется когтями и зубами ему в лицо, что герцогу приходится его отдирать.

ГЛАВА 47

Мы возвращаемся к Санчо Пансе. Сервантес высмеивает существовавший в Испании обычай, согласно которому за королевской трапезой присутствовал врач, который советовал царствующим особам, какую пищу есть, и наблюдал за тем, чтобы они не переедали. Участвующий в розыгрыше Санчо Пансы врач приказывает убирать со стола все лакомые блюда, оставляя его полуголодным. Далее следует идиотский эпизод с крестьянином, просящим шестьсот дукатов на свадьбу сына, которого Санчо — следуя крестьянскому здравому смыслу — прогоняет вон.

ГЛАВА 48

Мы с вами сталкивались с двойным волшебством — со стороны герцогской четы и со стороны слуг. В этой главе появляется дуэнья донья Родригес, которая искренне верит в Дон Кихота и искренне обращается к нему за помощью. «<...> дверь отворилась. Он завернулся с головой в желтое атласное одеяло и стал во весь рост на кровати; на голове у него была скуфейка, на лице и усах повязки: на лице — из-за царапин, а на усах — для того, чтобы они не опускались и не отвисали; и в этом своем наряде он походил на самое странное привидение, какое только можно себе представить. Он впился глазами в дверь, но вместо изнывающей и уже не властной над собой Альтисидоры к нему вошла почтеннейшая дуэнья в белом подрубленном вдовьем покрывале, столь длинном, что оно охватывало и окутывало ее с головы до ног. В левой руке она держала зажженный огарок свечи, а правой защищала от света глаза, скрывавшиеся за огромными очками. Шла она медленно и ступала легко».

Донья Родригес рассказывает Дон Кихоту, что ее дочь соблазнил сын богатого крестьянина, который обещал на ней жениться, но теперь и не думает держать слово. К тому же герцог не вступает за них, потому что богатый крестьянин дает ему денег взаймы. «Вот я и прошу вас, государь мой, возьмите на себя труд, восстановите справедливость — то ли уговорами, то ли силой оружия: ведь все про вас знают, что вы родились на свет, дабы искоренять неправду, выпрямлять кривду и защищать обойденных».

На свою беду, дуэнья разглашает один любопытный факт: на ногах у герцогини установлены фонтанели, через которые из нее вытекают дурные соки; в этот момент дверь с шумом распаивается и появившиеся демоны задают дуэнье хорошую трепку. Затем молчаливые палачи набрасываются на рыцаря. «<...> сдернув с него простыню и одеяло, [они] принялись щипать его, да так часто и так больно, что ему пришлось пустить в ход кулаки, и все это происходило в совершенной тишине. Битва длилась около получаса; засим привидения скрылись, донья Родригес оправила юбки и, оплакивая свое злоключение, вышла из комнаты, не сказав Дон Кихоту ни слова, Дон Кихот же, измученный и исщипанный, растерянный и озадаченный, остался один, и тут мы его покинем [говорит Сервантес], как он ни жаждет узнать, кто же этот злой чародей, который так его отделал».

ГЛАВА 49

Санчо заявляет: «Я хочу очистить остров от всякой дряни — от побродяг, лодырей и шалопаев. Надобно вам знать, друзья мои, что праздношатающийся люд в государстве — это все равно что трутни в улье, которые пожирают мед, собранный пчелами-работницами. Я намерен оказывать покровительство крестьянам, охранять особые права идалго, награждать людей добродетельных, а самое главное — относиться с уважением к религии и оказывать почет духовенству».

Здесь Санчо Панса излагает взгляды Сервантеса на общество и власть. Мудрость его сентенций поражает как преступников, так и участников мистификации. В одном из случаев Санчо приказывает пожертвовать часть денег, ставших предметом распри, на бедных узников. Эпизод с юношей и девушкой (братом и сестрой, обменявшимся одеждой) в отличие от других происшествий *не* подстроен. Девушка — дочь богатого человека, которую отец держит взаперти, — несчастна, ей хочется увидеть окружающий мир. «Все мое несчастье, все мое злополучие состоит в том, что я упростила брата, чтоб он позволил мне переодеться мужчиной и дал мне свое платье и чтоб он ночью, когда батюшка заснет, показал мне город. Наскучив моими мольбами, он в конце концов уступил, я надела на себя вот этот самый костюм, он надел мое платье, которое, кстати сказать, очень ему подошло, потому что у него нет еще и признаков бороды и лицом он напоминает прелестную девушку, и вот нынче ночью, вероятно с час тому назад, мы ушли из дому и, влекомые легкомыслием молодости, обежали весь город <...>». Заметив ночной дозор, они пустились бежать, но девушку поймали и привели в суд. «Что девушка говорила правду истинную, это выяснилось окончательно, когда полицейские привели ее брата, коего один из них настиг в то время, как он убегал от сестры. На нем была только пышная юбка и голубой камки мантилья с золотыми позументами, а головной убор заменяли его же собственные волосы, вившиеся белокурыми локонами и походившие на золотые колечки». Санчо приказывает брату и сестре вернуться домой, не беспокоя отца, и втайне замышляет выдать за юношу свою дочь, однако этим планам не дано осуществиться — губернаторству Санчо приходит конец.

ГЛАВА 50

Желая разузнать, что привело дуэнью в покои Дон Кихота, герцогиня и ее горничная «с великим бережением и опаскою подкрались на цыпочках к двери Дон-Кихотовой спальни и стали так близко, что им слышен был весь разговор; когда же герцогиня услышала, что Родригес выдала тайну насчет аранхуэссских ее фонтанов, то не выдержала и, обуреваемая гневом и жаждой мщенья, вместе с Альтисидорой, испытывавшей те же самые чувства, ворвалась в спальню, и тут они соединенными усилиями расцарапали Дон Кихоту лицо и отшлепали дуэнью <...>».

Мы улавливаем знакомую интонацию: едва закончив одну проделку, затеять другую. На этот раз герцогская чета посылает пажа (игравшего роль Дульсинеи) с подарками и теплым письмом от герцогини и письмом от Санчо к Тересе Панса, совершенно ошалевшей от полученных новостей.

«— Сеньор священник! Сделайте милость, узнайте, не едет ли кто из нашей деревни в Мадрид или же в Толедо: я хочу попросить купить мне круглые, всамделишные фижмы, и чтоб самые лучшие и по последней моде. Право же, я должна по силе-возможности блюсти честь своего мужа губернатора. А то в один прекрасный день разозлюсь и сама поеду в столицу, да еще карету заведу, чтоб все было как у людей. У кого муж — губернатор, те — пожалуйста: покупай и держи карету.

— Еще бы, матушка! — воскликнула Санчика. — И дай тебе Бог поскорей ее завести, а там пусть про меня говорят, когда я буду разъезжать вместе с моей матушкой, госпожой губернаторшей: "Ишь ты, такая-сякая, грязная мужичка, расселась, развалилась в карете, словно папесса!" Ничего, пусть себе шлепают по грязи, а я — ноги повыше и буду себе раскатывать в карете. Наплевать мне на все злые языки, сколько их ни есть: мне бы в тепло да в уют, а люди пусть что хотят, то плетут. Верно я говорю, матушка?

— Уж как верно-то, дочка! — сказала Тереса. — И все эти наши радости, и даже кое-что еще почище, добрый мой Санчо мне предсказывал, вот увидишь, дочка: я еще и графиней буду, удачи — они уж так одна за другой и идут. Я много раз слыхала от доброго твоего отца, а ведь его можно также назвать отцом всех поговорок: дали тебе коровку — беги скорей за веревкой, дают губернаторство — бери, дают графство — хватай, говорят: "На, на!" — и протягивают славную вещицу — клади в карман. А коли не хочешь — спи и не откликайся, когда счастье и благополучие стучатся в ворота твоего дома!

— И какое мне будет дело до того, что обо мне говорят, когда уж я заважничая и зазнаюсь? — вставила Санчика. — Дайте псу в штаны нарядиться, он и с собаками не станет водиться».

ГЛАВА 51

Санчо получает письмо с советами от Дон Кихота и снова заседает в суде, где сталкивается со старой задачей о правде и лжи. «<...> закон составлен таким образом: "Всякий, проходящий по мосту через сию реку, долженствует объявить под присягою, куда и зачем он идет, и кто скажет правду, тех пропускать, а кто солжет, тех без всякого снисхождения отправлять на находящуюся тут же виселицу и казнить". <...> Но вот однажды некий человек, приведенный к присяге, поклялся и сказал: он-де клянется, что пришел затем, чтобы его вздернули вот на эту самую виселицу, и ни за чем другим. Клятва сия привела судей в недоумение, и они сказали: "Если позволить этому человеку беспрепятственно следовать дальше, то это будет значить, что он нарушил клятву и согласно закону повинен смерти; если же мы его повесим, то ведь он клялся, что пришел только затем, чтобы его вздернули на эту виселицу, следовательно, клятва его, выходит, не ложна, и на основании того же самого закона надлежит пропустить его". И вот я вас спрашиваю, сеньор губернатор, что делать судьям с этим человеком, — они до сих пор недоумевают и колеблются. Прослышав же о возвышенном и остром уме вашей милости, они послали меня, дабы я от их имени обратился к вам с просьбой высказать свое мнение по поводу этого запутанного и неясного дела».

После недолгого обсуждения Санчо высказывает свое мнение:

«— Послушай, милейший, — сказал Санчо, — может, я остолоп, но только, по-моему, у этого твоего прохожего столько же оснований для того, чтобы умереть, сколько и для того, чтоб остаться в живых и перейти через мост: ведь если правда его спасает, то, с другой стороны, ложь осуждает его на смерть, а коли так, то вот мое мнение, которое я и прошу передать сеньорам, направившим тебя ко мне: коль скоро оснований у них для того, чтобы осудить его, и для того, чтобы оправдать, как раз поровну, то пусть лучше они его пропустят, потому делать добро всегда правильнее, нежели зло. И под этим решением я не задумался бы поставить свою подпись, если б только умел подписываться. И все, что я сейчас сказал, это я не сам придумал, мне пришел на память один из тех многочисленных советов, которые я услышал из уст моего господина Дон Кихота накануне отъезда на остров, то есть: в сомнительных случаях должно внимать голосу милосердия, и вот, слава Богу, я сейчас об этом совете вспомнил, а он как раз подходит к

нашему делу». Решение объявляется достойным Ликурга.

Санчо Панса проводит день за улучшением государственного устройства. «<...> он воспретил розничную перепродажу съестных припасов во всем государстве и разрешил ввоз вина откуда бы то ни было, с тою, однако же, оговоркою, что должно быть указываемо место его изготовления и что цена на него должна быть устанавливаема сообразно с его действительной стоимостью, качеством и маркою, тем же продавцам, которые будут уличены в разбавлении вина водою, а равно и в подделке ярлычков, губернатор положил смертную казнь; он снизил цены на обувь, главным образом на башмаки, стоившие, по его мнению, невероятно дорого; определил размеры жалованья слугам, которые в своем корыстолюбии не знали удержу; установил строгие взыскания для тех, кто, все равно: днем или же ночью, вздумал бы распевать непристойные и озорные песни; воспретил слепцам петь о чудесах, если только у них нет непреложных доказательств, что чудеса эти подлинно происходили, ибо он держался того мнения, что большинство чудес, о которых поют слепцы, суть чудеса мнимые и только подрывают веру в истинные, и наконец придумал и учредил новую должность — должность альгуасила по делам бедняков, не с тем, однако ж, чтобы преследовать их, а с тем, чтобы проверять, подлинно ли они бедны, а то ведь бывает иной раз и так, что калекою прикидывается вор, у коего обе руки целехоньки, и выставляет напоказ мнимые язвы здоровенный пьяница. Одним словом, он ввел столько улучшений, что они до сего времени не утратили в том краю своей силы и донныне именуется "Законоположениями великого губернатора Санчо Пансы"».

ГЛАВА 52

Донья Родригес с дочерью просят Дон Кихота за них вступитья, и он обещает разыскать обидчика и вызвать его на поединок. Однако герцог берется сам передать своему вассалу вызов и заставить явиться на дуэль спустя шесть дней. От Тересы Панса приходят письма к герцогине и Санчо, в последнем она сообщает новости о деревенской жизни. «Священник, цирюльник, бакалавр и даже причетник никак не могут поверить, что ты — губернатор, и говорят, что это наваждение или же колдовство, как и все, что касается твоего господина Дон Кихота, а Самсон говорит, что он тебя разыщет и выбьет у тебя из головы губернаторство, из Дон Кихота же повыколотит его сумасбродство, а я на это только посмеиваюсь и знай поглядываю на нитку кораллов да прикидываю, какое платье выйдет из твоего кафтана для нашей дочки.

Послала я сеньоре герцогине немного желудей — уж как бы мне хотелось, чтоб они были золотые. Если у вас на острове носят жемчужные ожерелья, то несколько таких ожерелий пришли мне. <...>

Нынешний год оливки у нас не родились, да и уксусу во всем селе не сыщешь ни капли. Через наше село проходил полк солдат и увел с собой трех девок. Я тебе их не назову: может, они еще вернутся, и замуж их все-таки возьмут, несмотря что они с грешком.

Санчика вяжет кружева, <...> ну, а как теперь она губернаторская дочка, то и не к чему ей ради этого трудиться: уж ты дашь ей приданое. Фонтан у нас на площади высох; в позорный столб ударила молния, — дай Бог, чтоб и всем этим столбам был такой же конец».

ГЛАВА 53

Шутка, разыгрываемая с Санчо, достигает своего апогея, когда ему сообщают о нашествии врагов на остров. В поднявшейся суматохе Санчо здорово наминают бока. Избитый Санчо, с трудом передвигая ноги, направляется в конюшню, седлает серого и обращается к

присутствующим: «Оставайтесь с Богом, ваши милости, и скажите сеньору герцогу, что гольшом я родился, гольшом весь свой век прожить ухитрился: я хочу сказать, что вступил я в должность губернатора без гроша в кармане и без гроша с нее ухажу — в противоположность тому, как обыкновенно уезжают с островов губернаторы». После некоторого обсуждения его согласились отпустить, «предложив ему предварительно охрану, а также все потребное для услаждения его особы и для удобств в пути. Санчо сказал, что он ничего не имеет против получить немного овса для серого, а для себя — полголовы сыра и полкаравая хлеба: путь, дескать, недалний, а посему лучших и более обильных запасов довольствия не требуется. Все стали его обнимать, он со слезами на глазах обнял каждого и наконец пустился в дорогу, они же долго еще дивились как его речам, так и непреклонному и столь разумному его решению».

ГЛАВА 54

Начиная с этой главы повествование будет снова от Санчо к Дон Кихоту в пределах одной главы, а не как прежде, от одной главы к другой. «У герцога с герцогиней было решено, что вызову, который Дон Кихот бросил их вассалу по вышеуказанной причине, надлежит дать ход; однако парень этот находился на ту пору во Фландрии, куда он бежал, дабы не иметь своею тещею донью Родригес, а потому их светлости положили заменить его одним из своих лакеев, гасконцем по имени Тосилос, предварительно объяснив ему хорошенько, в чем состоят его обязанности».

По пути к своему господину Санчо встречает мавра Рикоте, деревенского лавочника, переодетого паломником-немцем (мавры были изгнаны из Испании в Африку королевскими указами в 1609–1613 гг.). В группе нищих странников оказались люди весьма молодые с туго набитыми котомками. «Паломники разлеглись на земле и прямо на травке, заменившей им скатерть, разложили хлеб, соль, ножи, орехи, куски сыру и обглоданные кости от окорока: продолжать глотать их было уже бесполезно, но обсасывать никому не возбранялось. Еще выставили они одно черного цвета кушанье, будто бы именуемое *кавьаль*, приготовляемое из рыбьих яиц и столь острое, что его необходимо чем-либо запивать. Также не было здесь недостатка в оливках, впрочем сухих, без всякой приправы, и все же вкусных и соблазнительных».

Старый мавр Рикоте вернулся под видом странника, чтобы выкопать зарытый за селом клад, он хочет переправить свою семью из Алжира в Германию, где живется привольнее. Его история не представляет интереса.

ГЛАВА 55

Замешкавшись в дороге из-за встречи с Рикоте, Санчо ночью в темноте проваливается в глубокое подземелье. Наутро его крики слышит Дон Кихот, выехавший поупражняться перед предстоящим поединком.

«Дон Кихоту показалось, что это голос Санчо Пансы, и это его поразило и озадачило; и, сколько мог возвысив голос, он спросил:

— Кто там внизу? Кто это плачется?

— Кому же тут быть и кому еще плакаться, — послышалось в ответ, — как не бедняге Санчо Пансе, за свои грехи и на свое несчастье назначенному губернатором острова Баратарии, а прежде состоявшему в оруженосцах у славного рыцаря Дон Кихота Ламанчского?

При этих словах Дон Кихот пришел в совершенное изумление и остолбенел: он вообразил,

что Санчо Панса умер и что в этом подземелье томится его душа; и, волнуемый этою мыслью, он заговорил:

— Заклинаю тебя всем, чем только может заклинать правоверный христианин: скажи мне, кто ты таков, и если ты неприкаянная душа, скажи, что я могу для тебя сделать, ибо хотя призвание мое состоит в том, чтобы покровительствовать и помогать несчастным, живущим в этом мире, однако ж я готов распространить его и на то, чтобы вызволять и выручать обездоленных, отошедших в мир иной, если только они сами не властны себе помочь».

Происходит взаимное узнавание, которому способствует рев Санчева осла, Дон Кихот возвращается в замок, и люди герцога, пустив в ход веревки и канаты, вытаскивают Санчо и серого из подземелья. Санчо просит прощения у герцогской четы за то, что не уведомил их о своем отказе от губернаторства. «Ну так вот, ваши светлости, перед вами губернатор ваш Санчо Панса, который из тех десяти дней, что он прогубернаторствовал, извлек только одну прибыль, а именно: он узнал, что управление не то что одним островом, а и всем миром не стоит медного гроша. Приобретя же таковые познания, я лобызаю стопы ваших милостей, а засим, как в детской игре, когда говорят: "Ты — прыг, а я сюда — скок", прыг с моего губернаторства и перехожу на службу к моему господину Дон Кихоту, потому на этой службе мне хоть и страшно бывает, да зато хлеб-то я, по крайности, ем досыта, а мне — хоть морковками, хоть куропатками — только быть бы сытым».

ГЛАВА 56

Дон Кихот прибывает на поле битвы. «Не в долгом времени при звуках труб на краю арены показался достославный лакей Тосилос с опущенным забралом, весь закованный в броню, облаченный в непроницаемые и сверкающие доспехи. <...> Доблестный сей боец получил от своего господина герцога точные указания, как ему надлежит вести себя с доблестным Дон Кихотом Ламанчским, и был предуведомлен, что убивать Дон Кихота ни в коем случае не должно, — напротив того, Тосилосу внушено было, чтобы он постарался уклониться от первой же сшибки: тем самым он-де предотвратит смертельный исход, какового, мол, не избежать, коль скоро они на полном скаку налетят друг на друга. Тосилос объехал арену и, приблизившись к помосту, где восседали обе женщины, некоторое время смотрел, не отрываясь, на ту, что требовала его себе в мужья. <...> Тем временем герцог с герцогинею заняли места в галерее, выходящей на арену, которую плотным кольцом окружил народ, жаждавший поглядеть на доселе невиданный жестокий бой. По условию поединка в случае победы Дон Кихота его противник должен был жениться на дочери доньи Родригес, в случае же его поражения ответчик почитал себя свободным от данного слова, и никакого другого удовлетворения от него уже не требовалось».

Когда лакей, ожидая сигнала, взглянул на дочь доньи Родригес, «она показалась ему прекраснейшею из женщин, каких он когда-либо видел», и Купидон всадил ему в сердце предлинную стрелу. «И вот знак к началу боя был подан, а лакей наш все еще находился в состоянии восторга, помышляя о красоте той, которая уже успела его пленить, и потому не слышал звука трубы, Дон Кихот же, напротив, едва услышав этот звук, тотчас бросился вперед и во всю Росинантову прыть помчался на врага»; Тосилос не сдвинулся с места и стал звать распорядителя. «<...> я боюсь угрызений совести, ибо я возьму на душу великий грех, коли буду продолжать биться. Одним словом, я признаю себя побежденным и объявляю, что хочу как можно скорее жениться на этой девушке». Когда с него сняли шлем, взорам присутствующих предстало лицо лакея.

«— Чистый обман это! Это чистый обман! Вместо настоящего моего жениха нам подсунули Тосилоса, лакея сеньора герцога! Прошу защиты у Бога и короля от такого коварства, чтобы не сказать — подлости!

— Успокойтесь, сеньора, — молвил Дон Кихот, — здесь нет ни коварства, ни подлости, а если и есть, то повинен в том не герцог, а злые волшебники, меня преследующие: позавидовав славе, которую я стяжал себе этой победою, они устроили так, что жених ваш стал похож лицом на человека, коего вы называете лакеем герцога. Послушайтесь моего совета и, невзирая на коварство недругов моих, выходите за него замуж, ибо не подлежит сомнению, что это тот самый, которого вы бы хотели иметь своим мужем».

Гнев герцога, вызванный предательством Тосилоса, сменяется громким смехом.

«— С сеньором Дон Кихотом творятся такие необыкновенные вещи, — сказал он, — что я готов поверить, что это не один из моих лакеев, а кто-то еще». Затем он предлагает заключить Тосилоса под стражу, чтобы посмотреть, не вернется ли к нему прежний облик, «ибо ненависть волшебников к Дон Кихоту вряд ли будет долго продолжаться, тем более что от всех этих козней и превращений они немного выигрывают». Дочь доньи Родригес объявляет о своем желании выйти замуж за этого человека, кем бы он ни был, и приключение кончается смехом и удовлетворением с обеих сторон.

ГЛАВА 57

Дон Кихот покидает герцога с герцогиней, намереваясь продолжить путь в Сарагосу. Напоследок Альтисидора упрекает его в краже подвязок и поет фривольную прощальную песню.

ГЛАВА 58

По дороге Дон Кихот и Санчо встречаются группу селян, закусывающих на лугу, чуть поодаль стоят накрытые белыми простынями предметы. Это лепные и резные изображения святых. Селяне несут в свою деревню. Дон Кихот узнает каждого святого воина и обсуждает его деяния. Он сетует на то, что пока Дульсинея не расколдована, его *жребий не может улучшиться*, а разум возмужать, — это признание собственного безумия предвосхищает тональность заключительной главы. Тем не менее встреча с изображениями святых представляется Дон Кихоту добрым предзнаменованием, Санчо Панса тоже доволен счастливым приключением. Продолжая свое путешествие, «ехали они не по дороге, а по лесу, и вдруг, совершенно для себя неожиданно, Дон Кихот запутался в зеленых [*зеленый* — любимый цвет Сервантеса] нитях, протянутых меж дерев и образывавших нечто вроде сетей». Решив, что волшебники оплели его сетями в отместку за проявленную к Альтисидоре суровость, «он уже хотел двинуться вперед и порвать сети, но в это время перед ним внезапно предстали, выйдя из-за дерев, две прелестнейшие пастушки: во всяком случае, одеты они были, как пастушки, с тою, однако ж, разницей, что тулупчики и юбочки были на них из чудесной парчи <...>». Здесь снова возвращается пастушеская тема. «Мы уговорились целой компанией [говорят они] <...> составить новую пастушескую Аркадию, для чего девушки решили одеться пастушками, а юноши — пастухами. Мы разучили две эклоги, <...> но еще не успели их разыграть». Зеленые сети натянуты, чтобы ловить в них пташек.

Девушки и их братья читали о Дон Кихоте и Санчо Пансе и восхищаются обоими. В ответ на их любезность Дон Кихот выезжает на середину дороги и возглашает:

«— О вы, путники и странники, рыцари и оруженосцы, пешие и конные, все, кто уже сейчас

едет по этой дороге или еще проедет в течение двух ближайших дней! Знайте, что я, Дон Кихот Ламанчский, странствующий рыцарь, остановился здесь, чтобы пред всеми защищать свое мнение: не считая владычицы моей души Дульсиныи Тобосской, нимфы — обительницы этих роц и лугов — превосходят всех в красоте и любезности. По сему обстоятельству, кто держится противоположного мнения, тот пусть поспешит, — я буду ждать его здесь».

По дороге скачет отряд всадников с копьями; один из них, едущий впереди, кричит: «Посторонись, чертов сын, а то тебя быки растопчут!» Когда Дон Кихот отказывается уйти с дороги, стадо диких быков, которых гнали вместе с прирученными, опрокидывает и сминает рыцаря и Санчо вместе с Росинантом и ослом. (Возвращение к восемнадцатой главе первой части, в которой Дон Кихот сражался со стадом овец, принятым за неприятельскую рать.) «Немного погодя господин и его слуга снова сели верхами. И, не вернувшись проститься с мнимой и поддельной Аркадией, они, испытывая не столько чувство удовлетворения, сколько чувство стыда, поехали дальше».

ГЛАВА 59

Дон Кихот с Санчо Пансой садятся на берегу чистого прозрачного родника.

«— Кушай, друг Санчо, — сказал Дон Кихот, — поддерживай свои силы, тебе жизнь дороже, чем мне, а мне предоставь рухнуть под бременем моих дум и под гнетом моих злоключений. Моя жизнь, Санчо, — это всечасное умирание, а ты, и умирая, все будешь питать свою утробу. А дабы удостовериться, что я прав, обрати внимание на то, каким я изображен в книге, а изображен я доблестным в битвах, учтивым в поступках, пользующимся уважением у вельмож, имеющим успех у девушек. И вот в конце концов, когда я ожидал пальм, триумфов и венков, которые я заработал и заслужил доблестными моими подвигами, по мне нынче утром прошились, меня истоптали, избили ногами грязные эти и гнусные твари. От этой мысли у меня тупеют резцы, слабеют коренные зубы, немеют руки и совершенно пропадает желание есть, так что я даже намерен уморить себя голодом, то есть умереть самую жестокою из смертей».

Но так как Дульсиныя пока не расколдована, Дон Кихот находит в себе силы попросить Санчо Пансу хлестнуть себя по ягодицам раз триста—четыреста в счет трех с лишним тысяч ударов, которые тот обязался себе нанести. Санчо, как обычно, переносит экзекуцию на потом.

Немного погодя они останавливаются на постоялом дворе. Дон Кихот слышит, как кто-то в соседней комнате упоминает его имя.

«— Пожалуйста, сеньор дон Херонимо, пока нам не подали ужин, давайте прочтем еще одну главу из второй части «Дон Кихота Ламанчского»^[54].

Услыхав свое имя, Дон Кихот тотчас вскочил, напряг все свое внимание, и слуха его достигнул ответ вышеназванного дона Херонимо:

— Ну к чему нам, сеньор дон Хуан, читать такие нелепости? Ведь у всякого, кто читал первую часть истории «Дон Кихота Ламанчского», должна пропасть охота читать вторую.

— Со всем тем, — возразил дон Хуан, — прочитать ее не мешает, оттого что нет такой плохой книги, в которой не было бы чего-нибудь хорошего. Мне лично больше всего не нравится, что во второй части Дон Кихот разлюбил Дульсиныю Тобосскую»^[55].

Дон Кихот, преисполнившись гнева и негодования, вызывает их на поединок от своего имени. В комнату входят два кавальеро, «из коих один, заключив Дон Кихота в объятия, молвил:

— Ваша наружность удостоверяет ваше имя, имя же ваше не вступает в противоречие с вашей наружностью: вне всякого сомнения, вы, сеньор, и есть подлинный Дон Кихот Ламанчский, светоч и путеводная звезда странствующего рыцарства, существующий вопреки и

наперекор тому, кто вознамерился похитить ваше имя и развенчать ваши подвиги, а именно автору вот этой самой книги».

Перелистав книгу, Дон Кихот тут же ее возвращает, говоря, что уже успел кое-что заметить: некоторые выражения в прологе достойны порицания; книга написана на арагонском, а не кастильском наречии; автор объявляет, что жену Санчо зовут Мари Гутьеррес, на самом же деле ее зовут Тересой Панса^{56}. «А кто путает такие важные вещи, от того можно ожидать, что он перепутает и все остальное».

Санчо спрашивает, каким его изобразили в подложной книге.

«— Можешь мне поверить, — сказал кавальеро, — что этот новый автор изображает тебя вовсе не таким приятным, каким ты нам кажешься: он выдает тебя за обжору, простака, и притом отнюдь не забавного — словом, нимало не похожего на того Санчо, который описан в первой части истории твоего господина»^{57}.

Как и всех положительных героев книги, обоих кавальеро изумляет сочетание мудрости и помешательства в речах Дон Кихота (тогда как других изумляло сочетание здравого смысла и неотесанности в Санчо Пансе).

Дон Кихот решает отказаться от турнира в Сарагосе по довольно странной причине:

«Дон Хуан заметил, что в этой новой книге рассказывается, как Дон Кихот, или, вернее, кто-то другой под его именем, участвовал на таком турнире в скачках с кольцами — турнире, скудно обставленном, с жалкими девизами и с еще более жалкими нарядами, но зато изобиловавшим всякими глупостями.

— В таком случае, — объявил Дон Кихот, — ноги моей не будет в Сарагосе, — тем самым я выведу на свежую воду этого новоявленного лживого повествователя, и тогда все увидят, что Дон Кихот, которого изобразил он, это не я».

ГЛАВА 60

«Утро выдалось прохладное, и день обещал быть точно таким же, когда Дон Кихот выехал с постоянного двора, предварительно осведомившись, какая дорога ведет прямо в Барселону, минуя Сарагосу, — так хотелось ему уличить во лжи нового повествователя, который, как ему говорили, его оболгал». За все шесть дней с Дон Кихотом и Санчо не происходит ничего особенного, они останавливаются на ночлег в чаще дубового леса, «а какие то были дубы, простые или же пробковые, по сему поводу Сид Ахмет против обыкновения не дает точных указаний». Пока Санчо спит, «Дон Кихот, коему не столько голод не давал спать, сколько его думы, никак не мог сомкнуть вежды и мысленно переносился в места самые разнообразные. То ему представлялось, будто он находится в пещере Монтесиноса, то чудилось ему, будто превращенная в сельчанку Дульсинея подпрыгивает и вскакивает на ослицу, то в ушах его звучали слова мудрого Мерлина, излагавшего условия и способы расколдования Дульсины. Его приводили в отчаяние нерадение и бессердечие оруженосца Санчо, который, сколько Дон Кихоту было известно, нанес себе всего лишь пять ударов, то есть число ничтожное и несоизмеримое с тем бесчисленным числом ударов, которые ему еще оставалось себе нанести». Рыцарь принимает решение отхлестать Санчо, но тот сопротивляется, да так отчаянно, что, дав Дон Кихоту подножку, валит своего господина на землю и отпускает лишь тогда, когда тот обещает не приставать к нему с поркой».

Безоружный и беззащитный Дон Кихот неожиданно попадает в плен к местному Робин Гуду — разбойнику по имени Роке Гинарт. Роке, слышавший о Дон Кихоте, но не веривший в его приключения, чрезвычайно рад этой встрече. На всем скаку в лагерь разбойников въезжает

переодетая юношей девушка в зеленом, ее история стара как мир: мужчина, обещавший на ней жениться, собирается жениться на другой. Оскорбленная жертва стреляет в обманщика, но узнав, что слухи были ложными, падает в обморок на его окровавленную грудь, а он испускает дух. Идиотизм.

Разбойники берут в плен двух капитанов испанской пехоты и двух паломников, идущих в Рим. А также нескольких женщин. Обычная чепуха.

ГЛАВА 61

Роке пишет письмо своему барселонскому приятелю и провожает Дон Кихота с Санчо Пансой до города, оставив их на набережной дожидаться рассвета. Впервые в жизни они любят морем. «Тем временем всадники с шумными и радостными криками подскакали вплотную к пораженному и ошеломленному Дон Кихоту, и один из них, тот самый, которому писал Роке, обратился к Дон Кихоту и громко воскликнул:

— Милости просим в наш город, зеркало, маяк, светоч и путеводная звезда странствующего рыцарства, в каковых ваших качествах нас совершенно убеждают все рыцарские истории! Милости просим, Дон Кихот Ламанчский, не тот мнимый, поддельный и вымышленный, который действует в некоторых новейших лживых повестях, но истинный, подлинный и сомнению не подлежащий, такой, каким вас описывает Сид Ахмет Бен-инхали, всем повествователям повествователь!» Всадники сопровождают Дон Кихота к дому дона Антонио Морено, гостем которого он становится.

ГЛАВА 62

Дон Антонио, любитель так называемых «благопристойных и приятных увеселений», выводит Дон Кихота на балкон на потеху всему народу, а после приглашает прокатиться по городу, прицепив незаметно к его плащу пергамент с надписью *Дон Кихот Ламанчский*; наш рыцарь поражен, сколько людей знает его по имени. Затем дон Антонио показывает Дон Кихоту волшебную голову, изготовленную великим чародеем и способную отвечать на вопросы. (Впоследствии обнаруживается, что в комнате, находившейся под столиком, сидел юноша, голос которого шел вверх по трубе, хотя казалось, что звук исходит из бронзовой головы.) Несколько приятелей дона Антонио задают голове вопросы и получают ответы.

«Затем приблизился Дон Кихот и спросил:

— Скажи мне ты, на все отвечающая: явью то было или же сном — все, что, как я рассказывал, со мною случилось в пещере Монтесиноса? Верная ли это вещь — самобичевание Санчо? Произойдет ли на самом деле расколдование Дульсинеи?

— Что касается пещеры, — отвечали ему, — то это не так-то просто: тут всякое было; самобичевание Санчо будет подвигаться вперед исподволь; расколдование Дульсинеи совершится должным порядком.

— Больше мне ничего и не надобно, — заметил Дон Кихот, — как скоро я уверюсь, что Дульсинея расколдована, я сочту, что все удачи, о которых я мог только мечтать, разом выпали на мою долю».

Открыв секрет говорящей головы, «<...> Сид Ахмет прибавляет, что чудодейственное это сооружение просуществовало еще дней десять—двенадцать, а затем по городу распространился слух, что в доме у дона Антонио имеется волшебная голова, которая отвечает на любые вопросы, и тогда дон Антонио из боязни, как бы это не дошло до вечно бодрствующих ревнителей

благочестия, сам сообщил обо всем сеньорам инквизиторам, они же велели ему забавы сии прекратить, а голову сломать, дабы она не являла соблазна для невежественной черни»^{58}.

Дон Кихот посещает книгопечатню, где правят пробные оттиски какой-то книги; когда же он спрашивает ее название, ему отвечают, что это вторая часть «Хитроумного идальго Дон Кихота Ламанчского», сочинение некоего автора, уроженца Тордесильяса.

«— Слышал я об этой книге, — заметил Дон Кихот. — Признаться сказать, я полагал, что ее уже успели сжечь за ее вздорность, а пепел развеяли по ветру, ну да, впрочем, дождется свинья Мартинова дня. Истории вымышленные только тогда хороши и увлекательны, когда они приближаются к правде или правдоподобны, истории же, имеющие своим предметом происшествия истинные, тогда только и хороши, когда они правдивы.

И, сказавши это, Дон Кихот с некоторою досадою покинул книгопечатню».

ГЛАВА 63

Дон Кихот отправляется осматривать галеры, где его торжественно приветствует командор. Перед выходом в море «боцман подал знак поднять якорь, а затем не то с бичом, не то с хлыстом выскочил на середину палубы и принялся стегать гребцов по плечам, и тут галера стала медленно выходить в море». Дон Кихот, заметив, с каким вниманием следит за происходящим Санчо, говорит:

«— Ах, дружище Санчо! Как легко и с каким проворством мог бы ты, когда бы только захотел, обнажиться до пояса, присоединиться к этим сеньорам и расколдование Дульсинеи довести до конца! Кругом столько мук и страданий, что тебе не так тяжело было бы переносить свои. Тем более что, может статься, мудрый Мерлин зачтет тебе каждый удар хлыста, нанесенный столь мощной рукой, за десять из общего числа тех, которые ты еще должен себе нанести»^{59}.

После захвата турецкой бригаантины мы встречаем еще одного ряженого (пересчитайте-ка их!). Захваченные в плен матросы указали своего капитана, прекрасного юношу, которого командор приказал повесить на рее.

«Вице-король взглянул на юношу, и тот показался ему на удивление красивым, стройным и на удивление кротким, так что в эту минуту красота юноши послужила ему наилучшим рекомендательным письмом, а потому у вице-короля явилось желание спасти его от смерти, и он обратился к нему с вопросом:

— Скажи, арраис: ты родом турок, или мавр, или, может статься, ты вероотступник?

Арраис ему, также на кастильском языке, ответил:

— Я не турок, не мавр и не вероотступник.

— Так кто же ты? — спросил вице-король.

— Женщина-христианка, — отвечал юноша.

— Женщина, да еще христианка, в подобной одежде и при таких обстоятельствах? Все это скорее вызывает изумление, нежели внушает доверие.

— Отдалите, сеньоры, миг отмщения, — молвил юноша, — вы не много потеряете, отложив мою казнь до того времени, когда я окончу повесть о моей жизни».

Девушка оказывается христианкой, дочерью мавра Рикоте, в которую был влюблен ее сосед дон Грегорьо, ее в раннем возрасте увезли в Алжир, куда за ней последовал Грегорьо. Пока он живет в Алжире, переодевшись женщиной, она получает разрешение вернуться в сопровождении двух турок в Испанию, чтобы извлечь для алжирского короля зарытый там клад. На борт того же корабля поднимается старый Рикоте, переодетый паломником, он узнает свою дочь, льются

поток слез, происходит воссоединение. Эта история не заслуживает разбора, скажу только, что в ней предлагаются различные способы освобождения дон Грегорью, и всё заканчивается счастливо.

ГЛАВЫ 64-65

«Однажды утром Дон Кихот, облаченный во все свои доспехи, ибо он любил повторять, что его наряд — это его доспехи, а в лютой битве его покой, и оттого не расставался с ними ни на мгновение, выехал прогуляться по набережной и вдруг увидел, что навстречу ему едет рыцарь, вооруженный, как и он, с головы до ног, при этом на щите у него была нарисована сияющая луна; приблизившись на такое расстояние, откуда его должно было быть слышно, рыцарь возвысил голос и обратился к Дон Кихоту с такою речью:

— Преславный и неоцененный рыцарь Дон Кихот Ламанчский! Я тот самый Рыцарь Белой Луны, коего беспримерные деяния, уж верно, тебе памятны. Я намерен сразиться с тобою и испытать мощь твоих дланей, дабы ты признал и подтвердил, что моя госпожа, кто бы она ни была, бесконечно прекраснее твоей Дульсинеи Тобосской».

Это, разумеется, Карраско, который уже сражался с Дон Кихотом. Следует краткое описание поединка. Весьма невыразительная сцена. Автор устал. По-моему, он мог бы вложить в нее гораздо больше выдумки, сделать гораздо забавнее и увлекательнее. Эта сцена должна была бы стать кульминацией романа, самой яростной и упорной битвой в целой книге! Но вместо этого: «без трубного звука и без какого-либо другого сигнала к бою рыцари одновременно поворотили коней и ринулись навстречу друг другу, но конь Рыцаря Белой Луны оказался проворнее и успел пробежать две трети разделявшего их расстояния, и тут Рыцарь Белой Луны, не пуская в ход копьё (которое он, видимо, нарочно поднял вверх), с такой бешеной силой налетел на Дон Кихота, что тот вместе с Росинантом рискованное совершил падение. Рыцарь Белой Луны мгновенно очутился подле него и, приставив к его забралу копьё, молвил:

— Вы побеждены, рыцарь, и вы умрете, если не пожелаете соблюсти условия нашего поединка».

Дон Кихот сдается и обещает вернуться в родное село на год или впредь до особого распоряжения, однако упорно стоит на том, что Дульсинея — прекраснейшая женщина на свете. Карраско, он же Рыцарь Белой Луны, довольствуется полученным обещанием и соглашается, что Дульсинея не имеет равных. Дон Кихота уносят с поля битвы в дом дон Антонио, куда приходит весть о возвращении дон Грегорью и счастливом завершении истории девушки-христианки. Более не странствующий рыцарь — Дон Кихот отправляется к себе в деревню.

ГЛАВА 66

Санчо улаживает спор между двумя группами крестьян. На следующий день они встречают лакея Тосилоса, посланного герцогом в Барселону с письмами к вице-королю. Тосилос рассказывает, что после отъезда Дон Кихота герцог приказал отсчитать ему сотню розог за то, что он, уклонившись от боя, не выполнил его распоряжений, донья Родригес вернулась в Кастилию, а дочь ее ушла в монастырь.

ГЛАВА 67

Дон Кихот и Санчо Панса приходят туда, где им когда-то досталось от стада быков. Дон

Кихот сразу узнает это место.

«— Вон тот лужок, где мы встретились с разодетыми пастушками и разряженными пастухами, задумавшими воссоздать и воскресить здесь пастушескую Аркадию, каковая мысль представляется мне столь же своеобразной, сколь и благоразумной, и если ты ничего не имеешь против, Санчо, давай в подражание им также превратимся в пастухов хотя бы на то время, которое мне положено провести в уединении. Я куплю овечек и все, что нужно пастухам, назовусь пастухом *Кихотисом*, ты назовешься пастухом *Пансино*, и мы, то распевая песни, то сетуя, будем бродить по горам, рощам и лугам, утоляя жажду текучим хрусталем ключей, светлых ручейков или же полноводных рек. Дубы щедро оделят нас сладчайшими своими плодами, крепчайшие стволы дубов пробковых предложат нам сиденья, ивы — свою тень, розы одарят нас своим благоуханием, необозримые луга — многоцветными коврами, прозрачный и чистый воздух напоит нас своим дыханием, луна и звезды подарят нам свой свет, торжествующий над ночной темнотою, песни доставят нам удовольствие, слезы — отраду, Аполлон вдохновит нас на стихи, а любовь подскажет нам такие замыслы, которые обессмертят нас и прославят не только в век нынешний, но и в веках грядущих».

Санчо с восторгом принимает эту идею и высказывает надежду, что к ним, возможно, присоединятся цирюльник со священником и даже Самсон Карраско.

ГЛАВА 68

Снова дон Кихот предлагает Санчо отхлестать себя плетью, и снова Санчо отвечает отказом. Их топчет стадо свиней, потом переодетые всадники берут их в плен и отводят в замок герцога и герцогини.

ГЛАВА 69

Они попадают во внутренний двор замка, посреди которого на богато убранном катафалке лежит, словно мертвая, прекрасная Альтисидора, вокруг пылают восковые свечи, а на воздвигнутом поодаль помосте восседают в царских коронах судьи, Минос и Радамант. После изрядной порции возгласов и песен судьи провозглашают, что оживить девицу можно следующим способом: двадцать четыре раза щелкнуть Санчо в нос, двенадцать раз ущипнуть и шесть раз уколоть булавками. Санчо яростно сопротивляется.

«В это время во дворе появились шесть дуэний; шли они вереницею, при этом четыре из них были в очках, а руки у всех были подняты, рукава же на четыре пальца укорочены, дабы руки, как того требует мода, казались длиннее. При одном виде дуэний Санчо заревел, как бык.

— Я согласен, чтобы меня весь род людской хватал за лицо, — воскликнул он, — но чтоб ко мне прикасались дуэньи — это уж извините! Пусть мне царапают лицо коты, как царапали они вот в этом самом замке моего господина, пронзайте мое тело острыми кинжалами, рвите мне плечи калеными клещами, — я все стерплю, чтобы угодить господам, но дуэньям дотрагиваться до меня я не позволю, хотя бы меня черт уволок.

Тут не выдержал Дон Кихот и, обратясь к Санчо, молвил:

— Терпи, сын мой, послужи сеньорам и возблагодари всевышнего, который даровал тебе такую благодатную силу, что, претерпевая мучения, ты расколдовываешь заколдованных и воскрешаешь мертвых.

Между тем дуэньи уже приблизились к Санчо, и Санчо, смягчившись и проникшись доводами своего господина, уселся поудобнее в кресле и подставил лицо той из них, которая

шла впереди, дуэнья же вlepила ему здоровенный щелчок, сопроводив его глубоким реверансом.

<...> но чего Санчо никак не мог снести, это булавочных уколов: он вскочил с кресла и, доведенный, по-видимому, до исступления, схватил первый попавшийся пылающий факел и ринулся на дуэний и на всех своих палачей с криком:

— Прочь, адовы слуги! Я не каменный, таких чудовищных мук мне не вынести!»

Альтисидора оживает, ее приветствуют шумными криками.

«Дон Кихот, увидев, что Альтисидора подает признаки жизни, тотчас бросился перед Санчо на колени и обратился к нему с такими словами:

— О ты, ныне уже не оруженосец, но возлюбленный сын мой! Урочный час настал, отсчитай же себе несколько ударов из общего числа тех, которые ты обязался себе нанести для расколдования Дульсинеи. Повторяю: ныне целебная сила, коей ты обладаешь, достигла своего предела, и тебе несомненно удастся совершить то благодеяние, которого от тебя ожидают.

Санчо же ему на это сказал:

— Не то, так другое, час от часу не легче! Мало щелчков, шипков да уколов, еще не угодно ли розог! <...> Оставьте меня в покое, иначе, ей-богу, я тут все вверх дном переверну».

ГЛАВА 70

Альтисидора приходит ночью в спальню к Дон Кихоту с Санчо, чтобы упрекнуть рыцаря в жестокости. Она вспоминает, что, будучи заколдованной, находилась недалеко от ада и видела, как дюжина чертей играет в теннис книгами. «Одну совсем-совсем новенькую книжку в богатом переплете они так поддали, что из нее вывалились все внутренности и разлетелись листы. Один черт сказал другому: "Погляди, что это за книжка". Тот ответил: "Вторая часть истории Дон Кихота Ламанчского", но только это сочинение не первого ее автора, Сида Ахмета, а какого-то арагонца, который называет себя уроженцем Тордесильяса". — "Выкиньте ее отсюда, — сказал первый черт, — бросьте ее в самую преисподнюю, чтобы она не попадалась мне больше на глаза". — "Уж будто это такая плохая книга?" — спросил второй. "До того плохая, — отвечал первый, — что если б я нарочно постарался написать хуже, то у меня ничего бы не вышло". Они возобновили игру и стали перебрасываться другими книгами, я же, услышав имя Дон Кихота, которого я так люблю и обожаю, постаралась сохранить в памяти это видение».

ГЛАВА 71

Покинув герцогский замок, Дон Кихот направляется в родную деревню. «Побежденный и теснимый судьбою, Дон Кихот был весьма грустен, а в то же время и весьма радостен. Грусть его вызывалась поражением, радость же — мыслью о целебной силе Санчо, которую тот выказал при воскрешении Альтисидоры, хотя, впрочем, Дон Кихоту потребовалось некоторое усилие для того, чтобы убедить себя, что влюбленная девушка была, точно, мертва».

Он предлагает Санчо плату за каждый удар плетью, и Санчо обещает этой же ночью приступить к порке. Поначалу он наносит себе шесть-семь ударов, подсчетом которых занимается Дон Кихот, но затем, скрывшись в лесу, принимается хлестать недоуздом по деревьям, громко стелая, словно от сильной боли; наконец Дон Кихот, преисполнившись жалости, устремляется к нему, выхватывает недоуздок (который уже дважды применялся в колдовстве) и принуждает Санчо прекратить самобичевание. Продолжив свой путь, они прибывают в некое село. «Остановились они на постоялом дворе, который Дон Кихот именно таковым и признал, но отнюдь не замком с глубокими рвами, башнями, решетками и

подъемным мостом; надобно заметить, что со времени своего поражения он стал судить о вещах более здраво <...>».

ГЛАВА 72

Столкнувшись на постоялом дворе с одним из персонажей подложной «Второй части» Авельянеды, Дон Кихот нотариально заверяет документ, что настоящие Дон Кихот и Санчо Панса не имеют никакого отношения к самозванцам, выведенным в книге Авельянеды. Ночью, в лесу, среди деревьев, страдающих от плети вместо спины и ягодиц Санчо, оруженосец доводит самобичевание до конца; теперь Дон Кихот за каждым поворотом ожидает встретить расколдованную Дульсинею.

ГЛАВА 73

Хотя при въезде в родное село Дон Кихоту мерещатся дурные предзнаменования, он сообщает священнику и Карраско о своем обязательстве в течение года оставаться дома и о своем решении подвизаться на поприще пастушеской жизни, к которой просит их присоединиться. «Этот новый предмет Дон-Кихотова помешательства поразил священника и бакалавра, однако ж, дабы он снова, рыцарских ради подвигов, не пустился в странствия и в надежде на то, что за этот год он, может статься, поправится, они эту новую его затею одобрили и, безумную его мысль признав вполне здоровою, согласились вместе с ним начать подвизаться на новом поприще. <...> На этом священник и бакалавр с Дон Кихотом простились, а перед уходом обратились к нему с просьбой беречь свое здоровье и посоветовали обратить особое внимание на пищу».

Но Дон Кихоту нездоровится, и его укладывают в постель.

ГЛАВА 74

На смертном ложе разум Дон Кихота проясняется.

«— Поздравьте меня, дорогие мои: я уже не Дон Кихот Ламанчский, а Алонсо Кихано, за свой нрав и обычай прозванный *Добрым*. Ныне я враг Амадиса Галльского и тьмы-тьмущей его потомков, ныне мне претят богомерзкие книги о странствующем рыцарстве, ныне я уразумел свое недомыслие, уразумел, сколь пагубно эти книги на меня повлияли, ныне я по милости Божией научен горьким опытом и предаю их проклятию.

Трое посетителей, послушав такие речи, решили, что Дон Кихот, видимо, помешался уже на чем-то другом. И тут Самсон сказал ему:

— Как, сеньор Дон Кихот? Именно теперь, когда у нас есть сведения, что сеньора Дульсинея расколдована, ваша милость — на попятный? Теперь, когда мы уже совсем собрались стать пастухами и начать жить по-княжески, с песней на устах, ваша милость записалась в отшельники? Перестаньте, ради Бога, опомнитесь и бросьте эти бредни.

— Я называю бреднями то, что было до сих пор, — возразил Дон Кихот, — бреднями воистину для меня губительными, однако с Божьей помощью я перед смертью обращу их себе на пользу. Я чувствую, сеньоры, что очень скоро умру, а потому шутки в сторону, сейчас мне нужен духовник, ибо я желаю исповедаться, а затем — писарь, чтобы составить завещание. <...>

После исповеди священник вышел и сказал:

— Алонсо Кихано Добрый, точно, умирает и, точно, находится в здоровом уме. Пойдемте все

к нему, сейчас он будет составлять завещание. <...>

Наконец, после того как над Дон Кихотом были совершены все таинства и после того как он, приведя множество веских доводов, осудил рыцарские романы, настал его последний час. Присутствовавший при этом писарь заметил, что ни в одном рыцарском романе не приходилось ему читать, чтобы кто-нибудь из странствующих рыцарей умирал на своей постели так спокойно и так по-христиански, как Дон Кихот; все окружающие его продолжали сокрушаться и оплакивать его, Дон Кихот же в это время испустил дух, попросту говоря — умер.

Тогда священник попросил писаря выдать свидетельство, что Алонсо Кихано Добрый, обыкновенно называемый Дон Кихотом Ламанчским, действительно преставился и опочил вечным сном; свидетельство же это понадобилось ему для того, чтобы какой-нибудь другой сочинитель, кроме Сиды Ахмета Бен-инхали, не вздумал обманным образом воскресить Дон Кихота и не принялся сочинять длиннейшие истории его подвигов. Таков был конец хитроумного ламанчского идадьго; однако ж местожительство его Сид Ахмет точно не указал, дабы все города и селения Ламанчи оспаривали друг у друга право усыновить Дон Кихота и почитать его за своего уроженца, подобно как семь греческих городов спорили из-за Гомера».

Сид Ахмет (а иначе Сервантес) заключает: «"Для меня одного родился Дон Кихот, а я родился для него; ему суждено было действовать, мне — описывать; мы с ним составляем чрезвычайно дружную пару — на зло и на зависть тому лживому тордесильясскому писаке, который отважился (а может статься, отважится и в дальнейшем) грубым своим и плохо заостренным страусовым пером описать подвиги доблестного моего рыцаря, <...> а дабы осмеять бесконечные походы бесчисленных странствующих рыцарей, довольно, мол, первых двух его выездов, которые доставили удовольствие и понравились всем, до кого только дошли о них сведения, будь то соотечественники наши или же чужестранцы, <...> ибо у меня иного желанья и не было, кроме того, чтобы внушить людям отвращение к вымышленным и нелепым историям, описываемым в рыцарских романах; и вот, благодаря тому, что в моей истории рассказано о подлинных деяниях Дон Кихота, романы эти уже пошатнулись и, вне всякого сомнения, скоро падут окончательно". *Vale*».

ПРИЛОЖЕНИЕ

Отрывки из рыцарских романов, отпечатанных на мимеографе и розданных Владимиром Набоковым студентам для ознакомительного чтения.

Из «СМЕРТИ АРТУРА» (1469–1470) Томаса Мэлори

ТОМ 1, КНИГА IV, ГЛ. 22

И вот майским вечером они [леди Этарда, дама сэра Пелеаса] с сэром Гавейном вышли из замка и ужинали в шатре, и было им там постлано ложе, и они возлегли на то ложе вдвоем. <...> Подъехав к шатрам, он [сэр Пелеас] спешился, привязал коня к дереву и сам, подняв в руке обнаженный меч свой, пошел туда, где они лежали. Но опять подумал он, что позорно ему убивать их, положил свой обнаженный меч им обоим поперек горл, сел на коня и ускакал.

ТОМ 1, КНИГА IV, ГЛ. 23

Как сэр Пелеас разлюбил Этарду благодаря чарам девицы — приближенной Владычицы Озера, которую он и любил потом всю жизнь. — Сэр рыцарь Пелеас, — сказала Владычица Озера, — садитесь на своего коня и уезжайте из этой страны. Вы полюбите другую даму, которая ответит вам на любовь.

— Охотно, — отвечал сэр Пелеас, — ибо эта леди Этарда подвергала меня великому позору и надругательству.

И рассказал он ей все от начала и до конца, как он решился уже никогда не вставать со своего ложа, покуда не умрет.

— И вот теперь послал мне Бог такую милость, что я возненавидел ее столь же сильно, как прежде любил.

— За это благодарите меня, — сказала Владычица Озера.

Вот снарядился сэр Пелеас, облачился в доспехи, сел на коня и наказал своим людям везти за ним его шатры и все имущество, куда назначит им Владычица Озера. Леди же Этарда умерла от горя, а Владычица Озера утешила его с радостью, и они любили друг друга всю жизнь.

ТОМ 1, КНИГА V, ГЛ. 4

И вот когда плыл король в своей барке, задремал он, и приснился ему сон, будто ужасный дракон потопил его людей, прилетев на крыльях с западной стороны. Голова того дракона была как бы крыта лазурной эмалью, плечи сияли золотом, а брюхо покрывала чешуя дивных цветов, хвост был изодран клоками, ноги же покрывал черный пух. А когти его были чистого золота, из глотки же изрыгалось ужасное пламя, так что и земля и вода полыхали огнем.

ТОМ 1, КНИГА V, ГЛ. 5 (Описание великана)

И поднялся он снова на хребет холма и оттуда увидел: сидит великан без штанов в одиночестве за ужином, глодает ногу человеческую и греет у огня свои огромные ляжки. А три девицы вращают три вертела, а на вертелах новорожденные младенцы числом двенадцать нанизаны, точно куропатки.

ТОМ 1, КНИГА V, ГЛ. 5

И оказывался Артур то сверху, то снизу, и так, борясь и кувыркаясь, скатились они по

склону горы, не разжимая рук, до самой кромки воды. Но все время катясь вниз, Артур разил и колол его коротким кинжалом, вонзал его по самую рукоять <...>.

[И затем, тяжело дыша, он говорит:]

— Этот великан был свиреп и могуч, я за пятнадцать последних лет не встречал такого, лишь однажды в горах Аравии попался мне один, равный этому, но этот еще свирепее <...>.

ТОМ 1, КНИГА VI, ГЛ. 3

И вдруг слышат они где-то поблизости конское могучее и грозное ржание. Поглядели вокруг, видят, под яблоней спит рыцарь в полном облачении. Когда же увидели его лицо, то сразу же признали в нем сэра Ланселота.

ТОМ 1, КНИГА VI, ГЛ. 10

А теперь обратимся мы к сэру Ланселоту, который скакал рядом с девицей по широкому проселку.

— Сэр, — говорит девица, — здесь на этой дороге часто нападает на девиц и дам один рыцарь, он их грабит, а то и насилует.

— Как? — воскликнул сэр Ланселот. — Рыцарь — и вор? Насильник женщин? Он позорит рыцарское звание и нарушает клятвы. Сожаления достойно, что такой человек живет на земле. Но поезжайте вперед, прекрасная девица, а я последую за вами незаметно; и если только он попробует вас тронуть и обидеть, я вам приду на помощь, а его проучу, чтобы знал, как должно вести себя рыцарю.

ТОМ 1, КНИГА VIII, ГЛ. 6

И вот, говоря коротко, высадился сэр Тристрам на острове, огляделся и увидел: у дальнего его конца стоят под берегом на якоре шесть кораблей, а в тени их, на берегу, дожидался благородный рыцарь сэр Мархальт Ирландский. И приказал тогда сэр Тристрам свести на берег своего коня. Оруженосец его Говернал надел на него, как надо, все доспехи, и сэр Тристрам сел на коня. И сидя на коне во всем облачении, со щитом, висящим через плечо, спрашивает сэр Тристрам Говернала:

— А где же тот рыцарь, с которым мне надо биться?

— Сэр, — отвечал Говернал, — разве вы его не видите? Я полагал, что вы его уже заметили, ведь вон он дожидается верхом на коне в тени своего корабля с копьем в руке и со щитом на плече.

— Да, верно, — говорит сэр Тристрам. — Теперь я его вижу.

ТОМ 1, КНИГА VIII, ГЛ. 7

И вот выставили они копья, ринулись друг на друга и сшиблись с такой силою, что сбили один другого наземь, и коней вместе со всадниками. Но сэр Мархальт при этом нанес сэру Тристраму копьем в бок жестокую рану.

Выпростили они ноги из стремян, извлекли из ножен мечи и, выдвинув щиты перед собою, стали рубиться дико и неустрашимо. Долго они так рубились, покуда руки им не отказали и не стало больше у них сил взмахивать мечами, и тогда перестали они сечь с плеча, а принялись

разить и колоть друг друга в грудь сквозь панцирь и в лицо сквозь забрало. Но видя, что и так ни тот ни другой не могут взять верх, схватились они друг с другом врукопашную и, сцепившись, точно два матерых тура, стали валить один другого наземь.

Так, не расходясь, бились они и рубились полдня, и оба были уже столь жестоко изранены, что горячая кровь бежала по ногам их на землю. Но сэр Тристрам все ожесточался, а сэр Мархальт начал слабеть, тогда как у сэра Тристрама все прибывало сил и духа. И вот могучим ударом обрушил он свой меч на голову сэру Мархальту так, что прошел меч через гребень шлема и через стальной наглавник и рассек череп и так прочно застрял в кости, что трижды понадобилось сэру Тристраму потянуть к себе меч, прежде чем вырвал он его из головы врага.

Сэр Мархальт покачнулся, упал на колени — обломок клинка так и остался у него в черепе. Потом выпрямился он во весь рост, отбросил меч и щит от себя прочь и обратился в бегство и бежал к своим кораблям.

Перевод Инны Бернштейн

ИЗ «АМАДИСА ГАЛЬСКОГО»

— португальского автора второй половины XIV века Васко Лобейры — рыцарского романа, написанного на французском или португальском языке. Переведен на английский с испанской версии Гарсиодоне де Монтальво Робертом Саути, английским поэтом. Издательство «Джон Расселл Смит», Лондон, 1872.

ИЗ ТОМА I, ГЛАВЫ 27:

Как Амадис избавил девицу от рыцаря, который дурно с ней обошелся, и как потом, пока он спал, другой рыцарь увез ее от него.

И с такой скоростью помчался Амадис, что, вышибив из седла рыцаря, который знал, куда он направляется, он нагнал того рыцаря, что оскорбил девицу, и крикнул ему: «Сэр рыцарь, вы совершили великое зло: прошу вас никогда не поступать так более». — «Какое зло?» — «Вы совершили постыднейший поступок, ударив эту девицу». — «И вы явились покарать меня?» — «Нет, но дать вам совет для вашего же блага». — «Так лучше вам ступать своей дорогой», — отвечал рыцарь. Оттого Амадис разгневался: он подошел к оруженосцу и сказал: «Отпусти эту девицу, или ты умрешь», а оруженосец в страхе опустил ее на землю. «Сэр рыцарь, вы дорого заплатите за это», — молвил его господин. «Посмотрим!» — воскликнул Амадис и помчался во весь опор, и выбил рыцаря из седла, и уже готов был растоптать его, когда тот взмолился о пощаде. «Так поклянись никогда не обижать ни одну даму или девицу!» И когда он приблизился, чтобы принять клятву, негодяй вонзил меч в его коня. Амадис же, поднявшись на ноги, одним ударом меча отплатил ему за предательство.

Девица же просила Амадиса продлить его учтивость, сопроводив ее в замок, куда она направлялась. Он взял коня убитого, и они поехали вместе, и дорогой он узнал от нее историю Антебона. К полуночи достигли они берега реки, и потому что девица ослабла от усталости, они остановились. Амадис расстелил ей Гандалинов плащ, а она положила голову на его шлем, и они уснули. Пока же они спали, явился рыцарь и, увидев девицу, осторожно разбудил ее кончиком своего копья. Она же, увидав рыцаря в доспехах, решила, что это Амадис, и сказала: «Желаете ли вы, чтоб мы тронулись в путь?» Он отвечал: «Уже время!» — «Так едем, с верой в Господа», — молвила она; и, будучи скованной дремотой, она позволила незнакомцу усадить ее впереди себя на коня, но, очнувшись, вскричала: «Что же это?» — ведь везти ее должен был оруженосец. И увидев, что она с незнакомцем, она пронзительно закричала, зовя Амадиса, чтоб тот не позволил незнакомцу увезти ее. Но рыцарь прищпорил коня и умчался [с ней].

ИЗ ТОМА I, ГЛАВЫ 44:

Как Дон Галаор и Глорестан, направляясь в королевство Собрадизию, встретили трех девиц у фонтана под тремя вязами.

Четыре дня они ехали без приключений; на пятый же день к вечеру приблизились к башне. Рыцарь, стоявший у ворот, любезно пригласил их переночевать; и их приняли с подобающими

почестями; рыцарь же, их хозяин, был благообразен, красив лицом и прекрасного сложения; но часто он погружался в такую глубокую задумчивость и грусть, что собраты рыцари, его гости, спрашивали друг друга, что бы это могло означать, и Дон Галаор сказал ему наконец: «Сэр, сдается мне, что вы не так веселы, как следовало бы вам быть! И если грусть ваша проистекает из любой причины, которую мы в силах устранить, поведайте ее нам, и мы исполним вашу волю». — «Покорно благодарю вас, — отвечал Рыцарь Башни. — Я верю, что вы поступили бы как доблестные рыцари; но грусть моя проистекает из страданий любви, и пока я не скажу вам ничего более, ибо то было бы для меня весьма постыдным». Подошел час сна, и хозяин удалился в свои покои, собраты же проследовали в просторную опочивальню с двумя кроватями. Наутро же хозяин выехал вместе с ними, но безоружный; и дабы убедиться, что они так же доблестны, как свидетельствовал их внешний вид, он повел их не главной дорогой, но окольными путями, пока не достигли они фонтана под тремя вязами, называвшегося так потому, что над ним произрастали три огромных высоких вяза. У фонтана стояли три прекрасные и богато одетые девицы, а высоко на дереве сидел карлик. Флорестан подошел к ним первым и, как подобает человеку учтивому и благородного происхождения, почтительно приветствовал их. «Храни вас Бог, — молвила одна из девиц, — и если вы отважны настолько же, насколько хороши собой, Господь щедро одарил вас». — «Благородная девица, — ответствовал он, — если вам по душе моя красота, моя доблесть понравится вам еще более, коль скоро доведется случай мне ее проявить». — «То добрые слова, — говорила девица, — поглядим, хватит ли у вас смелости увезти меня отсюда». — «Поистине, — отвечал Флорестан, — то не требует великой отваги; и раз уж таково ваше желание, я сделаю это». — И он приказал слугам посадить ее на лошадь под дамским седлом, что стояла привязанной к одному из вязов; тогда же карлик, сидевший на дереве, закричал: «Спешите, рыцарь, спешите! Они увозят вашу возлюбленную!» При этих словах из долины появился хорошо вооруженный рыцарь на огромном коне и крикнул Флорестану: «Рыцарь, кто позволил вам дотрагиваться до этой девицы?» — «Не думаю, что она может быть вашей, — отвечал Флорестан, — ведь на то ее воля, чтобы я увез ее отсюда».

ИЗ ТОМА II, КНИГИ III, ГЛАВЫ 6 (НЕМАЯ ДЕВИЦА):

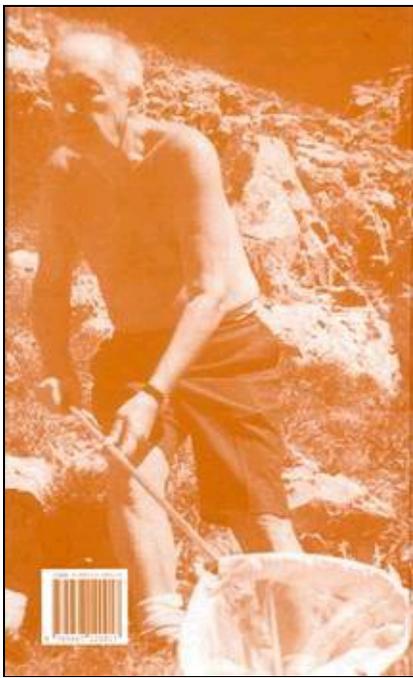
Как Рыцари Змей отправились в Галлию и волею судеб их жизни оказались подвергнуты великой опасности из-за предательства, а они оказались во власти Аркалая Волшебника; а также как Дон Галаор и Норандел случайно ехали той же дорогой в поисках приключений, и что с ними произошло.

Несколько дней король Перион пребывал в лесу, отдыхая, а затем, увидев, что ветер стал благоприятным, вышел в море, надеясь в скором времени прибыть в Галлию; но ветер вскоре переменился и море разбушевалось, так что через пять дней шторм принудил их вернуться в Британию и пристать к дальнему участку побережья; там, пока продолжалась непогода и пока их люди запасались пресной водой, они углубились в лес, чтобы узнать, где находятся, взяв троих оруженосцев, но оставив Гандолина ожидать на галере, ибо был он хорошо известен. Они преодолели горную долину и достигли равнины, а вскоре приблизились к фонтану, у которого некая девица поила своего коня. Была она в богатых одеждах и в накинутом поверх пурпурном плаще с золотыми пуговицами, а петлицы его были обшиты золотом. Ее сопровождали два оруженосца и две девицы, а также охотничьи соколы и псы. Она, увидев их доспехи, узнала в них Рыцарей Змей и направилась к ним с выражением великой радости и почтительно

приветствовала их, знаками показывая, что она немая, между тем как они огорчились, узнав, что девица столь прекрасная и благородного поведения не способна говорить. Она подошла к рыцарю в золотом шлеме и обняла его, и поцеловала ему руку, а затем знаками пригласила их переночевать в ее замке, а увидев, что они не поняли ее, взмахом руки повелела оруженосцу повторить приглашение. Они же, видя ее доброе расположение, а также потому, что было уже поздно, поехали с ней со спокойным сердцем и прибыли к большому замку, и сочли девицу очень богатой, видя, что она в этом замке хозяйка. Внутри их встретили многочисленные слуги, а также дамы и девицы, которые относились к немой девице как к своей госпоже. Их коней увели, а их самих сопроводили в богатый покой, что располагался в двадцати кубитах ^[15] от земли, и там они разоружились, и им принесли дорогие одежды, а после того как они побеседовали с немой девицей и с другими, накрыли богатый стол, и они хорошо отужинали. Девицы затем удалились, но тотчас возвратились со струнными инструментами, дабы усладить им слух; а когда пришло время сна, они вновь удалились. Немая девица распорядилась, чтобы в покое установили три просторные и украшенные кровати, а их доспехи положили рядом с кроватями, и они, утомленные, уснули.

Следует же заметить, что покой этот был устроен с большой хитростью, ибо пол его не крепился к стене, но держался на железном стержне, подобно давяльному прессу для винограда, и был заключен в деревянную раму, с тем чтоб его можно было опускать или поднимать снизу посредством вращения железного рычага. Так что когда рыцари проснулись утром, они оказались опущенными на двадцать кубитов, и, не видя света, но слыша людей, ходивших над их головами, они пришли в величайшее изумление и поднялись с постели, нащупывая дверь и окна, но, просунув через них руки, ощутили лишь камень замковых стен, и тут они поняли, что их предали. Находясь в большом смятении, они увидели появившегося в окне над ними рыцаря, который был огромного роста, и лицо его было мрачно, а в бороде и на голове у него было больше седых волос, чем черных; он был в траурной одежде, а перчатка белого полотна покрывала его правую руку до локтя. «Вы хорошо там устроились, — крикнул он им, — и мое милосердие будет сообразно несчастьям, что вы мне принесли, то есть вас постигнет жестокая и страшная смерть, но даже и это не будет достаточным отмщением за то, что вы сделали в битве с ложным королем Лисварте. Знайте же, что я Аркалай Волшебник, и если вы никогда меня не видели, научитесь узнавать меня теперь; никто и никогда не наносил мне ран без того, чтобы я не ответил мщением, за исключением одного, которого я надеюсь заточить там же, где сидите вы, и отрезать ему руки за руку, что он отсек мне». С ним стояла девица, и, указывая на Амадису, она сказала: «Добрый дядюшка, вон тот, в золотом шлеме, и есть тот самый рыцарь». Они же, заслышав, что находятся во власти Аркалая, пребывали в великом страхе смерти и изумились, что немая девица заговорила. Та девица была Динардой, дочерью Ардана Канилео, сведущего во всяких злодействах, и она явилась замыслить смерть Амадису, с коим умыслом и притворилась немой.

Перевод Марка Дадяна

notes

Фредсон Бауэрс, американский библиограф, редактор американского издания «Лекций о Дон Кихоте».

Автор предисловия — Гай Дэвенпорт, американский поэт, эссеист, переводчик, художник-иллюстратор. Автор книг «Татлин!», «Велосипед да Винчи», «География воображения», «Дневник Бальтуса», а также переводов из Сафо, Анакреона, Гераклита и Архилоха.

В стекле, то есть в пробирке (*лат.*).

Слово «comparison» в тексте оригинала исправлено на «compassion» по фотографии рукописи на с. 14 американского издания. — Г. Д. (*Примеч. Григория Дашевского.*)

Перевод Н. Любимова цитируется по изданию: Мигель де Сервантес Сааведра. «Хитроумный идалго Дон Кихот Ламанчский». — М.: Художественная литература, 1970.

В. Н. продолжает сравнение Дон Кихота с тенью отца Гамлета; отсюда «кротовый»: «кротом» Гамлет называет тень отца (Шекспир. «Гамлет». I, V). — Г. Д.

Герои американских комиксов первой половины XX в. — М. Д. (Примеч. Марка Дадына.)

Перевод Б. Пастернака.

«<...> гостиница объялась непробудным сном; только в одном окошечке виден еще был свет, где жил какой-то приехавший из Рязани поручик, большой, по-видимому, охотник до сапогов, потому что заказал уже четыре пары и беспрестанно примеривал пятую. Несколько раз подходил он к постели, с тем чтобы их скинуть и лечь, но никак не мог: сапоги, точно, были хорошо сшиты, и долго еще поднимал он ногу и обсматривал бойко и на диво стачанный каблук». — *Н. К. (Примеч. Натальи Кротовской.)*

Дурная примета (*лат.*).

Перевод Б.Пастернака.

ВН подразумевает Шекспира, фамилия которого в дословном переводе с английского означает «потрясай копьем». Трагедия о «Гамлете, принце датском» создана в 1600–1601 гг. — *М. Д.*

Превосходно (*лат.*).

Перевод И. Тхоржевского.

Кубит — мера длины, около 0,5 метра.

comments

В конце этого предложения ВН называет Аргамасилью «деревней Дон Кихота, которая упоминается на последних страницах первой части». Что этой деревней была Аргамасилья, скорее правдоподобное и устоявшееся мнение, чем установленный факт. Оно основано на том, что там жили все шесть вымышленных академиков, чьими эпитафиями и другими стихами заканчивается первая часть. Первая глава первой части в переводе Путьнама начинается такими словами: «В одной деревушке в Ламанче, название которой у меня нет ни малейшей охоты вспоминать, жил да был не так давно...» В своей книге Сервантес так нигде и не упоминает ее названия.

Дочь индейского вождя, спасла жизнь капитану Смиту.

Bell A.F.G. Cervantes. Norman: University of Oklahoma Press, 1947; *Krutch J.W.* Five Masters: A Study in the Mutations of the Novel. N.Y., 1930.

Далее следует вычеркнутый отрывок, в котором ВН писал: «Так что совершенно наплевать, к какой именно категории отнести романы таких писателей, как, например, — простите, я дал себе слово современных не называть». Извинение после тире вписано над взятым в скобки (для возможного пропуска) перечислением: «Голсуорси или Маннсуорси, Эптон Льюис или Жюль Роллан». Такое переплетение имен было одним из любимых приемов Набокова. Томас Манн, Эптон Синклер, Синклер Льюис, Жюль Ромен и Ромен Роллан не относились к числу его любимых авторов.

В вычеркнутом отрывке ВН продолжает: «Времена угнетения в России — при Николае I, Ленине или Сталине — тоже сопровождались появлением плутовских романов. Я допускаю, что Сервантес выбрал плутовской жанр потому, что в ту жестокую и корыстную эпоху он был самым безопасным; а для пущей безопасности Сервантес пристегнул к нему еще и первую попавшуюся мораль, которая сейчас звучала бы так: от некоторых комиксов можно свихнуться».

ВН добавляет, сначала взяв в скобки, затем вычеркнув: «или "пот, кровь и слезы", как выразился более тучный джентльмен в более трагических обстоятельствах». (Из выступления У.Черчилля в парламенте в мае 1940 г.)

По поводу смысла, который ВН вкладывал в выражение «ход конем», см. его лекцию о «Мэнсфилд-парке» Джейн Остен: «Остен использует прием, который я называю "ход конем" — шахматный термин, обозначающий рывок в ту или другую сторону на черно-белой доске переживаний Фанни».

Вот отрывок, на который ссылается ВН: «Между тем на деревьях уже защебетали хоры птичек радужного оперения; в своих многоголосых и веселых песнях они величали и приветствовали прохладную зарю, чей прекрасный лик уже показался во вратах и окнах востока и которая уже начала отряхать со своих волос бесчисленное множество влажных перлов, и омытые приятно этою влагою травы были словно покрыты и осыпаны тончайшим белым бисером; ивы источали сладостную манну, смеялись родники, журчали ручьи, ликовали дубравы, и в самый дорогой свой наряд убрались луга на заре». Можно привести менее возвышенный, но не менее традиционный пассаж из главы 25 первой части: «Разговаривая таким образом, приблизились они к подошве высокой горы, которая, почти как отвесная скала, одиноко стояла среди многих других, ее окружавших. По ее склону тихий сбегал ручеек, а опоясывавший ее луг был до того зелен и травянист, что глаз невольно на нем отдыхал. Множество деревьев, растения и цветы сообщали этому уголку особую прелесть».

Рассказ о том, что «Дон Кихота» якобы написал мавр Сид Ахмет Бен-инхали, содержится в девятой главе первой части.

ВН вписывает между строк: «Студенты Гарварда, конечно, не просматривают текст второпях».

На отдельном листке ВН замечает, что в третьей главе второй части, где обсуждается публикация части первой, «бакалавр Карраско говорит, что одним из недостатков книги считается то, что автор вставил в нее повесть ("Безрассудно-любопытный"), не имеющую никакого отношения к истории Дон Кихота. Последний отвечает, "что автор книги обо мне — не мудрец, а какой-нибудь невежественный болтун, и взялся он написать ее наудачу и как попало — что выйдет, то, мол, и выйдет", и Дон Кихот рассказывает о художнике, который, когда его спрашивали, что он пишет, отвечал: "Что выйдет". Любопытно отметить, что далее, в шестьдесят пятой главе, Сервантес повторяет тот же анекдот, забыв, что прежде он его уже рассказывал. Похоже, это подтверждает мысль, что книга писалась весьма занятным способом, имеющим мало отношения к "методу"».

ВН отмечает на полях: «Сервантес сам был узником в Алжире, но рассказанная им история ничуть не лучше других вставных повестей, и ее искусственный рутинный антураж не украшен ни единой живой деталью, как можно было бы надеяться».

ВН приписывает карандашом: «Читатель склонен последовать их примеру и тоже смотать удочки».

ВН вписывает между строк: «Кто-нибудь хочет присоединиться? Я нет».

Мадариага. «Сервантес», с. 51–53: «Таким образом, Сервантес-автор допускает те же самые ошибки, которые высмеивает в рыцарских романах Сервантес-критик. В самом деле, его критический подход отличается тем, что его автор так и не сумел обобщить свои взгляды в некий принцип и на практике нередко допускал те же самые просчеты, хотя и в несколько иной форме, которые ругал в теории. Это относится не только к содержанию, но и к стилю... Сервантес взял на себя ответственность за появление в книге чуть ли не полдюжины странствующих девиц, которых он же высмеивал, встречая на страницах рыцарских романов, где они разъезжали верхом по горам и долам с хлыстом в руке [тех отягощенных собственным девством особ, "что, зажав в руке хлыст, разъезжали на иноходцах по горам и долам; в старину и правда были такие девы, которые, прожив до восьмидесяти лет и ни одной ночи не проспав под кровлей, ухитрялись, если только их не лишал невинности какой-нибудь недобрый человек, какой-нибудь разбойник с большой дороги или чудовищный великан, сходить в фоб такими же непорочными, как их родительницы". — Часть 1, глава 9], но эти же девицы казались ему вполне приемлемыми, когда они в пастушеском наряде оплакивали свою судьбу в пустынных уголках Сьерры-Морены или после множества опасных приключений попадались с поличным в пиратской одежде на турецкой бригантине... Таким образом, в этой книге две противоборствующие силы — необузданное воображение и влияние реальности — еще не пришли в равновесие... Как часто, подражая Дон Кихоту, автор мчится по полям воображения, теряя из вида землю! Пасторальные сцены — его навязчивая идея, так же как у Дон Кихота — рыцарские романы... Есть веские основания утверждать, что своей популярностью "Дон Кихот" прежде всего обязан вольному романтическому духу, пришедшему с зачарованных земель рыцарских и пасторальных романов».

По этому поводу ВН сказал студентам: «Вы получите копии отрывков из рыцарских романов, с которыми я прошу вас ознакомиться; они взяты из двух произведений: 1) "Смерть Артура" сэра Томаса Мэлори, книги о короле Артуре и его придворных, рыцарях Круглого Стола, таких, как сэр Тристан и сэр Ланселот, написанной около 1470 года. Дон Кихот проглотил испанскую версию этой книги, а также старинные баллады, относящиеся к тому же циклу. 2) "Амадис Галльский" португальца Васко Лобейры, вторая половина XIV века; автор английской версии, переведенной с испанского в первой половине XIX века, английский поэт Роберт Саути. «Амадис» — несомненный фаворит Дон Кихота. Избранные отрывки из этих книг помогут нам понять, какие вещи привлекали Дон Кихота и отозвались в его собственных приключениях».

На отдельном листке ВН пишет: «Обратите внимание на то, что в "Божественной комедии" Данте Алигьери помещает Тристана к сластолюбцам во второй круг ада (который он посетил, сопровождаемый тенью Вергилия, в 1300 году). Как вы помните, здесь пребывают и Франческа да Римини и ее возлюбленный Паоло (брат ее мужа, герцога Римини). Они впервые поцеловались, читая о приключениях Ланселота Озерного. В романе Ланселота поцеловала Джиневра, жена короля Артура».

ВН прибавляет: «Мы увидим исполнение этой нежной мечты во второй части книги, где герцогская чета оказывает именно такой прием Дон Кихоту (хотя из-за стеснительности он раздевается сам). Но какое исполнение! Мне трудно назвать какую-нибудь другую книгу, в которой жестокость была бы доведена до такой дьявольской изощренности, как в сценах, разворачивающихся во второй части романа в герцогском замке, где — как почему-то заявляет некий критик по фамилии Кратч — добрая герцогиня развлекает Дон Кихота». (Имеется в виду книга Кратча «Пять мастеров», с. 97.)

ВН цитирует книгу Обри Белла «Сервантес», с. 12. Приводим типичный отрывок со с. 12–13: «Воистину эта широта является отличительным признаком Испании, и в этом, как и во всем остальном, Сервантес был истинным представителем Испании XVI века, Испании своего времени. Хавлок Эллис, описывая Сервантеса ("которому была свойственна та же мягкая человечность, что и Чосеру"), прибавляет, что тот был "типичнейшим испанцем". В своей терпимости и сдержанности, в своем добром юморе, глубокой человечности, обостренной гордости, учтивом достоинстве, а равно в отваге, неутомимости и стойкости он был настоящим испанцем, истинным кастильцем. Почти в каждой сцене и в каждой главе его книг есть нотка веселой откровенности и искреннего смеха и, можно прибавить, много радости... На ее страницах появляются испанцы всех мастей, толпа необычайно живых фигур; но главный герой, предстающий перед нами, — это восприимчивый, понятливый народ, добродушный и человечный».

ВН упоминает «неподражаемого сэра Херберта Дж. С. Грирсона, написавшего дрянную статью»: *Don Quixote: Some War-time Reflections on Its Character and Influence*, English Association, Pamphlet № 48 (London, 1921), p. 4.

«Тридцать раз охнув, шестьдесят раз вздохнув, сто двадцать раз ругнув того, кому он обязан был своим злоключением, и послав на его голову столько же проклятий, он встал, но на полпути его скрючило наподобие турецкого лука, так что он долго потом не мог выпрямиться. И вот с такими-то ужасными мучениями взнуздал он кое-как своего осла, тоже слегка огорошенного событиями этого слишком бурного дня, а затем поднял Росинанта, который, если б только умел жаловаться, наверняка превзошел бы в этом искусстве и Санчо Пансу, и его господина».

«<...> когда он [погонщик] увидел, что девица хочет вырваться, а Дон Кихот ее не пускает, то это ему не понравилось, — он размахнулся, что было мочи ударил влюбленного рыцаря по его узкой скуле и разбил ему рот в кровь; не удовольствовавшись этим, погонщик подмял его под себя, а затем даже не рысью, а галопом промчался по всем его ребрам. Вслед за тем ложе Дон Кихота, и без того не весьма прочное, воздвигнутое на довольно шатких основаниях, не вынеся добавочного груза, каковым явился для него погонщик, незамедлительно рухнуло, причем вызванный его падением отчаянный грохот разбудил хозяина...»

«<...> и вот, чувствуя, что кто-то его тузит, а кто — неизвестно, он [Санчо], сколько мог, приподнялся и сцепился с Мариторнес, и тут у них началась самая ожесточенная и самая уморительная схватка, какую только можно себе представить».

«<...> погонщик ринулся на Санчо, Санчо на служанку, служанка на него, хозяин на служанку, и все при этом без усталости молотили кулаками. К довершению всего у хозяина погас светильник, и, очутившись впотьмах, бойцы принялись колошматить друг друга наугад и уже без всякой пощады, так что где только пришелся чей-нибудь кулак — там не оставалось живого места» (шестнадцатая глава).

Далее следует целая страница, которую ВЫ, пометив, решил пропустить, возможно, из-за недостатка времени. Там мы читаем: «Был в Севилье сумасшедший, который помешался на самой забавной чепухе и на самой навязчивой мысли, на какой только может помешаться человек <...>». Так говорит Сервантес в прологе ко второй части книги. Около 1612 года, работая над пятьдесят девятой главой, он вдруг обнаружил — или сделал вид, что обнаружил, — так называемое ложное продолжение своего «Дон Кихота», подписанное таинственным и, возможно, также поддельным Алонсо Фернандесом де Авельянедой, который зачат был в Тордесильясе и опубликовал «Вторую часть хитроумного идальго Дон Кихота Ламанчского» в Таррагоне. Отрывок о севильском безумце перерастает в параболу, повествующую о том, как трудно написать столь же занимательную и правдивую книгу, как истинный «Дон Кихот», — с этой задачей Авельянеда, по мнению автора, не справился.

«Был в Севилье сумасшедший, который помешался на самой забавной чепухе»... Приготовься, читатель, к взрыву веселья, который катапультирует тебя в забавнейшие приключения второй части романа. «А именно, — продолжает Сервантес: — смастерив из остроконечной тростинки трубку, он ловил на улице или же где-нибудь еще собаку, наступал ей на одну заднюю лапу, другую лапу приподнимал кверху, а засим с крайним тщанием вставлял ей трубку в некоторую часть тела и дул до тех пор, пока собака не становилась круглой, как мяч <...>».

«Дон Кихот проводил их глазами, а когда они скрылись из виду, то обратился к Санчо и сказал:

— Санчо, что ты скажешь насчет этих волшебников, которые так мне досаждают? Подумай только, до чего доходят их коварство и злоба: ведь они сговорились лишить меня радости, какую должно было мне доставить лицезрение моей сеньоры. Видно, и впрямь я появился на свет как пример несчастливца, дабы служить целью и мишенью, в которую летят и попадают все стрелы злой судьбы. И еще обрати внимание, Санчо, что вероломные эти существа не удовольствовались тем, чтобы просто преобразить мою Дульсинею и изменить ее облик, — нет, они придали ей низкий облик и некрасивую наружность этой сельчанки и одновременно отняли у нее то, что столь свойственно знатным сеньорам, которые живут среди цветов и благовоний, а именно приятный запах. Между тем должен сознаться, Санчо, что когда я приблизился к Дульсинее, дабы посадить ее на иноходца, как ты его называешь, хотя мне он представляется просто ослицей, то от нее так пахнуло чесноком, что к горлу у меня подступила тошнота и мне едва не сделалось дурно».

«<...> — А скажи мне, Санчо: то самое, что я принял за вьючное седло и что ты прилаживал, — что это такое: простое седло или же дамское?»

— Нет, нет, — отвечал Санчо, — это седло с короткими стременами и с такой важной попоной, которая стоит никак не меньше полцарства.

— А я всего этого не видел, Санчо! — воскликнул Дон Кихот. — Повторяю и еще тысячу раз буду повторять, что я самый несчастный человек на свете».

Бакалавр взял какой ему хотелось разбег, поворотил своего коня и во всю его прыть, то есть мелкой рысцой, двинулся на Дон Кихота. Но увидев, что Дон Кихот не спешит ему навстречу, а помогает Санчо взобраться на пробковый дуб, он натянул поводья и на полпути остановился, за что конь был ему весьма признателен, ибо он уже выдохся. Дон Кихоту меж тем почудилось, будто неприятель уже на него налетает, — он с силою вонзил шпоры в тощие бока Росинанта, так его этим расшевелив, что, по свидетельству автора, Росинант впервые перешел на крупную рысь (а то ведь обыкновенно он только трусил рысцой) и с невиданною быстротою помчал своего седока прямо на Рыцаря Зеркал. «Рыцарь же в это время всаживал своему коню шпоры по самый каблук, но конь и на палец не сдвинулся с того места, где его бег был остановлен. При таких-то благоприятных обстоятельствах и до такой степени вовремя напал Дон Кихот на своего противника, возившегося с конем и то ли не сумевшего, то ли не успевшего взять копьё наперевес. Не обращая внимания на эти его затруднения, Дон Кихот без малейшего для себя риска и вполне безнаказанно так хватил Рыцаря Зеркал, что тому волей-неволей пришлось скатиться по крупу коня на землю, и до того лихо он при этом шлепнулся, что, словно мертвый, не мог пошевелить ни рукой, ни ногой».

Самый открытый, хотя и самый двусмысленный намек появляется в конце сорок первой главы. Санчо делится своими впечатлениями о том, что он увидел во время полета на волшебном коне Клавиленьо, когда приподнял повязку, закрывавшую ему глаза, и наконец заявляет, что достиг созвездия Козерога, где играл с семьей козочками, пока конь его дожидался. Дон Кихот выражает сомнение в том, что они достигли небесной сферы, где находятся козочки, ибо они не пролетали области огня. Санчо возмущенно настаивает на правдивости своей истории, забавляя этим герцога и герцогиню, и в конце главы Дон Кихот, приблизившись к Санчо, говорит ему на ухо: «Санчо! Если вы желаете, чтобы люди поверили вашим рассказам о том, что вы видели на небе, то извольте и вы, со своей стороны, поверить моим рассказам о том, что я видел в пещере Монтесиноса. Вот и все, что я хотел сказать». В двадцать третьей главе, услышав рассказ господина о приключениях в пещере, Санчо поначалу прямо заявляет: «Но только вы уж меня простите, ваша милость: Господь меня возьми (чуть было не брякнул: черт меня возьми), если я всему, что вы нам тут нарасказали, хоть на волос поверю». Однако он и не думает обвинять своего господина во лжи, когда говорит, что: «Мерлин или же другие волшебники, заколдовавшие всю эту ораву, которую вы, ваша милость, будто бы видели и с которой вы там, внизу, проводили время, забили и заморочили вам голову всей этой канителью, о которой вы уже рассказали, и всем тем, что вам осталось еще досказать». Дон Кихот яростно опровергает это предположение Санчо, но когда он под конец сообщает, что видел среди знатных сеньор Дульсинею и двух других девушек, Санчо кажется, «что он сейчас спятит или лопнет от смеха; кто-кто, а уж он-то знал истинную подоплеку мнимой заколдованности Дульсинеи, сам же он был и колдуном, и единственным свидетелем, а потому теперь у него не оставалось решительно никаких сомнений насчет того, что его господин окончательно свихнулся и лишился рассудка <...>».

Итак, Дон Кихот начинает давать советы:

«— Я возношу бесконечные благодарения Богу, друг Санчо, за то, что прежде и раньше, чем счастье улыбнулось мне, на тебя свалилась и на твою долю выпала такая удача. Я надеялся, что счастливый случай поможет мне вознаградить тебя за твою верную службу, и вот я только-только начинаю преуспевать, а твои чаяния прежде времени и вопреки здравому смыслу уже сбылись. <...> По мне, ты — чурбан, и ничего более, ты спозаранку не вставал, допоздна не засиживался, ты палец о палец не ударил, но тебя коснулся дух странствующего рыцарства, — и вот ты уже, здорово живешь, губернатор острова. Все это, Санчо, я говорю к тому, чтобы ты не приписывал собственным своим заслугам оказанные тебе милости, — нет, прежде возблагодари Всевышнего, который отеческою рукою все направляет ко благу, а затем возблагодари орден странствующего рыцарства, наивысшего благородства исполненный. Итак, постарайся всем сердцем воспринять то, что я тебе сказал, а затем, о сын мой! выслушай со вниманием своего Катона, желающего преподать тебе советы и быть твоим вожатаем и путеводною звездою, которая направила бы и вывела тебя к тихому пристанищу из того бурного моря, куда ты намереваешься выйти, ибо должности и высокие назначения суть не что иное, как бездонная пучина смут. <...>

Ни в коем случае не руководствуйся законом личного произвола: этот закон весьма распространен среди невежд, которые выдают себя за умников.

Пусть слезы бедняка вызовут в тебе при одинаково сильном чувстве справедливости больше сострадания, чем жалобы богача.

Всячески старайся обнаружить истину, что бы тебе ни сулил и ни преподносил богач и как бы ни рыдал и ни молил бедняк.

В тех случаях когда может и должно иметь место снисхождение, не суди виновного по всей строгости закона, ибо слава судьи сурового ничем не лучше славы судьи милостивого.

Смотри на виновного, который предстанет пред твоим судом, как на человека, достойного жалости, подверженного слабостям испорченной нашей природы, и по возможности, не в ущерб противной стороне, будь с ним милостив и добр, ибо хотя все свойства божества равны, однако же в наших глазах свойство всеблагости прекраснее и великолепнее, нежели свойство всеправедности».

Сюда Сервантес вставляет страстную апострофу Сида Ахмета Бен-инхали, предполагаемого рассказчика этой истории: «"О бедность, бедность! Не понимаю, что побудило великого кордовского поэта сказать о тебе:

Священный дар, никем не оцененный.

<...> Зачем ты преимущественно избираешь своими жертвами идальго и прочих людей благородного происхождения? Зачем принуждаешь их чистить обувь сажей и носить одежду с разнородными пуговицами: шелковыми, волосяными и стеклянными? Зачем их воротники по большей части бывают только разглажены, а не гофрированы?

<...> Жалок тот, говорю я, у кого честь стыдлива и которому кажется, будто всем издали видно, что башмаки у него в заплатках, шляпа лоснится от пота, накидка обтрепана, а в животе пусто!"

На такие мысли навели Дон Кихота [продолжает Бен-инхали] спустившиеся петли, <...> которые он готов был заштопать даже другого цвета шелком, хотя это одна из последних степеней падения, до которой может дойти оскудевший идальго».

Впрочем, на одной из зачеркнутых страниц черновика ВН замечает, что Санчо уходит от своего господина к богатому вельможе, который платит ему жалованье и лучше кормит, в то время как Дон Кихот, занятый по наущению дон Альваро поисками врагов, кончает свои рыцарские подвиги в толедском сумасшедшем доме. «Он там сидел, выздоровел, вышел из лечебницы, но вскоре вновь потерял рассудок и путешествовал по всей Старой Кастилии в поисках самых фантастических приключений. Вместо Санчо он взял себе в оруженосцы беременную женщину, переодетую мужчиной. И был ужасно удивлен, когда она произвела на свет ребенка. Оставив ее на постоялом дворе на попечении добрых людей, он пустился в новые приключения, взяв имя Рыцаря Тягот (Caballero de los Trabajos). Такова последняя страница книги Авельянеды — неудивительно, что Сервантес решил предать своего героя смерти, чтобы он не шатался по всей Испании под чужими знаменами с беременным оруженосцем. Некоторым образом за смерть нашего героя отвечает Авельянеда».

В словосочетании «Рыцарь луноподобных Зеркал» (как и в рукописи ВН) слово «луноподобный» добавлено позже, первоначально это предложение выглядело так: «Рыцарь Зеркал, а ныне Рыцарь Полированной Луны, магического зеркала, если вам известно, что я имею в виду».

Когда в шестьдесят четвертой главе второй части он падает с коня, а Рыцарь Белой Луны грозит лишить его жизни, Дон смело защищает вдохновивший его идеал: «Дон Кихот, ушибленный и оглушенный падением, не поднимая забрала, голосом слабым и глухим, как бы доносившимся из подземелья, произнес:

— Дульсинея Тобосская — самая прекрасная женщина в мире, а я самый несчастный рыцарь на свете, но мое бессилие не должно поколебать эту истину. Вонзай же копье свое, рыцарь, и отними у меня жизнь, ибо честь ты у меня уже отнял». Так как сомнение в красоте Дульсины, высказанное Карраско, было не чем иным, как предлогом для битвы, тот отвечает: «Пусть во всей своей целокупности идет по миру слава о красоте сеньоры Дульсины Тобосской. Я удовольствуюсь тем, что досточтимый Дон Кихот удалится в свое имение на год, словом, впредь до особого моего распоряжения, о чем у нас было условлено перед началом схватки».

Ответ дона Антонио, хотя и своекорыстный, способен вызвать отклик в душе читателя: «Да простит вас Бог за то, что вы столь великий наносите урон всему миру, стремясь образумить забавнейшего безумца на свете!»

Имеется в виду книга Кратча «Пять мастеров», с. 78. Приводим полную цитату: «Богатство вымысла у Сервантеса превозносилось неоднократно, но истинным чудом является не столько то, что он способен бесконечно изобретать приключения для своего Рыцаря и его Оруженосца, но что в каждом из этих приключений, как в только что рассмотренном нами [с сукновальнями], каждый из персонажей неизбежно оказывается и правым и виноватым. Никогда, ни при каких условиях рыцарь не одерживает победу и никогда не оказывается побежденным. В начале каждой новой битвы мы понимаем, почему он должен проиграть, но никогда не чувствуем неизбежности поражения. В насмешку он получает прозвание Рыцаря Печального Образа, но, подобно множеству других, гордо принявших имя, первоначально брошенное с издевкой, он носит его гордо. Быть удачливым или быть веселым — как Санчо — не его призвание, он должен оставаться твердым. Рыцарство — благороднейший из известных ему идеалов, и он не задается вопросом об оплате».

ВН подробно рассматривает сорок сражений, но в этом конкретном перечне различных качеств Дон Кихота, благодаря некоторым случаям удвоения, приводится пятьдесят три эпизода. Тридцатый и тридцать четвертый эпизоды повторно упомянуты в восьмом разделе, где Дон Кихот выступает как *борец с неправдой*.

Двадцать второй, двадцать третий и двадцать девятый эпизоды повторяются в восьмом разделе, «Дон Кихот как *борец с неправдой*».

Седьмой эпизод повторяется в девятом разделе, «Дон Кихот как *враг чародеев*»; тридцать седьмой — там же и в восьмом разделе, «*борец с неправдой*».

Двадцать четвертый эпизод повторно упоминается в девятом разделе, «Дон Кихот как *враг чародеев*».

Четырнадцатый эпизод повторно упоминается в девятом разделе, «Дон Кихот как *враг чародеев*». Тридцатый эпизод — в девятом и в первом разделе, «Дон Кихот как *защитник страждущих влюбленных*». Тридцать четвертый эпизод повторно упоминается в девятом разделе и уже упоминался в шестом, «*покровитель обиженных девиц*». Тридцать седьмой эпизод упоминается также в девятом разделе и уже упоминался в шестом.

Это не совсем точно, так как эпизоды этого раздела часто фигурируют в предыдущих. В действительности только одиннадцать из перечисленных здесь эпизодов не упоминались ранее: четвертый, шестой, одиннадцатый, двенадцатый, тринадцатый, пятнадцатый, двадцать первый, двадцать пятый, тридцать второй, тридцать пятый и тридцать шестой.

В черновиках «Побед и поражений» ВН добавлял: «хотя, мне кажется, из всех европейских стран дуэли сохранялись вплоть до последней войны только в Испании, Италии, Франции, Венгрии и Польше».

«Prologo a la edicion del *Quijote*» («Предисловие к изданию "Дон Кихота"»), в первом из шести томов его издания книги, Мадрид, 1833–1839. Вероятно, ВН позаимствовал эту цитату из какого-то вторичного источника.

Это предложение ВН помечает на полях как парафраз из Груссака. Вторая его половина, начиная со слов «мирился с инквизицией», перечеркнута косой чертой.

ВН отметил на полях, что это предложение (сильно измененное) — парафраз из Мадариаги.

В окончательном варианте ВН вычеркнул конец предложения: «подобно тени, которую отбрасывает на стену некий предмет, освещенный под разными углами несколькими движущимися источниками света».

Страдая от полученных ударов, но еще более от действия магического зелья, Санчо «мигом припал к кувшину, но, уверившись после первого же глотка, что это просто вода, не стал больше пить и попросил Мариторнес принести ему вина, что та весьма охотно и исполнила, уплатив за вино из своего кармана, — видно, недаром про нее говорили, будто, несмотря на свое ремесло, какие-то христианские чувства она все же сумела в себе сохранить. Выпив вина, Санчо тотчас же пришпорил осла, настезь распахнул ворота и в восторге от того, что так ничего и не заплатил и все же вырвался отсюда, — хотя эта радость омрачалась тем, что за него расплатились обычные его поручители, то есть его же собственные бока, — выехал со двора».

По поводу *Сьерры-Морены* ВН замечает: «горный хребет в юго-западной части Испании; самая высокая вершина достигает около 8000 футов; расположен на широте между Филадельфией и Сан-Франциско, если это что-нибудь вам говорит, поскольку вы не учили географии и не имеете никакого представления о конфигурации мира. Куда вы попадете, поднявшись прямо на север по меридиану Рио-де-Жанейро? На оконечность Гренландии, даже не задев Северную Америку».

Далее ВН помещает короткое замечание: «Нижеследующее живо напоминает мне то, как многие нацисты оправдывали свои преступления на суде». Скорее всего, имеется в виду рассказ пленника о том, как некоторые вероотступники-христиане на случай, если им придется вернуться на родину, защищали себя с помощью писем, в которых находившиеся под их надзором пленные свидетельствовали, что с ними обращались хорошо. В данном случае вероотступник помогает пленнику и бежит вместе с ним.

Путнам сообщает, что второе стихотворение, баллада, «как говорят, была положена на музыку доном Сальваторе Луисом в 1591 году, за четырнадцать лет до появления "Дон Кихота"». *(Примеч. ВН.)*

ВН цитирует Путнама: «Санбенито — накидка из желтого полотна с изображением чертей и пламени, которую носили те, кто был судим инквизицией, признался и раскаялся. Ее надевали приговоренные к сожжению на костре».

Как вы помните, в Сьерре-Морене Санчо уже забывал письмо Дон Кихота к Дульсине и по этой причине был вынужден сочинить историю о вручении письма и оказанном ему приеме. Поэтому со стороны рыцаря естественно ожидать, что Санчо поведет его в ее дворец.

ВН цитирует Пугнама: «Эти высказывания Санчо могут показаться в корне противоречащими его характеру, но это никоим образом не объясняется недосмотром автора. Не вызывает сомнений, что во второй части книги, в отличие от первой, Сервантес намеренно пытается обрисовать определенное развитие характера как оруженосца, так и рыцаря... Нетрудно понять, что Санчо, каким бы простаком он порой ни казался, отнюдь не тупица и вполне мог перенять у своего господина рыцарский жаргон и цветистый стиль».

ВН цитирует Путнама: «Отправленных из Орана львов должны были выгрузить на берег в Картахене, следовательно, Дон Кихот со своими попутчиками никак не могли их встретить по дороге в Сарагосу».

В публичном предсмертном отречении Дон Кихота от рыцарских романов ни словом не говорится о пещере Монтесиноса.

ВН мимоходом отмечает реплику, брошенную Дон Кихотом перепуганному Санчо: «"Может статься, ты шагаешь пеший и босый по Рифейским горам <...>?" Любопытно, что пятьюдесятью годами позже настоящий изгнанник, несчастный преследуемый протопоп Аввакум, первый русский прозаик, шел пешим по этим Рифейским — то есть *Уральским* — горам».

ВН приводит комментарий Пугнама: «Намек на подложное продолжение первой части, написанное Фернандесом Авельянедой. Родригес Марин: "Когда Сервантес собирался писать эту главу, в руки ему попала "Вторая часть хитроумного идальго дон Кихота Ламанчского", предположительно сочиненная неким Алонсо Фернандесом Авельянедой и опубликованная в 1614 году в Таррагоне". См. пролог ко второй части».

ВН приводит высказывание Ормсби, содержащееся в комментарии Путнама: «Во второй главе продолжения Авельянеды Альдонса Лоренсо в письме Дон Кихоту грозит отлупить его за то, что он называет ее принцессой и Дульсинеей, и тогда Дон Кихот, уязвленный ее неблагодарностью, решает приискать себе другую даму сердца».

ВН цитирует комментарий Путнама: «Не кто иной, как Сервантес, в седьмой главе первой части назвал жену Санчо Мари Гутьеррес, в той же самой главе, несколькими строками выше он назвал ее Хуаной Гутьеррес, а в пятьдесят второй главе первой части — Хуаной Панса».

ВН цитирует комментарий Путнама: «В этой главе автор явно обнаруживает собственное представление о характере Санчо, можно видеть, с каким уважением относится он к оруженосцу в частности и к крестьянам вообще. Именно это подчеркивает Обри Белл [склонный идеализировать Санчо. — ВН} в своем «Сервантесе». Санчо не обжора, не пьяница, не грубый клоун; он "*gracioso*", "шутник", а это совершенно другое. Одна из главных погрешностей Мотто и некоторых других английских переводчиков в том, что они превратили Санчо в клоуна-кокни».

ВН добавляет: «NB: сомнительно, чтобы подобное замечание о политической полиции могло быть сделано в современной России».

ВН помечает карандашом на полях: «ДК, борец с неправдой, капитулирует здесь перед ДК, Избавителем Воображаемой Дамы, — он забывает, что когда-то освободил каторжников и эгоистично сосредоточивается на призрачной мечте».

Составил Фредсон Бауэрс